

Школа сиюминутных судеб
Pavlova Sandra

Здесь не учат математике, здесь не учат литературе. Здесь не прививают основы правильной жизни. Здесь учат контролю. Здесь учат безжалостности. Здесь учат убивать. Здесь ломают и губят, делая из детских душ безжизненную пустоту, создавая кукол — покорных и бесчувственных. Здесь нет места чувствам, мечтам и желаниям. Здесь все это — слабость, которая будет стоить тебе жизни. Ты больше не принадлежишь себе. Ты больше не вправе распоряжаться своей судьбой. Ты — никто.

Марк один из тех, кто живет в этом мире. Он тот, кто научит тебя и ломает. Жестокий, безжалостный и холодный. Он часть системы. И он тоже сломан: своей жизнью, своими страхами и сомнениями. Он давно потерял себя, давно прекратил ждать от жизни того, что наполнит ее смыслом и существованием. Он не знает, чего хочет и ищет.

— Соглашайся, полковник! Что еще тебе делать в отставке, — уговаривал своего друга Тимур.

— Думаешь, я не найду чем заняться? — хмыкнул в ответ Марк.

— Я думаю, что очень скоро ты начнешь сходить с ума. Непросто выбросить из жизни десять лет в армии. Уж поверь — я знаю. А я предлагаю тебе возможность продолжить свое дело.

— Моим делом было обучение солдат, а не воспитание детей в твоей школе.

— Их не нужно воспитывать, их нужно учить.

— Это — дети, значит, априори прилагается воспитание, — возразил мужчина. — Тем более младшим.

— Ты не будешь заниматься этим лично, — не стал продолжать спор Тимур. — Твое дело — знакомое тебе, привычное — учить, прививать навыки. То, что ты умеешь делать лучше всего — вбивать разум в пустые головы. Остальное тебя касаться не будет, я обещаю.

— Ты так толком и не рассказал, что это за место — твоя школа, — вернулся к началу их разговора Марк.

— Она не моя.

— Не увиливай, — прищурился со смешком друг.

— Я не имею права рассказывать тебе суть, пока ты не дашь согласие.

— Я не буду рассказывать об этом на каждом углу.

— Я знаю, — вздохнул Тимур и замолчал на пару минут, решаясь и подбирая слова. — Окей. Эта школа — Государственная программа, практически экспериментальная. Ей всего пара лет отроду, и лишь недавно мы влились в нужное русло, и все нормализовалось и встало на свои места. Суть вот в чем. Мы набираем студентов в возрасте от тринадцати и выше. Подростки, юноши и девушки. Каждый из них далек от образца примерного поведения.

— Конкретней.

— Малолетние преступники, наркоманы, просто агрессивные дети. Судьба каждого из них незавидна: кого-то мы выгнали из грязных приютов, кого-то из подворотен, борделей и притонов. Часть — из неблагополучных семей, часть — с малолетки*.

— Цель?

— Дать другую жизнь. Привить... ммм, — промычал Тиму, подбирая слово, — особые навыки, научить.

Марк лишь усмехнулся, уловив суть. Что ж, этого можно было ожидать, если объективно рассмотреть намеки друга. Школа, где прививают «особые» навыки, не что иное, как прикрытое для школы, где научат тому, что не преподают в университетах и техникумах: играть, лгать, мошенничать, убивать.

— Этим оно оправдывает себя? Государство. Научить? Дать другую жизнь? — насмешливо протянул Марк. — Оно просто создает себе армию смертников, шпионов, бойцов, солдат — назови как угодно, смысл один — оно создает тех, кто будет делать грязную работу.

— Кто-то должен ее делать, — всего лишь произнес Тимур, пристально глядя другу в

глаза.

С этим Марк не мог поспорить. Но дети? Почему именно они? Почему не как раньше — бывалые солдаты, бывшие военные, спецура?

— Потому что проще научить, вбить в голову, заставить, стимулировать. Во многом проще. Я проработал с детьми всего пару лет, и результат поразительный. Это юные умы, в которые можно вложить все, что тебе нужно, которые не будут задавать вопросы, которые плевать хотели на мораль. Они — не обычные подростки. Им нечего терять, их никто не ждет.

— И поэтому их можно пустить в расход? — жестко произнес Марк, прищурился недовольно глаза.

— Никто не пустит их в расход, если они возьмутся за ум. Прекрати, Марк, так на меня смотреть. Я — не растлитель невинных душ. Эти дети, которых мы привозим в нашу школу — преступники, маньяки, убийцы. Так почему бы им не убивать на благо страны? Почему не лишить их дозы, и не дать им...

— Ствол?!

— Цель. Стать хоть сколько-то значимым, сколько-то ценным. Научиться жить своим умом, добиваться поставленных целей. Их никто не будет приносить в жертву, если они научатся тому, чему их хотят научить. Если они прекратят тратить свою жизнь на бессмысленное прожигание. Может мы и не ангелы, несущие свет в их жизнь, но мы и не демоны, готовые заслониться ими в случае чего. Ты должен понимать эту систему.

Марк понимал, очень хорошо и четко. И прекрасно видел всю стратегию, все возможности того, о чем говорил Тимур. Отчасти друг был прав. Кто эти дети? Что происходит с такими, как они? Они погибают через пару лет от передозировки, отдают концы в подворотне на чьем-нибудь ноже или ловят пулю в лоб. Они гниют в притонах и борделях, превращаясь в пустое нечто. Они выходят с малолетки, и через месяц, может год, снова попадают за решетку. А так действительно есть шанс — выжить. Пусть призрачный, пусть зависящий от ситуации, способностей и много чего еще, но он есть.

— Есть и другие. Те, кто приходит сам. Элита — так их называют в школе. Это дети военных, таких как мы с тобой, дети, которые желают идти по стопам своих родителей. У них немного другая система обучения, но лишь едва отличная от общей. С ними проще, они знают, чего хотят, уверенно и упорно идут по своему пути, стараются и прилагают усилию. Но их немного. Остальные — упрямые, своевольные, дикие и агрессивные дети. К ним нужен особый подход, иногда жесткий, а иногда и жестокий. Но в любом случае — это лучшее, чем то, что ждало бы их за стенами школы.

— Зачем тебе я? — спросил Марк, внимательно глядя на друга.

— Твои навыки, опыт, способности и характер очень быгодились мне. Ты многому можешь научить их, многое им дать.

— Как долго длится «обучение»?

— По-разному, в зависимости от человека. Кто-то уже обладает некоторыми навыками, кто-то совсем чист.

— Как вы выбираете, кого взять?

Вместо ответа Тимур подошел к компьютеру Марка, загрузил его, и зашел в базу данных.

— Здесь вся информация о наших учениках. Просмотри, если тебе интересно. И подумай над моим предложением. Это то, что ты умеешь лучше всего, — Тимур пристально,

внимательно и уверенно посмотрел на своего боевого товарища. — И ты нужен мне там.

Мужчина хлопнул Марка по плечу и вышел из его квартиры, оставляя его подумать, поразмышлять и просмотреть информацию.

(*Имеется в виду колония для малолетних преступников).

В общей сложности в школе было около полутора тысяч учеников. И то, что каждого из них выбрали из числа многих, было ясно после просмотра всего пары личных досье, которое было заведено на каждого. Подробная информация о каждом ученике: возраст, рост, вес, группа крови, характеристика, полное описание внешности, детали, изюминки и много чего в таком же духе — все, вплоть до родинок на теле. Но что самое главное, у каждого была своя особенность, свой талант, дар — как угодно. У кого-то были особые навыки, кто-то обладал удивительной интуицией, кто-то был лучшим в своем деле, кто-то отличился умом уже в свои тринадцать. И сразу стало понятно, за что именно взяли в эту школу того или иного ребенка. Хотя некоторые были уже не детьми, в полном понимании этого слова — несколькими, пусть таких и были единицы, было даже больше двадцати.

Марк рассматривал фотографии, читал личные дела, уже мысленно выстраивая перед собой личность каждого ребенка.

Вот этот, с волчьим взглядом — очень упрямый, злой, но вместе с тем забитый жизнью, боящийся всего вокруг. Он как дикий звереныш — и боится, и кусается. А ведь ему всего четырнадцать. Но уже по глазам видно, как много он повидал за свою короткую жизнь.

А эта девушка — пустышка, которой стала, будучи проституткой. Подсаженная на иглу, с бездумным взглядом, не видящая ничего вокруг. Но красивая до одурения. И именно красота стала причиной того, что с ней случилось: попала не в ту компанию, быстро вкусила запретный плод, денег на дозу не было, а потому начала торговать собой. Ее заметили — яркая и привлекательная — забрали с улицы, дав место под крышей, но с иглы не сняли, чтобы не рыпалась.

Мелкий, очкастый паренек, лет пятнадцати, с красными от недосыпа глазами. Хакер, который взломал весьма недурственно засекреченную информацию. Просто ради шутки, игры. На его счету так же была пара взломов банковских систем. Но денег он не взял. Для него это была игра, адреналин. И если его чуть подучить, дать ему направление, цель, он свернет горы в мире взлома. Его забрали из семьи алкашей, где он подвергался избиениям, унижениям и много чему еще. Согласился пойти в школу почти сразу и добровольно. Его не смутили рассказы о том, куда его заберут. Он лишь попросил хороший комп, остальное его не волновало.

Каждый, чье дело просмотрел Марк, был особенным, уникальным, одаренным — физически или умственно. И каждому найдется место в системе, талант каждого разовьют до предела, отточат до совершенства. Кто-то станет одиночкой, освоит всего понемногу, чтобы работать самостоятельно. А кто-то будет в команде, где у каждого будет свое место, свое дело, своя задача. Каждого из этих ребят искали специально, не гребли под общую гребенку.

Отдельную папку составляла элита, как назвал их Тимур. Взгляд у всех целеустремленный, решительный твердый. Каждый так же по-своему хорош. А даже если и не очень — терпения и характера им не занимать. Их преимущество было в том, что они

знали четко и ясно, без недосказанностей, куда и зачем идут. Они не боялись, не трусили, готовы были на жертвы. Но суть была в том, что и рисковать им особо не дадут. Их не пошлют туда, куда с легкостью отправят остальных. Они слишком ценны, любимы и дороги, чтобы с легкостью можно было рисковать ими. И пусть Тимур уверял, что все не так уж страшно, кто как ни Марк понимал и знал всю подноготную. Эти дети — пушечное мясо в большинстве своем. Лишь самые сильные получают настоящий шанс на новую лучшую жизнь, лишь немногим удастся удержаться, если они захотят. И в этом все дело — много кто не захочет. Но тут друг прав — общество не обеднеет, если парой преступников станет меньше.

Марк не был особым моралистом, щепетильность его тоже не зашкаливала, но и так просто и легко согласиться принять в подобном проекте участие, было для него невозможно. Слишком много того, что напрягало его и не устраивало, что вызывало сомнения и противоречило его нравственным устоям и принципам. И хочется и колется, как говорится. Он ведь прекрасно понимал, что слова друга о том, что через некоторое время он на стену полезет от скуки и безделья, были правдивы на сто процентов. Он ничего не умеет, кроме того, что делал последние пятнадцать лет. Ни-че-го. А он воевал, убивал, обучал и вел за собой. Куда он пойдет сейчас, когда вышел в отставку? В офис? Очень вряд ли. А ничего подобного тому, что он может захотеть, ему никто не предложит. Но и чтобы согласиться на предложение друга, тоже нужно многое осмыслить. Например, понять, что если он скажет «да», уже не будет пути назад, не будет места жалости или сомнениям. Если он согласится, то должен будет принять навязанные правила, иначе толку от него не будет никакого. Не сказать, чтобы Марк питал какую-то слабость к детям, просто в чем-то сложно будет проигнорировать этот факт — они дети. Да, пусть кому-то уже больше восемнадцати, это воспринимается более или менее спокойно. Он и сам пошел служить в этом возрасте. Но ведь большинство младше, девяносто процентов — несовершеннолетние. И пусть в глазах каждого уже прожитая по-своему жизнь, свои проблемы и опыт, суть остается прежней. Сможет ли он забыть этот факт и видеть перед собой лишь учеников? Лишь объект для своей работы? Это было самым сложным, в чем Марку предстояло разобраться. Он никогда не имел такого опыта, никогда ему не доводилось заставлять, ломать и требовать: все, кто был когда-либо под его началом, знали на что шли. В этой же ситуации нужно будет действовать грубо, применять силу и жесткость. И будет ли это тем, чего он хочет на самом деле? Получит ли он хоть какое-то удовлетворение от проделанной работы, как бывало прежде?

Марк согласился. С трудом представлял себе, как это будет, но после долгих уговоров Тимура дал свое согласие ехать к нему в школу.

— У тебя получится, — уверенно говорил друг.

— Можно подумать, если нет — это что-то изменит. Я ведь уже не уйду оттуда просто так, — хмыкнул Марк.

Он знал, на что шел, и на что соглашался. Не мог не догадываться, что какое-то противостояние системе мигом обернется против него. Ничего кардинального не будет, но вот попортить ему жизнь могут знатно.

— Куда ехать?

— Далеко. Самолет завтра в шесть. Билеты уже у меня.

— Ты не знал, что я соглашусь, — усмехнулся Марк, вопросительно подняв брови.

— Я надеялся.

— Ты так яро меня туда тянешь, начинает вызывать подозрения.

— Никакого подвоха. Я все честно тебе рассказал, — серьезно ответил Тимур, глядя мужчине в глаза.

— Проехали, — только и сказал Марк.

И уже следующим вечером он садился в самолет, который летел на другой край страны. Обычный рейс, обычный город в самом сердце страны. Потом несколько часов езды в дремучую глубинку, где в труднодоступной зоне, закрытой для проезда без пропусков, возвышался огромный бетонный глухой забор, ограждающий территорию в несколько десятков гектар частной земли. КПП на въезде, на каждом углу — камеры видеонаблюдения, наверху, на четырехметровой высоте — ток, бегущий по тонким, незаметным обычному глазу проводам — все это Марк замечал свои наметанным профессиональным взглядом. Оружие под формой у охранников, рация в руках, цепкий взгляд — такие же профи, как он сам.

Тимур въехал на территорию школы, проехал меньше километра, и за следующим поворотом дороги они выехали из леса, где перед взглядом Марка появилась цивилизация. Мужчина остановил свое авто, и они одновременно вышли.

Марк внимательно и с любопытством смотрел по сторонам. Они стояли как раз на парковке, и перед ними было все как на ладони. Оплот урбанизма и цивилизации посреди Сибири, где самый близкий поселок в сотне километров отсюда. Тут и там разбросаны корпуса, площадки, территория разделена прогулочными дорожками, вдоль которых фонарные столбы, и парковыми зонами, где стояли лавочки и скамейки. На первый взгляд это могло показаться просто зоной отдыха, санаторием, чем угодно, но не военной базой. И только пройдя вперед и оказавшись за основными зданиями, понимаешь, что это ни хрена не санаторий. Полигоны, стрельбища, спортивные площадки, как для волейбола-баскетбола, так и для физподготовки: беговые дорожки, турники, силовые тренажеры и все в этом духе. На заднем дворе так же была конюшня и псарня, складские и хозяйственные помещения,

общая столовая и общежития — отдельно учительское, и пара для учеников.

— Как тебе на первый взгляд? — поинтересовался Тимур, как только провел друга по территории.

— Пусто, кроме охраны — никого. Где дети?

— Сейчас занятия. С этим строго — никаких прогулов и прочей ерунды.

— И что, нет злостных нарушителей? Они же подростки, — хмыкнул Марк, продолжая крутить головой по сторонам.

— Здесь — нет. Ты либо делаешь, что тебе велят, либо...

— Не продолжай, — перебил хмурого друга Марк, чуть скривившись.

Он даже думать не хотел о том, что не договорил Тимур. Он вообще о многом старался не думать: он согласился на эту работу, и это все, что от него требуется — работать. Думают другие.

— Отельный корпус для «элиты» — их здесь не особо любят, — начал рассказывать Тимур, когда они сели на одну из скамеек, показывая в ту или иную сторону. — У них даже занятия идут отдельно. Мы пытались как-то...сдружить их с прочими, но не вышло. Враждебность так и прет с обеих сторон. Одни считают других выскочками, те их — отбросами. Так и повелось.

— С этим есть проблемы?

— Бывает. Но в это мы особо не вмешиваемся. Сам понимаешь, что в любом обществе есть иерархия, есть свои правила и устои. Тем более в таком как школа, тем более — в такой, как наша школа. Здесь они строят свою. Даже плюсы в этом есть — выживает сильнейший. Закалка, проявляется характер. Слабакам здесь не место.

— Но они ведь есть. Те, кто будет сидеть в тени: компьютерные гении, аналитики и прочие умы.

— Это уже другое дело. Тут мы на стреме. Да их особо и не трогают: мы ясно даем понять, где чье место.

— А между собой?

— Само собой, — хмыкнул Тимур, прикуривая сигарету и чуть расслабленно подаваясь вперед, чтобы опереться локтями о колени. — Стычки происходят каждый день, и не раз. Особо буйных мы наказываем, в остальном же даем им самим разобраться. Здесь почти каждому палец в рот не клади, так что — сам понимаешь.

— Как наказываете?

— Дополнительные тренировки, физическая работа, все в этом духе. Самым ретивым — есть здесь парочка — нужно нечто посильней.

— Например? — допытывался Марк.

— А то ты не знаешь, — хмыкнул Тимур. — Здесь нет места жалости. Не смотри на них, как на слабых и беззащитных. Каждый из них тебе нож в спину воткнет не задумываясь. Здесь не место щепетильности, сожалению и поблажкам. Здесь дозволено многое. Никто не говорит об откровенном насилии и прочем, но без ежовых рукавиц — ты здесь мишень. И не ищи здесь мораль, не прививай ее — с этим мы безнадежно опоздали. Не удивляйся свободным нравам, сиюминутным связям, раскрепощенности. Но жестко пресекай принуждение и откровенное насилие.

— Да уж, не в сказку я попал, — хмыкнул Марк.

— Ты привыкнешь. Все на первый взгляд кажется странным и незнакомым. Но человек — тварь быстропривыкающая к обстоятельствам. Поначалу здесь вообще был такой бардак,

что страшно вспоминать. Первые пару лет, пока набирали персонал, пока нормализовали работу и прочее-прочее, был такой завал и такие проблемы, каких не ожидал никто. Сейчас проще. Новенькие приходят и сразу же вливаются в здешнюю систему, в устоявшееся русло, им быстро объясняют, что и как, нам даже не приходится стараться и распинаться. Тогда же нам потребовалось много времени, чтобы вбить в головы то, что было нужно: новые правила, законы, устои, порядки, запреты. Мы буквально дрессировали первооткрывателей, навязывали им дисциплину, потихоньку вливая в них то, что было нам нужно для дальнейшего пути. А сейчас проще — дети приходят туда, где все четко и понятно расписано.

— Здесь нужна работа психологов.

— Их здесь не меряно, — рассмеялся Тимур. — Да и каждый из нас, преподавателей, в какой-то мере стал им. Когда тебе нужно найти подход, проявить внимание, понимание. Индивидуальный подход — волей неволей станешь психотерапевтом. Да и тебе это должно быть знакомо.

— Знакомо, — кивнул Марк. — С этим я справлюсь. Но в чем конкретно моя задача? Только физподготовка?

— В основном. Но ты можешь принимать участие в любых занятиях, можешь оказывать помощь, если попросят или просить о том же. Здесь мы — одно целое. У нас одна задача, один приоритет, одна цель. И без взаимовыручки никуда. К тому же, у каждого преподавателя есть своя группа, либо же отдельный человек. Это как шефство: более близкое знакомство, общение, контакт. Ты должен создать из нескольких разрозненных личностей одну сплоченную команду. Либо из конкретного парня или девушки — высококлассного специалиста. Во втором случае ты изучаешь с ним каждую дисциплину. Не самостоятельно конечно, но присутствуя обязательно. Нужно наладить связь, контакт, заручиться доверием и уважением, чтобы тебя слушали, привыкли, чтобы не доставляли проблем. Я не говорю о привязанности, но ученик-учитель — тоже в некотором роде взаимосвязь.

— Я сам выберу?

— Само собой. И необязательно сразу. Присмотришься, проанализируй...

— Не учи ученого, — толкнула друга кулаком в плечо со смешком Марк. — Детям своим объясняй.

Тимур только улыбнулся. Он еще много и долго рассказывал — мелочи, но так, чтобы у Марка сложилось общее представление о месте, в которое он попал.

— Ты во все вникнешь постепенно, все поймешь, вольешься в колею, — завершил свой рассказ мужчина. — Здесь тоже можно научиться радоваться своей работе.

— Я уже давно ей не радовался, — признался Марк.

— Поэтому ушел в отставку? — спросил Тимур, внимательно глядя на друга.

Они не обсуждали эту тему ни разу — Марк не хотел. А Тим не настаивал, не лез в душу.

— Да, поэтому. Но при этом я не умею ничего другого. Не умею жить по-другому. Но я устал. Устал так сильно, что не передать словами. Даже грустно.

— Я знаю, — кивнул Тимур, снова закуривая. — И страшно. Мы за свою службу видели столько, что на несколько жизней хватит, чтобы просыпаться от кошмаров.

— Я просыпаюсь.

— Я тоже.

Они оба в какой-то степени были разочарованы тем, как сложилась их жизнь. Ни семьи, никого из близких, и слабая надежда обрести все это. Это тяжело, трудно, но ведь они действительно не умели ничего другого. И приходилось довольствоваться тем, что есть, искать компромиссы, спорить с самим собой, давить себя даже в какой-то степени. Они на многое уже не имеют права, многое упустили и никогда не вернут, лишили себя обыденных вещей, и даже не понимают, что потеряли. Но трудно уже что-то изменить, когда вся жизнь — взрослая и осмысленная — прошла именно так. Когда тебе уже за тридцать, когда ты видел столько, сколько видели лишь единицы, подобные тебе. Они не заточены под иную жизнь, которая заточила их под себя. Им уже не свернуть с этого пути, не уйти, не забыть, не поменять. И даже оставив службу, как это сделал Марк, ты не начнешь все заново. Тебя все равно затянет назад, в этот ад, без которого ты уже и жизни своей не представляешь. Они слишком глубоко во всем этом увязли, чтобы попытаться выбраться. Именно поэтому Марк согласился приехать сюда.

— Пойдем, — прервал тяжелое молчание Тимур, хлопнув друга по плечу. — Я покажу тебе наш корпус и ученический. Ты еще не все здесь осмотрел.

Несколько дней Марк своими глазами смотрел на окружающую обстановку, изучал, приглядывался, понимал и разбирался. Присутствовал почти на каждом из занятий, чтобы уловить суть и смысл. Аналитика и рукопашный бой, программирование и стрельба по мишеням из совсем не бутафорских стволов, психология, анатомия, уроки, где учили думать или делать. И ведь не было какого-то четкого разделения на то, кто ведет занятия и чему учит, за редким исключением. Не было разделения труда и всего в этом роде. Это был действительно один сплоченный организм, который думал и действовал в одном направлении — научить. Неважно как, какими методами и способами, главным был итог. Современное оборудование, тренажеры, компьютеры и прочая техника позволял охватывать очень многие аспекты, расширять кругозор и возможности. Во времена его обучения ничего подобного не было: минимум информации и в бой — практика лучший учитель. Здесь старались привить знания раньше, чем приспичит их применить. И это нравилось Марку, в этом Тим не соврал — они стараются. Пусть как-то по-особенному, но стараются — научить, дать, помочь выжить.

Дисциплина, конечно же, была жесткой, и это мягко сказано. Комендантский час, круглосуточное видеонаблюдение, за исключением спален и ванных комнат. Запрет на мобильные телефоны и интернет, на прогулки в неположенное время и много чего еще. Но как иначе там, где все смотрят друг на друга волком? Где никто не дружит, не любит. Где все бояться и теряются. Где каждый сам за себя. Вполне понятна была здешняя атмосфера — гнетущая, давящая и пугающая. Но и это пытались исправить: развлечения пусть и не блистали разнообразием, но все же были. Как для учителей, так и для учеников. Большая библиотека, в том числе электронная на каждом из компьютеров, в общих гостиных плазмы и игровые приставки — дети есть дети, и условия для них были соответствующими. Общий доступ был в конюшню — верховой езде здесь так же обучали всех желающих. Преподавателям позволялось покидать территорию и развлекаться на свой манер. Для них был предусмотрен общий автопарк, а также отдельный корпус с бассейном, сауной, бильярдной, кинотеатром и всем в этом роде.

Через неделю после своего приезда Марк более или менее освоился на новом месте. Привык к изучающим, любопытным, злобным, агрессивным и вызывающим взглядам детей. Познакомился с преподавателями и своими коллегами в более конкретном плане. Их было трое — двое мужчин, примерно его возраста и девушка. Слишком молодая, как показалось Марку — всего двадцать пять. Но при этом ее взгляд был куда старше. Она не была мягкотелой, не была слабой, ни в чем не уступала им, мужчинам, в не менее жестких

рукавицах держала студентов. Ева была красивой, умной, но при этом абсолютно холодной, равнодушной. Женственности в ней не было ни на грамм, и не во внешности дело — в поведении, в манере вести себя и держать, в силе характера. Марку она понравилась именно этим — она знала, где находится, и никакой материнский инстинкт не преобладал над ней, что было бы вполне понятно, учитывая ее пол.

— Как давно ты здесь? — любопытно спросил Марк, когда в один из вечеров они с девушкой сидели в общей гостиной их корпуса и разговаривали.

Тут и там были их коллеги, общались, развлекались на свой манер — отдыхали, как могли после тяжелого учебного дня. Часть отсутствовала — дежурства в ученических общежитиях по ночам тоже было их прерогативой.

— С самого начала.

— Как ты попала сюда так рано? Тебе было всего двадцать, — внимательно глядя на Еву, спросил мужчина.

— Так вышло, — скупо ответила девушка, глядя прямо перед собой.

Марк не стал докапываться — не настолько они еще приятели, чтобы иметь на это право, если захочет — расскажет сама.

— А что привело сюда тебя? — спросила в ответ Ева, глядя на него. — Ты ведь ушел со службы. Жил бы себе припеваючи, завел семью, детей.

— Я не умею этого, и наверно, не хочу, — честно ответил Марк, поднося к губам протянутую девушкой бутылку пива.

— Понимаю, — кивнула собеседница. — Когда приступишь к занятиям?

— Скоро. Я еще морально готовлюсь, — хмыкнул мужчина.

— К этому нельзя подготовиться. Тебе все равно предстоит удивиться.

— Сильно?

— Ты видишь перед собой детей. И я видела, когда пришла. Не умилялась, конечно, но скептически относилась к тому, что мне о них рассказали. Наступила пару раз на грабли. И ты, как бы ни был готов, все равно наступишь на те же.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты будешь обманчиво думать о том, что так нельзя, что не стоит переусердствовать, что нужно проявить больше терпения, а не впадать сразу в крайности. Но в этих детях почти нет детей. Все они — жестоки, самонадеянны, грубы, сильны, способны на подлость и козни. Пусть каждый в разной степени, но так или иначе. И они уже умеют играть, умеют строить из себя то, что мы хотим видеть. Порой трудно увидеть истину.

— С этим я разберусь, — кивнул предупрежденный Марк. — Что еще?

— Каждый день мы противостояем им. Заставляем, принуждаем, вкладываем свои силы в их обучение. Не стоит ждать за это благодарности. Лишь грубость, ненависть, злость, ярость — что угодно, но не «спасибо».

— Я догадывался.

— Ты сразу должен дать им понять, что ты над ними, что ты хозяин положения. Никакой мягкости и нежности, заботы. Иначе нужного авторитета ты не приобретешь никогда. Тебя должны бояться, и только потому будут слушаться. И возможно уважать.

— Что насчет «элиты»?

— Земля и небо, — хмыкнула Ева. — Тут ты можешь даже расслабиться иногда. Они пришли добровольно, знают зачем, и хотят этого.

Марку не понадобилось много времени, чтобы понять на собственной шкуре то, о чем говорила Ева, да и Тимур намекал. И возможность заранее знать, что его ждет, весьма облегчила ему задачу. На первом же своем уроке Марк ясно и четко показал, кто он такой, а по прошествии пары недель заработал себе весьма неплохую репутацию. Очень быстро каждый ученик узнал, чего он стоит, почему нужно его бояться, за что уважать, когда молчать. Именно поэтому мужчина быстро вошел в нужное русло, чтобы можно было спокойно и размеренно работать.

Его занятий проходили в тяжелой атмосфере дисциплины, усталости и боли. Он учил детей тому, что знал сам, пока в основном это были навыки боя, приемы из пары боевых искусств. Он муштровал, тренировал и на износ мучил своих студентов. Выматывающие упражнения, спарринги, тренировки, приемы и прочее-прочее имели место быть на уроках Марка. Часами мужчина не выпускал отдельные группы из зала или с площадки, пока не добивался хоть каких-то результатов.

Чуть проще было с теми, кто уже пробыл в школе некоторое время. Их сила и выносливость лишь нуждались в управлении и обучении. Были те, кто получал минимум того, что мог дать им Марк. Это были дети, которым в принципе не понадобятся его уроки в дальнейшем — программисты, аналитики и прочие. А на занятия они приходили просто ради здоровья, чтобы не выглядеть слишком уж задохликами и хилыками, знать пару приемов на всякий случай и закалить организм. Были и те, кто лишь недавно пришли сюда: злые, но слабые, яростные, но не умеющие управлять собой. Это всегда была отдельная группа, с отдельной программой обучения. Но не только к каждой из них нужен был подход — он нужен был к каждому ребенку в отдельности. В каждом было то, с чем приходилось бороться — упрямство, своеволие, лень, агрессия, ненависть, нежелание подчиняться. И у Марка был один способ — физический. Это мог быть бой, спарринг, выматывающий кросс или что-то еще. И не раз, и не два приходилось ломать и строить под себя ту или иную личность, прививая ей порядок, закон и правила. Иногда это походило на избивание младенцев, если бы не сверкающие злобой и ненавистью глаза подростков. Задыхаясь от ударов, захлебываясь кровью и отплевываясь выбитыми зубами, они все равно были неуправляемы. Они все равно не подчинялись, будто специально нарываясь на боль и страдания. Марк понимал их, но это не делало его менее строгим и деспотичным. Не он один старался вбить в эти головы смысл того, зачем их сюда привезли, но свою часть он выполнял добросовестно. И по мере того, как проходило время, каждый из студентов начинал привыкать, учился подчиняться и слушать, выполнять все беспрекословно. Однако злобы в них не намного меньше становилось. Пусть они пытались направить ее в нужное русло, пытались ограничить, сбавить, она все равно была. И проявлялась в основном на уроках Марка и его коллег. А где, как ни на ринге, можно выплеснуть все, что копится внутри? Все, что раздражает и выводит из себя, бесит и вызывает гнев.

— Они просто мазохисты, — сделал как-то вывод Марк после того, как из зала вышла

последняя на сегодня группа. — Не все, но многие. Они не могут без этого — без ярости, без боли, без драки, без адреналина.

— А здесь в принципе нет нормальных детей, — пожалала плечами Ева, протягивая ему бутылку воды. — И именно поэтому они здесь. Это то, что нам нужно. Мы не среднеобразовательная школа.

— Они никогда не смиряются с тем, что их заставили, принудили быть здесь, — произнес задумчиво мужчина.

— Нет. Но привыкнут. У них уже не будет другой жизни. Им просто не позволят. Ты же не думал, что будет иначе? — хмыкнула Ева, заметив, как нахмурился Марк. — С теми умениями, навыками и способностями, что мы им прививаем, не выпускают в вольное плавание. Они всегда будут под контролем, под колпаком.

— Но ведь есть те, кто отличается, — не мог не возразить Марк. — Да, они пришли сюда не добровольно, да, не хотят быть здесь. Но они другие.

— Ты повелся на внешность и спокойствие некоторых? О, как жестоко ты ошибаешься, — рассмеялась холодно Ева. — Именно про этих есть поговорка — в тихом омуте черти водятся. За такими стоит смотреть еще больше. От них можно ждать подлянки куда более жестокой, чем от откровенно агрессивного человека. Они на вид спокойные, но внутри — сущие демоны.

— Что заставляет тебя так думать? — внимательно посмотрел на девушку Марк. — Ты же не думаешь, что из полторы тысячи учеников нет ни одного, в котором ошиблись, привезя сюда?

— Ты просто еще не видел и половины того, что видела я. Очень скоро ты снимешь розовые очки и поймешь, что все они — эти дети — заслужили быть здесь, и терпеть свою тюрьму, свое наказание. Здесь лишь преступники, аморально разложенные личности, будущие маньяки и убийцы.

— Возможно, — не стал спорить Марк, но в который раз удивился тому, как безжалостна и холодна эта девушка.

Ева была одним сплошным комком льда, и это почему-то не давало ему покоя. Он смотрел на нее, и все никак не мог ее понять, разгадать. Любопытство уже съедало его, но Ева по-прежнему не спешила открыться перед ним. Да и ни перед кем вообще.

— До тебя многие пытались, — хмыкнул Тим, заметив как-то, как друг изучающе смотрит на свою напарницу. — Ева — мужик в юбке, пусть и красивый.

— И что, никому не удалось уложить ее на лопатки? — хмыкнул Марк, не скрываясь, разглядывая привлекательную фигуру девушки с ног до головы чуть прищуренным взглядом.

Он был нормальным, полноценным мужиком, чтобы просто так игнорировать такой соблазн, который ежедневно был перед его глазами в самых разных позах и видах, который, не стесняясь, переодевался перед ним после совместной тренировки.

— Хочешь попробовать?

— Можем быть, — Марк не скрыл от друга своего желания к этой девушке.

— Тогда удачи, — Тим хлопнул его по плечу, чуть насмешливо изгибая губы. — Уж если у кого и получится, то у тебя.

Что ж, Марк никогда особо не гордился своей красотой, но вполне четко понимал, что немногие здесь могут составить ему конкуренцию. Он был высоким, широкоплечим, выразительные карие глаза, брови вразлет, темные волосы и красивые губы — поразительно хорош собой. А помимо внешней красоты он лучился силой, властью, которые тянули к

нему, как магнитом: уже не одно предложение провести вместе хорошо время он услышал, от своих учениц в том числе. Но вот что-то, а заводить романы со студентками он собирался точно. И пусть здесь не место морали и прочему в этом духе, для него это было табу. Здесь все, в том числе и он, сквозь пальцы смотрели на свободные нравы, царящие в среде студентов. Секс не был чем-то запретным и сакраментальным, многие девушки не отличались чистотой и нравственностью, а что уж говорить о парнях. И пусть здесь не строили отношения, именно такие связи были попыткой. И что как ни это в очередной раз говорит о том, что это все же дети? Им не хватает ласки, любви, нежности, и они слепо ищут это друг в друге, даже не ведая этого, подсознательно ища хоть каплю тепла, пусть лишь в постели и на несколько часов.

Здесь и дружба была понятием редким. Но все же была, пусть и не в полноценном смысле этого слова. Не раз и не два Марк замечал взаимовыручку, замечал привязанность между детьми, какую-то тягу. Парни и девушки сбивались в группы обобщенных интересов, предпочтений, не дружа, но и не враждуя. Весьма часто слышался смех, пусть и наряду с рыком во время драк. Особенно сближались те, кого составили в группы, для совместной работы. Таких было несколько, но каждая была подобрана профессионально и идеально — кураторы постарались на славу. Каждый дополнял другого, друг без друга им никуда, это был один коллектив, члены которого почти не контактировали с окружающими, занятые лишь собой. Их программу обучения строил куратор, они занимались почти всегда отдельно друг от друга, но при этом составляли одно целое. И уже сейчас было понятно, что из подобного рода практики будет наибольший толк.

— Я думаю над тем, чтобы ввести именно такую практику — создавать группы, и уже после обучать их. Но это сложнее, это требует больших умений и навыков, терпения, а здесь не каждый преподаватель способен к этому. Но поживем-увидим, — поделился мыслью Тим.

Проходило время, и Марк окончательно привык к новому месту работы. Влился в график, в занятия помимо своих, быстро освоил еще несколько предметов, знакомых и понравившихся ему, чтобы быть на подхвате и заняться чем-то кроме физподготовки студентов. Помимо того, чем он хотел заниматься, было и то, что пришло само — психология. Без этого было сложно работать в любом направлении, да и весьма полезной была эта головоломка. Марк научился находить подход к каждому из тех, кто занимался у него. Он улавливал слабости, видел сильные стороны, положительные и отрицательные черты характера — и все это помогало ему правильно работать с тем или иным учеником. Он знал куда давить, чем стимулировать, чем угрожать, знал, какие слова нужно подобрать. Он вычленил из разговоров, взглядом и поведения то, что было нужно и полезно ему, то, что старательно прятали. И то, что он начал понимать своих студентов, и соответственно пользоваться этим, сделало из него того, кого ненавидели больше всего. Всего за полгода Марк превзошел всех преподавателей в этом плане — к нему относились с наибольшим уважением и страхом, с опаской, с неприязнью и еще кучей чувств. Его боялся и ненавидел наверно каждый, кто учился здесь: за безжалостность, за пронизательность, за умение видеть обман, за жестокость и непробиваемость. Последнее, пожалуй, было самым раздражающим для учеников школы: Марк не реагировал на оскорбления, на подколы и поддевки, ни на что вообще. Он лишь молчал и смотрел, а взгляд у него был тяжелым и холодным, последнему он научился от Евы.

— Нельзя показать ни доли тепла или слабости. Они сразу почувствуют слабинку, попытаются залезть под кожу, понадеются на тепло и расположение, а потом горько обмануться.

— Не думал, что тебя заботит это — их чувства, — удивился Марк тогда на слова Евы.

— Их чувства к нам должны быть такими, чтобы мы могли ответить тем же. Не только им нельзя привязываться, но и нам. Ты должен это понимать.

Марк понимал прекрасно. О какой привязанности может идти речь, когда через год-два эти дети навсегда исчезнут из их жизней? Как нежность и тепло помогут им тогда, когда придется толкнуть того, кто стал дорог, в ту пропасть, к которой ты его готовил? Здесь тяжело жилось не только ученикам, но и преподавателям. Да, эти дети не ангелы, не будят в душе бурю чувств и эмоций, не смотрят на тебя наивными глазками, желающими тепла и любви. Но есть в них то, чему весьма трудно противостоять — страх в глазах. Даже самые отпетые и безжалостные испытывали его. Они кичились своей силой, своей злостью, а потом и приобретаемыми умениями. Они загоразивались от окружающих стеной самоуверенности и решительности. Но в глазах был страх. Он был глубоко, не всегда осознанный — подсознательный, но был. Здесь никто не знал, что его ждет, никто не ведал, что с ним будет дальше. Но догадывались все. И эти догадки, эта неизвестность, недоговоренность пугала еще больше.

И вот это желание — избавиться от страха, защитить было у многих, кто был рядом с

этими детьми. Не каждый, но большинство преподавателей были чувствительны на этот счет. А потому приходилось загораживаться в ответ — равнодушием, холодностью, отстраненностью и негативом, иногда даже презрением. И для каждого из учителей не секретом было то, что о них говорят и думают студенты: бесчувственные, жестокие, циничные твари. И за это их тоже ненавидели.

Тяжело было находиться в этой гнетущей атмосфере круглосуточно. И с каждым днем это все накапливалось и накапливалось. Марк по себе узнал, почему в конце каждого дня каждый его коллега выжат, как лимон. По себе понимал, что депрессия на пороге. И в такие моменты, когда накатывало очень остро, человек просто выходил за пределы школы. На день-два каждый из них мог исчезнуть, уехать, расслабиться и отдохнуть вне высоких стен. Большой автопарк был в распоряжении преподавателей, чем весьма регулярно пользовался сам Марк. Гоня по пустой трассе на предельной скорости, он выбрасывал из головы все мысли, расслабляясь, как только возможно. Он выезжал в ближайший крупный город, где просто снимал номер в отеле и спал двое суток беспробудным сном, восполняя все силы — физические и моральные.

Уже весной Марк решил на то, на что Тим подбивал его уже пару месяцев — собрать свою группу. И в принципе это не составило труда, он давно уже мог приблизительно сказать, кого бы взял в подопечные и с кем мог работать. Осталось лишь проанализировать и составить список тех, кто сможет работать друг с другом, посмотреть, как они будут контактировать, и выйдет ли тандем. Когда Марк представил Тимуру два списка с предполагаемыми группами, друг впал в ступор.

— Ты серьезно?!

— Да, — хмыкнул Марк, насмешливо глядя на мужчину.

— Ты хоть понимаешь, на что подписался? Ты собрался загнать в одну клетку два разъяренных тигра в период спаривания и борьбы за самку?

— Какие у тебя яркие метафоры, — фыркнул Марк.

— Марк, ты понимаешь, что это? — Тим ткнул пальцем в листы перед собой. — Это будет не группа, это будет цирк, да и только. Или хуже — драка на выживание. Как тебе вообще пришло в голову соединить в одно «элиту» и «отбросы»?!

— Я хочу попробовать, — спокойно ответил Марк, пожав плечами.

Да, мужчина знал, что идет на риск, пытаясь создать сплоченную команду из тех, кто заранее ненавидит и презирает друг друга. Но в тех списках, что он предоставил Тимуру, были именно те люди, с которыми он желал бы поработать. И именно в таких командах. Он тщательно изучил каждого предполагаемого члена своей команды: привычки, характер, нрав, предрасположенности, умения, навыки и способности. И понимал, что соединить этот взрывоопасный коктейль будет нелегко. Но если получится — у него будет лучшая команда, а у нее все шансы выжить в том мире, к которому он будет ее готовить.

— Я отдам психологам на рассмотрение твои списки, — вздохнул Тимур. — Пусть они решат, насколько ты безумен.

Марк только хмыкнул.

К удивлению Тимура психологи одобрили оба списка из тех, что составил Марк. Они признали, что будет не просто сплотить тех, кого выбрал мужчина, но результат будет стоить того. Также они посоветовали, на каком именно остановить выбор — меньше проблем и больше возможностей. К этому совету Марк прислушался, и уже через несколько дней собрал в своем зале тех, кого посчитал достойным.

Двое — парень и девушка. Идеальные бойцы. Два и два с лишним года каждый из них находился в школе. Денису было восемнадцать, Лесе семнадцать. Он был из «элиты», она — «отброс». Девочка выросла в приюте, сюда попала в пятнадцать. Красивая, рыжеволосая, но без единой веснушки на лице. Высокая, стройная, знающая себе цену, немного стервозная и заносчивая. В школу попала благодаря броской внешности, а позже заявила себя как отличный боец. Она прекрасно владела огнестрельным и холодным оружием, была выносливой, сообразительной и далеко не дурой.

Денис был типичным «элитовцем». Сын генерала, вырос в семье потомственных военных, в шестнадцать пришел в эту школу по совету отца. Был целеустремленным, напористым и решительным. Его Марк выбрал из пары десятков похожих потому, что мальчик был весьма неплохим партнером для Леси, вместе они будут идеально сочетаться. Когда-нибудь. Сейчас же оба смотрели друг на друга с нескрываемым презрением и злобой, стоя друг от друга на расстоянии нескольких метров, воинственно сложив руки на груди. Впрочем, и остальные двое из команды заслужили от парня презрительный взгляд. Но девушка четырнадцати лет не смела ответить тем же, опустив голову и нервно теребя пальцы на руках. Во всей ее позе, косых, коротких взглядах читалась загнанность и неловкость, неуверенность в себе, зажатость. Все это было следствием того, в какой семье выросла Арина. Ее избивали с самого детства, запугивали, и издевались, как только могли родители-наркоманы. В тринадцать ее изнасиловал собственный отец, тогда же ее и забрали из дома. В школе, где девочка училась, она была лучшей, причем не только в своем классе, но и во всем заведении в принципе. Настоящий вундеркинд, она уже заканчивала одиннадцатый класс. Блестящий ум — и это мягко сказано. Здесь девочка имела возможность учиться дальше, развивать свой разум, и ей это нравилось. Она была из тех редких детей, которые пришли сюда почти добровольно, и не относилась при этом к элите. Но здесь ей тоже приходилось нелегко. Давящая атмосфера, насмешки, слабость в моральном смысле сделали из нее серую мышку, которая носа не выказывала из своей норки, где за горой учебников пряталась от мира. И Марк собирался выковырять ее оттуда, привить некоторые способности, которые пока игнорировались этим ребенком, и не прививались преподавателями в связи с тем, что не было особой нужды — свое дело девочка знала: пока ей нужно было повзрослеть немного и просто сформировать свое мышление и ум. Но время пришло, чтобы немного потрусить эту малышку, чем и собирался заняться Марк.

Четвертым в группе был парень. Что-то среднее между умом и силой. Компьютерный гений, но при этом не лишенный и физических данных, не таких, какими обладали Леся и Денис, но все же на уровне. Марк и Андрея собирался подтянуть в этом смысле.

И пятым был Костя. Вор, умеющий вскрыть практически любой замок. Легкий, ветреный, любящий риск. Его забрали из одной группировки, на которую мальчик работал. Он мог достать любую вещь из любого дома, офиса, украсть из под носа, вытащить из кармана так ловко, что никто не заметит. С техникой в своем деле был на «ты». Физически неплохо развит, особенно гибкостью и юркость — в его деле главный фактор. Но кое-каких навыков ему не хватало.

Вообще вся эта команда должна была быть одним целым, но вместе с тем каждый мог быть сам по себе. Это тоже было выгодным ходом — взаимозаменяемость, поддержка, помощь во многих ситуациях, а не только тех, в которых ты знаешь толк. Мужчина собирался создать самую интересную группу из всех. Мало того, что решил на соединение «элиты» с «отбросами», так еще и собирался сделать из каждого отдельного бойца, знающего и

умеющего больше, чем до этого. Смысл того, что детей собирали в группы, был в другом: до предела развить возможности каждого в отдельности и заставить их вместе работать. Марк собирался пойти иным путем: заставить их работать вместе, учиться вместе, но стать не просто одним целым, а каждого в отдельности довести до высшего уровня, сделать универсалом.

Возможно, Марк слишком замахнулся. Обычно подобная практика была отдельной: ты выбираешь человека и только с ним одним занимаешься. Марк решил совместить. Это было ему по силам, и он знал, что справится, тем более именно с этими детьми.

— Зачем нас позвали? — спросил Денис самым первым.

Его отношения с Марком были самыми спокойными и простыми: ученик-учитель. Ни ненависти, ни презрения. Только спокойствие, понимание, нормальное общение. И именно ему было проще всего начать диалог. Леся почти не занималась с Марком, зная о нем по слухам и шепоткам за спиной, ее преподавателем была Ева. Андрей так же занимался под руководством его напарницы, а Арина была редким посетителем его занятий, и попросту робела. Костя молча наблюдал. Он вообще был неговорливым, предпочитая действовать молча и тихо — профессиональная привычка, так сказать.

— С этого дня вы пятеро находитесь под моим личным контролем и наблюдением. Я буду заниматься с вами отдельно и дополнительно. Вы — новая группа под моим руководством.

— Это смешно! — фыркнул Денис. — Мы с ними не сработаемся, — он кивком головы указал в сторону остальных членов группы. — Вам ли не знать...

— У вас нет выбора. Решение окончательное, — спокойно перебил парня Марк. — Я выбрал каждого из вас потому, что посчитал нужным. И работать вместе вам придется, — он сделал ударение на последний слог, — как бы вы ни хотели обратного. С этого дня — вы одна команда. Оставлю вас обдумывать эту новость до завтрашнего дня. А завтра после своих занятий вы приходите в мой зал, и мы начнем работать вместе.

Марк не стал слушать возмущения и возражения, что последовали тут же за его приказом. Он просто вышел из зала, оставляя детей знакомиться. Но никто, естественно, этого не стал делать — они разошлись тут же, бросая друг на друга косые, недовольные взгляды. И дело было даже не в том, что «элита» соперничает и на дух не выносит «отбросов» и наоборот, а в том, что команду в принципе было трудно составить. Эти дети не умели контактировать правильно, лишь так, как иногда было нужно, а не как необходимо. Они не умели и не хотели искать общий язык, предпочитая равных и близких себе по духу. Они не старались сблизиться и знакомиться, даже живя в одной комнате. И ведь это только начало. Им придется притираться, придется учиться уступать, смирять свой гнев и недовольство, искать компромиссы, чтобы стать одним целым. И это всегда было нелегко, это всегда были скандалы и склоки, драки и обиды, угрозы и многое-многое другое. Марк знал, что сегодняшнее возмущение — лишь начало, отголосок того, что будет дальше. Представлял себе фронт работы, и в моральном плане в особенности. Это ведь ему придется научить их, придется заставить, найти подход, точки соприкосновения, показать им, что не настолько они отличны друг от друга, как им кажется. Даже общие интересы ему предстоит выявить, чтобы начать с малого. А они будут сопротивляться — из принципа, из злости и упрямства, не желая подчиняться. И тогда он пойдет на крайние меры, которые не понравятся никому. Марк очень хорошо представлял, что его ждет уже завтра, в том числе и видя, как это происходит у других групп и их кураторов. Но трудностей он не боялся. И

специально искал их, хотя бы потому, что в последнее время ему было скучно.

Именно скука и тоска, которая гложила его уже давно, не давила ему покоя. Он не находил себе полного применения, ему чего-то очень сильно не хватало, и он даже не мог сказать чего. Нечто подобное на него накатывало периодически. Возникало чувство неполноценности, нехватки чего-то важного, что он постоянно упускал из виду. Он забивал эти мысли работой, заданиями, чем угодно, но они неизменно возвращались в его голову. И все бы ничего, если бы он понимал и осознавал, чего же ему не хватает, чего просит его душа. Но его прагматичный и холодный закаленный разум просто был не способен зайти дальше, чем умел. И пока он нос к носу не столкнется с этим, он и не поймет, что ему так необходимо. Иногда он делал попытки угадать. Это были какие-то безумства, или же наоборот нечто скучное. Это были женщины, это были автомобили и байки. Это были перелопаченные книги по философии — пожалуй, самое нелепое, за что он когда-либо брался. И много чего еще. Но каждый раз это было не то, и острое чувство разочарование завладевало им из раза в раз. Сейчас наступала подобная пора, возможно, по-научному это просто была депрессия — трудно избежать ее при таком образе жизни. И Марк собирался с ней бороться до того, как она полностью окутает его. Лучше он забудет свой разум делами, чем постепенно позволит завладеть им подавленности и тоск

Что ж, Марк получил именно то, что хотел — проблемы на всю голову. Он ожидал этого, но все же не в той степени, что получил. Но опускать руки было не в его правилах.

На первом же совместном занятии Марк столкнулся с тем, что каждый из пяти стоял каждый в своем углу, нарочито игнорирую друг друга и его в том числе.

— Бойкот? — вскинул смоляную бровь мужчина, насмешливо глядя на детей. — До чего предсказуемо.

Никто не ответил, даже Денис бросил на него недовольный взгляд. Марк не стал настаивать и пытаться тут же подружить их. Для начала решил осмыслить фронт работы. В первую очередь в своем деле — физическая подготовка не вызывала сомнений лишь у Дениса. Именно его навыки и умения Марк сам оттачивал в последние полгода, и был в курсе того, на каком парень уровне. Троим, кроме Арины, он раздал бинты на руки, сам надел перчатки, и первой на ринг вызвал Олесю, остальным приказав приготовиться и размяться.

— Десять кругов по залу в медленном темпе. Пятьдесят приседаний каждому, и пресс.

Денис беспрекословно выполнил приказ куратора. Арина шокировано раскрыла глаза, но молча побежала. Андрей скривился — физические нагрузки были не самым любимым его занятием. А Костя закатил глаза, пожал плечами, и тоже побежал, особо не напрягаясь и не стараясь.

— Решили лично посмотреть на что я способна? — как-то вызывающе спросила Леся, наматывая бинты и забираясь на ринг.

— Мне нужно знать фронт работы, — спокойно пояснил Марк. — О тебе я лишь слышал, мне нужно увидеть.

Девушка первой ринулась в атаку. Марк только уклонялся, наблюдая, делая мысленно пометки и замечания, срисовывал технику, подмечал плюсы и минусы, ставя галочки там, где нужно подрихтовать. Леся была злой, а потому делала ошибки. Была страстной, желая показать себя с самой лучшей стороны, но это лишь отрицательно сказывалось на ее действиях.

— Слабо, — подвел итог Марк через десять минут.

Девушка была на порядок лучше многих, и он это знал, но хвалить не собирался.

— Вы не дрались, только защищались, — недовольно воскликнула Леся. — Это не честно. Вы не можете судить обо мне лишь...

— Хорошо, — перебил ее мужчина. — Пусть будет по-твоему.

Она снова кинулась на него Марка. Но была зла, и тут же совершила ошибку, моментально оказавшись в его захвате. Мужчина моментально указал ей на ее ошибку и отпустил. Снова ее нападение, он отбивает его ловко и сильно, и девушка летит спиной на маты всего лишь от одного движения руки Марка. И так раз за разом. Она злилась все больше, у нее не получалось сосредоточиться, и еще соперник добавлял тем, что язвительно и жестко комментировал каждую ее неудачу.

— Я поняла! — рыкнула Леся, вновь оказавшись придавленной к полу с больно заломленной рукой.

Марк тут же отпустил девушку, мысленно порадовавшись тому, что она уловила суть урока. Отправил ее бегать, и позвал на ринг следующего.

Одного за один Марк вызывал к себе ребят. Ему хватало десяти минут, чтобы понять, над чем в ближайшее время работать тому или иному студенту, что поставить в приоритете, и на чем сконцентрировать внимание ребенка. Небывалый фронт работы представляла Арина. С ней он даже не пытался встать в спарринг — она не умела и не знала ничего абсолютно: ни единого приема, ни правильной стойки — полный ноль.

— Каждый день Леся приходит сюда с Ариной и занимается с ней физподготовкой. Начнешь с малого, не напирай. Больших результатов не будет в любом случае.

Не сказать, чтобы Леся была довольна поручением, но и не высказала ни слова против, спокойно кивнув.

— С остальными я занимаюсь сам. Каждый вечер после занятий вы приходите сюда и начинаете с того, с чего начали сегодня — пробежка, растяжка. После мои уроки. В ближайший месяц встречаемся только в этом зале. После и постепенно я буду включать прочее.

Никто не стал спорить и задавать вопросы — все было ясно. Марк был доволен тем, что все началось так спокойно. А впрочем, по-другому и не могло быть. Каждый из них понимал, что ему не отвертеться, не увильнуть, нельзя отказаться. И пусть еще не было осознания того, что они одна команда, приказы и авторитет Марка уже не поддавались сомнению и оспариванию. Они прекрасно знали, что если не выполнят сказанного — получат нагоняй, и это мягко сказано. Каждый из них был здесь не первый год, и им не нужно было объяснять последствия их недовольства. Здесь было одно правило: им говорят — они выполняют. Без всяких условий и споров. Иначе ничем хорошим им это не грозит.

Дети быстро влились в график, который построил им Марк. Нехотя, с трудом, с недовольными лицами и возмущением в глазах, они приходили в зал и тренировались под руководством куратора. Мужчина в свою очередь достаточно долго изучал своих подопечных: манеру их боя, силу, внимание, навыки, думал о том, как все это отточить и улучшить. Особо пристально внимание уделялось Лесе и Денису — все же они были именно бойцами, и это была их прерогатива и приоритет.

— Вставайте в спарринг, — опираясь руками о ограждение ринга, попросил Марк парня с девушкой.

Те переглянулись и оба удивительно гармонично злорадно улыбнулись — появилась возможность выпустить пар. Напряжение между этими двумя копилось с каждым днем все больше и больше, а выплескивать Марк его пока не давал.

— Ваша задача — правильно оценить противника. Вы смотрели друг на друга со стороны, теперь в личном бое. Слабости, сильные стороны, навыки и умения — каждый из вас должен предоставить мне устный отчет о том, что он заметил. Задача ясна?

— Да, — одновременно ответили ребята.

— Будьте внимательны.

Леся с Денисом вполне серьезно отнеслись к своей задаче. Они не кинулись в глупую драку, а последовали приказу Марка, хотя соблазн и был велик: все пятеро мало походили на одну группу, а противостояние Леси и Дениса было особенно заметным. Каждый старался быть выше, показать себя с лучшей стороны. Марк ничего не говорил об этом, не пресекал соперничество — оно тоже было своего рода практикой. Этим двоим нужно было наладить контакт, и в их случае это началось именно так. Дальше будет проще и лучше. Уж он постарается.

— Вы хотите сделать из них напарников, — произнесла тихо ставшая рядом Арина. — Чтобы они работали вместе, друг на друга, прикрывали спину, были одним целым.

— Ты умная девочка, — улыбнулся ей Марк. — Только им не говори.

— Для начала им нужно научиться противостоять друг другу. Потом будет проще. Они даже не буду задумываться о том, как действовать на благо другого.

— Верно, — подтвердил вполне уверенную догадку девочки мужчина.

— Это будет долго и трудно.

— Посмотрим, — не согласился с ней Марк, чуть подмигнув.

Арина тут же смутилась своего напора и неуверенно прикусила губу.

— Как твои успехи? — продолжая наблюдать за спаррингом, спросил Марк.

— Я уже не задыхаюсь после километра бега, — улыбнулась слабо Арина. — Но это не мое.

— И никогда не станет, — подтвердил Марк кивком головы.

— Тогда зачем...

— Чтобы ты не захламляла за своими книжками. Движение — жизнь. К тому же элементарная физподготовка еще никому не мешала.

— То есть мне не ждать, что вы выставите меня туда? — она кивком указала на ринг.

— Нет. Если только ты сама этого когда-нибудь захочешь.

— Вряд ли, — скривилась девочка.

И Леся, и Денис неплохо справились с поставленной задачей, и после Марк отпустил всю группу на отдых.

— Завтра жду вас в компьютерном зале, не опаздывать, — предупредил Марк уходящих ребят.

Глаза Андрея тут же довольно заблестели, и он более воодушевленно выскочил из зала.

— Пару раз в неделю вы приходите сюда с Андреем, и он показывает вам элементарные вещи, — начал свой рассказ Марк. — Не углубляйся, — обратился он к хакеру, — просто общие программы. Если нужно будет что-то конкретное, я скажу. Без меня управитесь или нужно контролировать? — обведя взглядом каждое лицо, спросил Марк. — Отлынивание не прокатит, — сразу предупредил мужчина.

Все согласно кивнули.

— Считайте это общеразвивающими занятиями. А ты, — он снова обратился к Андрею, — постарайся сделать их не нудными и не скучными.

— Это я могу, — хмыкнул парнишка, отсалютовав ему рукой и тут же уткнувшись в монитор.

— Отлично.

Он оставил ребят и вышел из зала.

— Я совсем не понимаю его, — протянула Леся, глядя вслед куратору. — Он не делает из нас команду.

— Потому что мы к этому еще не готовы, — тихо произнесла Арина. — Всему свое время.

Леся только глаза закатила. Благодаря ежедневным отдельным занятиям с этой девочкой она больше всех ее знала. Они не подружились даже близко, но общались спокойно. И Леся привыкла к таким вот пространственным замечаниям. Ее даже порой раздражала заумность и загадочность в каждом слове Арины.

— Зануда, — проворчала Леся.

Физподготовка, компьютеры и программирование, занятия по логике и аналитике, анатомия и медицина, психология — в каждое из этих занятий Марк постепенно вводил в свою группу. Все они знали основу, которую им давал тот или иной преподаватель на

ежедневных уроках, а Марк углублял эти знания, доводил их до совершенства. Он оттачивал каждый разум в отдельности и все вместе. Лично изучал предметы и программы обучения, составлял свои, руководствуясь советами коллег и своими размышлениями. Зачастую свои занятия с группой он вел сам по всем дисциплинам и программам, редко обращаясь к специалистам. В основном это была психология, с которой ему помогали профессионалы в этом деле. Но даже на этих уроках Марк принимал основное участие, довольствуясь минимальной помощью коллег.

Основной упор практически во всех занятиях был на Лесю и Дениса. Арина знала свою задачу, и ей не нужно было говорить о том, что делать. Андрей так же имел представление о том, что от него требуется, и учился в основном с лучшим программистом и хакером, который преподавал в школе, делая акцент на своих умениях. А Костя был везде. Его любопытство, легкость на подъем, интерес к окружающему миру делал из него вечный двигатель. Он ни минуты не мог сидеть на месте, энергия из него так и перла. Его не волновало соперничество и прения с «элитой» или «отбросами», он в основном был сам по себе, но при этом всегда в группе. Интересный экземпляр — Марк это понимал все больше и больше. За таким нужен глаз да глаз.

Порой занятия вызывали у ребят интерес, иногда негатив и недовольство, а иногда откровенное непонимание.

— Вы издеваетесь? — протянул пораженно Денис, вертя в руках Кубик Рубика.

— С чего ты взял? — как ни в чем ни бывало, ответил Марк, раздавая остальным такие же.

Ребята сидели за столами в пустой аудитории, перед каждым лежала игрушка.

— Мне нужно оценить ваш ум — логику, сообразительность. Это, — он повертел в руках Кубик, — лучший способ.

— А что потом? «Косынка»? — скептически хмыкнул Костя.

— В том числе, — невозмутимо ответила за Марка Арина, уже вертя в пальцах игрушку. — Еще шахматы, логически задачи, даже кроссворды подойдут.

— Зануда, — привычно буркнула Леся под хмурым взглядом куратора.

Арина не обратила внимания на девушку, сосредоточенно перебирая пальцами. Марк смотрел на нее с довольной усмешкой. А через две минуты Арина положила на крышку стола собранный Кубик.

— Готово, — тихо произнесла девочка, снова робея под взглядом мужчины.

Он вызывал в ней некоторый страх. Его воля, сила, ум завораживали девочку, и пугали очень сильно. И пусть лично с ней он не был особо груб, напорист и жесток, она видела, как он обращается с остальными из команды.

— Расскажи, что еще, — спросил ее Марк, опираясь бедрами о край учительского стола и периодически поглядывая на старающихся студентов.

У Андрея получалось более или менее, остальные тупо двигали детали наугад.

В своей привычной манере Арина начала рассказывать все, что знала о сегодняшнем занятии — способы, возможности, смысл каждого занятия или игры, описывала варианты — начиная выхаживать по классу. Она была сосредоточена, задумчива, тщательно все объясняла и толковала, шагая между партами под удивленные и ошарашенные взгляды ребят. И только когда выстроила в ряд четыре собранных Кубика, поняла причину.

— Есть! — воскликнул довольно Андрей и добавил к ее игрушкам свою, ничуть не расстроенный тем, что не превзошел девочку.

Марк добавил свой кубик, что вертел в руках к остальным и обвел взглядом Лесю, Дениса и Костю.

— Надеюсь, все понятно? — выгнув бровь, произнес Марк.

Трое ребят понуро опустили головы, а Арина как всегда покраснела и смутилась того, что вновь задумалась и увлеклась.

— Простите, — виновато пролепетала девочка.

— Ты умница. А вот кое-кому следует подточить мозги.

Чтобы восполнить пробелы своих ребят, Марк увеличил количество их занятий, нагрузил соответствующей литературой, приказав шгудировать ее почаще. Дал массу заданий, пообещав проконтролировать исполнение.

Полгода спустя Марк мог сказать, что у него получилось. Группа стала, наконец, группой в полном смысле этого слова. Нельзя было сказать, что ребята подружились и были не разлей вода, но общались вполне сносно, проводили много времени вместе вне занятий, узнали привычки и манеры друг друга, притерлись характерами. Даже Денис смог вписаться с непривычную для него среду «отбросов», привнося в нее глоток свежего воздуха. Арина смогла привыкнуть к компании, прекратила избегать их, прячась за книжками и наблюдая со стороны. Один лишь Костя по-прежнему оставался с шилом в одном месте. Он вроде и был в группе, но в то же время и без него могли обойтись. Он был странным парнем, с вечной улыбкой на губах, насмешками над окружающими, вольным, дерзким и безбашенным. Марк не сразу понял, в чем причина такого его поведения. А когда понял, придумал выход.

— Зачем звали? — спросил Костя, заходя в кабинет Марка.

Все остальные уже ушли по своим комнатам отдыхать.

— У меня есть для тебя работа.

— Работа? — хмыкнул парень.

Он вольно расхаживал по кабинету куратора, рассматривал полки и книги на них, трогал все, что попадалось в руки.

— Вот список вещей, которые ты должен достать для меня.

Марк положил на стол перед собой исписанный лист.

— Что за ересь? — спросил, посмотрев на список, через минуту удивленный Костя. — Книга, ежедневник, часы....

— Это вещи, просто вещи, которые ты должен принести.

— И чьи они? — понял суть парень, вопросительно изгибая брови.

Марк протянул ему второй лист, от которого у парня глаза на лоб полезли, а после восхищенно загорелись.

— Вы серьезно? И мне за это не влетит?

— Если тебя не поймают, — пожал плечами Марк. — Прикрывать тебя в обратном случае я не буду.

— И что это значит? Проверка?

— Можешь считать именно так, — кивнул куратор. — Я ни разу не видел тебя в деле, хочу понять и узнать на что ты способен.

Костя внимательно смотрел на мужчину, и в его глазах явно читалось сомнение.

— В чем дело? Это проблема для тебя?

— Вы ведь не просто так дали мне это задание? И не в том дело, что хотели посмотреть на меня в деле.

Марк хмыкнул. Костя был весьма проницательным мальчиком, сообразительным, пусть и казался слишком ветреным, но мозги у него были на месте.

— Если не позволю тебе заниматься «любимым» делом, то очень скоро ты пойдешь на

это самостоятельно. А я все же отвечаю за тебя, и обязан контролировать.

— То есть, таким образом, вы просто даете мне не сойти с ума? — с усмешкой произнес парень, но в глазах была одна лишь серьезность.

— В том числе. Еще ты должен оттачивать свои навыки, какими бы странными они ни были. Здесь, — он кивнул на сумку у своих ног, которую парень только сейчас заметил, — всевозможное оборудование, которое может тебе понадобится. Остальное — ты, и твоя смекалка и мозги. Даю тебе...скажем три дня, — на миг задумался Марк, ставя сроки.

— Хочу поощрение, — нахально улыбнулся Костя.

— Посмотрим, — спокойно ответил куратор. — Можешь идти.

Эта идея — практика для его ребят — не оставляла Марка в покое. И уже через пару дней это вылилось для него в новое решение. Подобное прежде не практиковалось в стенах этой школы, но он готов был рискнуть. К тому же, имел все основания попробовать.

Все навыки, которые дети получали в этой школе, применялись уже за стенами, не считая мелкой практики на занятиях. Марк хотел большего. И считал, что может позволить это. Почему нет? Почему ему не дать возможность своим ребятам проверить себя, дать шанс попробовать, исправиться после, если не выйдет? Он сможет подсказать в чем, подкорректировать. Само собой, что ничего крупного быть в принципе не могло, но вот какие-то мелочи вполне возможно было испробовать.

Начать Марк решил с парочки Леси и Дениса. Эти двое уже спокойно работали вместе, пусть и без особой любви. Выучили привычки и манеры друг друга, знали слабые места и могли прикрыть их. Уже не раз и не два они выставлял их двоих против себя на ринге, где они показывали слаженность своих действий, показывали, что научились быть в бою одним целым и прикрывать друг друга. Это был большой шаг вперед. Постепенно Марк подводил их к тому, чтобы безоговорочно доверять друг другу. Это было сложно, но все же возможно.

— У меня есть для вас задание. Считайте это практикой, увливать нельзя, — начал Марк, оставив парочку после занятий у себя в кабинете.

— Какое задание? Разве это практикуется?

— Нет. Но я хочу попробовать. Вы здесь не первый год, многому научились. Но игра на уроках — это не жизнь. Я хочу дать вам больше простора для действий, для практики. В первую очередь это плюс вам.

И Леся, и Денис поняли и оценили предложенную Марком помощь.

— Вам, никому из вас, никогда нет дела до того, что будет с нами, когда мы выйдем за стены школы. Что вдруг изменилось? — настороженно спросила девушка.

— Я хочу, чтобы моя работа с вами не была бессмысленной. Я хочу вам помочь.

— Не смешите, — презрительно скривились Леся.

— Думай, как хочешь, — не стал спорить и что-то доказывать Марк.

Денис промолчал. Для него все выглядело иначе. Да и вообще, вся его жизнь здесь иная, и будет другой, нежели у той же Леси, пусть они в и группе. Но он не «отброс». Его всегда ценили, всегда вкладывали в него больше, нежели в прочих. Он под покровительством своей семьи, здешних преподавателей, как и вся «элита» в общем. Он никогда не ощущал себя просто материалом, ему не давали это почувствовать никогда. Леся же знала иную жизнь. С ней никто не осторожничал, никто не переживал за нее, никто не оберегал и не нежничал. Изо дня в день ей давали понять, что она — никто здесь, что ничего собой не представляет и не имеет значения, что она — лишь расходный материал. Не имеет прав и свобод, лишь обязанности. И сейчас ей было странно поверить в помощь и поддержку куратора. Марк

никогда не показывал себя заботливым и нежным в отношении своих подопечных. Ни капли привязанности и заботы, лишь муштра и приказы, не выполнение которых жестко каралось и пресекалось. Он не походил на того, кого хоть на каплю заботит будущее детей в этой школе.

Леся настороженно смотрела на Марка, пыталась прочесть его, но не он ли учил их закрывать свои эмоции? Не он ли на собственном примере учил их лгать, играть чувствами на лице? Это он показывал им, как «сохранить лицо», как изобразить то, или иное чувство. И им никогда не превзойти его в этом, по крайней мере, не так скоро. Поэтому Леся ничего не увидела в его глазах, как и всегда.

— Что за задание? В чем суть? — перешел к делу Денис.

— Считайте это вашим первым совместным заданием. Ничего сверхъестественного, все просто. Итак, ваше задание, — начал Марк, внимательно посмотрев на ребят, стоящих перед ним, — актерская игра. Такая, чтобы вам поверил каждый в этой школе. Вы должны изобразить пару. Влюбленную пару, — подчеркнула мужчина, как только Леся открыла рот, чтобы уточнить. — И я тоже хочу поверить в вашу игру. Вы должны убедить меня в том, что между вами есть чувства.

— Вы учили нас не чувствовать, — снова резко заметила девушка.

Было видно, что ей не нравится ситуация, в которую ее ставили.

— Верно. Но играть чувства вам придется, рано или поздно. Но хорошо, — кивнул задумчиво Марк, — пусть будет просто страсть, для начала. Каждый должен быть уверен в том, что между вами роман. Мне все равно, какие способы и методы вы будете использовать, что будете делать и как, но через неделю вся школа должна будет гудеть о вас.

— Мы даже не друзья, с чего бы всем вокруг поверить в такую резкую перемену? — рассуждал вслух Денис.

— Это уже ваши проблемы. Я хочу увидеть результат. Если нет — вам обоим не поздоровится, — предупредил Марк. — И вам самим это нужно в первую очередь, так что побольше энтузиазма, — он холодно улыбнулся и кивком головы отправил их из кабинета.

Парочка переглянулась и молча вышла. Мужчина не сомневался в том, что они что-нибудь да придумают и у них получится. Он сам, само собой не поверит, но вполне сможет оценить их работу без предвзятости и со стороны, забыв о том, что сам дал им такое задание.

Результат превзошел все ожидания.

Во-первых, Костя. Мальчик справился быстро и ловко, никаких следов и палева. Он профессионально обошел все препятствия, в том числе технические — например, камеры видеонаблюдения на каждом шагу. Здесь ему помогли занятия с Андреем, тот научил всех в группе более или менее обращаться с компьютером и необходимыми программами. Никто не заметил пропажи и взлома — Марк дал ему список мелочей, которые можно легко потерять и не придать значения, чтобы не поднимать шумиху. Хотя был соблазн сыграть по-крупному, но нервировать и без того нервных коллег не желал. И парень сделал все достаточно быстро, чтобы заслужить похвалу.

— Отлично, — кивнул Марк, когда перед ним появилась сумка с вещами из списка.

— И все? — недовольно протянул Костя.

— А чего ты хотел? — хмыкнул Марк.

Парень ничего не ответил, лишь насупился.

— Попрошу тебя не наглеть и не проявлять самодеятельности. Если я узнаю — а я узнаю — что ты без моего приказа повторил нечто подобное, тебе не поздоровится. Ясно? — сразу предупредил Марк.

Костя был азартен, у него руки чесались что-нибудь да стащить, поэтому предупредить Марк был обязан. Все же этот парень был под его контролем, и ослаблять его мужчина не собирался.

Во-вторых, Леся и Денис. Марк внимательно следил за этой парой. Всех подробностей он не знал, но тактику понял. Нельзя было просто так взять и показать всему миру вокруг, что между ними вдруг вспыхнула страсть, когда они каждый день на глазах у всей школы собачились и грызлись, пусть не так ярко и сильно, как раньше, но все же конфликтный ситуаций было предостаточно. И они выбрали иную тактику.

Для всех вокруг было не секретом, что Лесю и Дениса связывает лишь группа. Они находят общий язык лишь потому, что у них нет выбора, они общаются, потому что этого не избежать, много знаю друг о друге, но отнюдь не потому что друзья. И сыграть они решили именно на этом — на своем противостоянии.

— Пусть все думают, что наша вражда — это наша завеса, чтобы скрывать истину. Пусть для всех мы делаем вид, будто терпеть друг друга не можем, прикрывая этим свою связь, — рассуждал вслух Денис.

— На этом можно сыграть, — согласилась Леся, задумчиво кусая кончик большого пальца. — «Проколоться», «спалиться»...это не трудно. Только сделать это в нужный

момент и перед нужными людьми.

И парень, и девушка понимали, что увильнуть все равно не выйдет. У них есть приказ, а приказы выполнять их научили давно и сразу. Даже для Дениса в свое время было не просто научиться подчиняться. Он всегда был окружен заботой и любовью, пусть не строгого отца-военного, но нежной матерью точно. И отношение к нему здесь разительно отличалось от того, к которому он привык в своей семье. И пусть оно было куда лучше, чем к тем же «отбросам», все равно было тяжело. Но он привык, понимая, что это необходимо, что он добровольно пришел сюда, согласился на это обучение. Здесь он не любимый сын, здесь он такой же, как сотни рядом, ничем не лучше и не хуже.

Ребята быстро пришли к общему знаменателю, обсудили все детали, и решили начать уже завтра.

Сильные юношеские руки жадно и ненасытно стискивали узкую талию, прижимая к своему телу тонкое девичье. Стройные ножки обхватывали крепкие бедра, а губы слились в жарком поцелуе — голодном и диком, будто последнем. Умелые пальцы парня проникли под тонкую майку и заскользили по горячей коже вверх по бокам и спине, а после подцепили ненужную вещицу и стянули ее с тела девушки, отбрасывая в сторону.

Резко распахнутая дверь заставила парочку резко отскочить друг от друга. Но что это могло дать, когда и без близости тел понятно, что здесь происходит: припухшие от поцелуев губы, разгоряченные, и вместе с тем испуганные взгляды, полуобнаженная девушка на парте, пытающаяся нащупать руками свою одежду, и возбужденный парень, тяжело дышащий.

Зашедшая в пустую аудиторию девушка тоже замерла на пороге, неверяще глядя на них.

— Чего уставилась? — отмерла, наконец, Леся, спрыгивая с парты и натягивая обратно майку.

— Я...Эээ... — только и смогла протянуть девочка, переводя взгляд с одного на другого.

— Только вякни — все глаза выцарапаю, — прошипела злая Леся, проходя мимо нее и больно задевая ее плечом.

Денис вышел следом, тоже враждебно и предупреждающе посмотрев на бедную бледную испуганную девушку. Та проводила их все еще ошарашенным взглядом и растерянно закрыла дверь. Она каждый вечер приходила в этот класс, чтобы заниматься. И Денис с Лесей знали это. А еще были в курсе того, какой болтушкой и сплетницей была Юля. На то и был расчет.

Следующим их шагом было снова «спалиться», на этот раз перед преподавателем. Не то, чтобы для учителей было неожиданностью подобное поведение — они всегда сквозь пальцы смотрели на отношения своих студентов друг с другом, но опять-таки, смотря перед каким преподавателем засветиться. Учителя не опускались до сплетен, никогда не обсуждали своих учеников в какой-то иной степени, нежели их совместные занятия и успехи. Но психолог обязательно к ним присмотрится — такая у него работа. Будет задавать вопросы на занятиях — провокационные и откровенные, будет спрашивать о них у кого-то рядом. «Пара» Леси и Дениса не была первой и не была последней, за которой Юрий Петрович

будет наблюдать. Его задача была в том, чтобы предотвратить излишнюю привязанность, заметить слишком большое увлечение или намек на чувства — здесь не учили этому, здесь прививали иное: расчетливость, холодность, отстраненность, контроль над своими эмоциями и желаниями. А такая «дикая» страсть между Денисом и Лесей обязательно окажется под наблюдением.

Следующим шагом пары было небольшое представление. Кое-кто за их спинами уже шушукался о том, что их связывает нечто большее, нежели просто один куратор и работа в группе — Юлия оправдала их ожидания. Но этого было мало. Нужно было подтверждение для публики, что-то яркое и сильное.

Случай представился на одном из занятий Марка, когда он заменял Еву, а потому соединил свое занятие с группой коллеги. Это было спонтанно, поэтому четкого плана не было. Но Лесе и Денису хватило красноречивых взглядов, чтобы договориться — подобную ситуацию они рассматривали, пусть и в ином контексте.

На таких занятиях, когда «отбросы» и «элита» были вместе, Марк был весьма предсказуем. Он не заморачивался с практикой — ставил одних против других, чтобы спускали пар и злость под присмотром. И редко вмешивался, давая деткам возможность от души побеситься. Вот и сегодня он составлял пары и отправлял их на ринг.

Против Леси по счастливой случайности вышел лучший друг Дениса. Злорадно усмехаясь, веря в свои силы и не сомневаясь в отличном исходе прекрасного боя. Девушка тоже была уверена в себе, презрительно окинула соперника взглядом и сделала первую атаку.

Бой не был четным и красивым — такому здесь не учили: здесь учили биться изо всех сил и без благородства. И все равно, что на руках парня были перчатки — его удары были весьма болезненны и сильны. Леся тоже неплохо дралась, но почти сразу показала свою слабость. Удары летели жестко и безжалостно: разбитая губа, синяк на скуле, ушиб ребер не давал разогнуться и как следует хотя бы противостоять, не что нападать. От очередного удара Леся упала. Илья даже не подумал остановиться, занеся ногу для удара по беззащитно сжавшейся девушке. Но вдруг оказался сбит в сторону разозленным Денисом.

— Какого черта ты творишь?! — крикнул Илья.

— Это что ты творишь! — рыкнул в ответ Денис. — Какого ты избиваешь ее!? Она проиграла, так отойди, а не добивай!

Илья неверяще смотрел на друга, который наклонился к Лесе и легко подхватил ее на руки, все еще враждебно и недовольно глядя на друга. Марк, стоящий на полу у ринга, лишь едва заметно усмехнулся, лукаво прищутив глаза. Он не мешал этой игре, потому и не вмешался, когда слишком ретивый Илья действительно перешел грань — бить лежащего, тем более заведомо слабого и калечить его он не позволял никогда. Но и никогда не видел, чтобы Леся так слабо дралась. Всего маневра своих студентов он не разгадал с самого начала, и был доволен тем, как они работают над его заданием.

Под ошарашенные взгляды нескольких десятков глаз Денис шагнул с ринга и двинулся к выходу, унося с собой Лесю.

— Работаем, — крикнул на очарованных студентов Марк. — Следующая пара.

Большого и не нужно было. Леся и Денис даже не стали действовать дальше — все сделали за них, и через неделю, как и приказал Марк, вся школа гудела о том, что между этими двумя происходит. Куратор похвалил своих студентов.

И подобная практика стала постоянной. Это были какие-то мелочи, ерунда, но каждая из них учила его группу чему-то новому, интересному. И ребята даже сами не заметили, как увлеклись, как стали серьезно относиться к заданиям Марка, ответственно и даже с удовольствием. И чтобы не быть голословным, мужчина сделал им послабление: ограничил общие занятия, заменив их более интересными и практичными.

Марк целиком сконцентрировал их внимание на том, чего они еще не знали, чего не умели, заставлял учить такие мелочи, которые казались неважными, но, в конце концов, были приняты детьми как необходимые. Это было что угодно, в разноречивой, без определенной системы и логики. Он мог превратить свое занятие в урок танцев или этикета. Или же учил их странным и нестандартным вещам: бой с завязанными руками; он мог приказать не шевелиться часами, проверяя и тренируя их выдержку и самоконтроль; он крепил колокольчики к их рукам и ногам, заставляя учиться ходить беззвучно и незаметно; он учил различать их звуки и запахи с завязанными глазами, или же определять предметы перед собой лишь по прикосновениям. Это была масса, уйма вещей, которые он пробовал с ними, которые заставлял запоминать и использовать.

Так же Марк нагрузил подопечных литературой: история, культура, наука и искусство — и множество других сфер для познания и изучения. Это был такой сумбурный набор всего сразу, но при этом он охватывал все, что только возможно постичь в таком юном возрасте. Так же Марк заставил своих ребят углубить изучение иностранных языков: один из преподавателей в школе согласился на дополнительные занятия, при условии, что дети сами этого захотят. Дети захотели — Марк не дал им выбора. С этим тоже постепенно смирились. Так же мужчина взялся за обучение ребят вождению. Денис единственный, кто мог нормально водить автомобиль и мототехнику, Костя тоже был знаком с этим — довелось угнать пару тачек. А вот для остальных это был темный лес, даже для парня. Андрей вообще не воспринимал автомобиль как машину — ею для него был компьютер и только. Арина просто робела, но старалась. А вот Леся быстро вошла во вкус. После пары уроков проводить это занятие Марк доверил Денису. Вообще мужчина старался целиком и полностью заставлять группу работать на себя: Арина занималась мозгами группы, Андрей — техническими азами, Костя — хитростью, ловкостью и изворотливостью, Леся с Денисом вводили ребят в остальное. Это было действительно — сплотило их как одну команду. Само собой не без внешнего воздействия и руководства — ребята еще не так много знали, чтобы обойтись без уроков и занятий. Именно поэтому Марк жестко пресек их желание отлынить от общих занятий целиком и полностью. Это была глупая попытка со стороны ребят — попросить о подобном.

— Но ведь ты сможешь научить нас всему сам, — возразил Денис.

Марк разрешил подобную фамильярность — обращаться к себе на «ты». Это было его шагом навстречу детям. Он не собирался подпускать их слишком близко к себе, но и держать на километровом расстоянии тоже не вариант: они должны раскрыться перед ним целиком и полностью, а этого не будет без минимального доверия. И эта близость должна была позволить и им немного расслабиться, поддаться его силе и контролю с долей мягкости, а не извечного противостояния.

— Ты меня переоцениваешь — я не знаю всего. И у меня нет времени — вы не одни во всей школе.

— Но мы твоя группа, — согласился с Денисом Костя.

— Я и без того провожу с вами больше времени, чем любой другой куратор. Цените это, — хмыкнул Марк.

— Мы ценим, — тихо и серьезно ответил Денис, глядя ему прямо в глаза.

Никто не возразил. Было лестно осознавать, что эти дети приняли его и поняли, перестали только бояться. Именно подобного компромисса он хотел всегда со своими подопечными. Не противостояния, но и не панибратства, уважения, но и упрямства, дерзости. Да, Марк многое себе позволял, многое допускал в своем отношении к этим детям, не был няшной нянькой для них, был и груб, и жесток. Но вместе с тем становился ближе к ним, понимал их — чувства, характеры, стремления. И пусть последнее не зависело от них уже давно, они все же дети — должны мечтать, хотеть. Все в этом мире материально — мысли в том числе. Марк верил в это, и не пытался сделать из этих детей пустых роботов, бездушных кукол, он оставлял право распоряжаться своим разумом без вмешательства.

— Хорошо, — только и сказал Марк, скупно улыбнувшись: своей слабости к ним он не покажет никогда — что угодно, но не это. — Я просто физически не смогу все успеть. Чего-то я не знаю в той степени, в которой знаю прочие.

— Но ведь ты выжил, — тихо произнесла Арина.

Эта девочка тоже была бы не против избежать занятий. Большинство из них уже были ей не интересны, другая часть не касалась ее в принципе, но была обязательной к посещению, а что-то вообще казалось лишним.

— Я не хочу, чтобы вы просто выжили, — разозлился Марк, но тона не повысил: его гнев был в глазах, и дети это знали. — Я хочу, чтобы вы были лучшими. И в первую очередь — для вашего же блага. Я не хочу узнать через полгода, как выйдете за эти стены, что от вас ничего не осталось из-за какой-то глупости или ошибки, незнания. Я никогда не был там, где будете вы, так же как и вам не попасть туда, где побывал я. Наш с вами мир — разный. И я не могу дать вам того, что необходимо в вашем. Просто не могу. Поэтому вы прекратите ныть и будете делать то, что я скажу! Это понятно?! — он обвел своим тяжелым взглядом каждого своего ученика, желая увидеть понимание.

И он его увидел. Что ж, одной проблемой меньше.

— На сегодня свободны, — тихо произнес Марк и отправил ребят из зала.

Те вышли молча, опустив головы и переваривая сказанное.

— Ты переборщил, — тихо произнесла Ева, подойдя к Марку. — С чувствами.

— Я сказал правду, — ответил мужчина, бросив на нее короткий взгляд.

— Ты слишком открылся им. И очень скоро ты это поймешь, — покачала головой девушка, поджав губы.

Марк понимал и принимал долю истины в ее словах. Но не мог по-другому. Он и без того по максимуму закрылся и запечатался в себе, чтобы не дай бог к кому-то привязаться

или позволить это сделать окружающим. Но у всего есть предел. Возможно, однажды он пожалеет о своей слабости и проклянет ее.

Но мы учимся именно на ошибках. И его ошибка проявила себя очень скоро.

— На сегодня все, — удовлетворенно глядя на запыханных и уморенных подростков, произнес Марк.

Студенты, местами побитые и помятые, вяло тащились к выходу, а мужчина взялся за уборку зала, краем глаза следя за ними. Вот сейчас, со стороны, они казались нормальными, обычными детьми, школьниками, у которых свои проблемы, свои заморочки. Ничто не выдавало в них малолетних преступников. Порой, глядя на своих учеников, Марк видел в них то, что видели бы обычные люди, идущие мимо обычной школы или ВУЗа: молодые люди, радостно сверкающие глазами, потому что закончились занятия, беззаботные, веселые. Но он не позволял себе обманываться: беззаботность напускная, веселость наигранная, только радость искренняя — впереди двенадцать часов отдыха, но лишь поэтому. А глубоко в глазах читается враждебность, дикость, неуравновешенность, затравленность, презрительность, высокомерие — у каждого свое. Именно глаза зачастую выдавали все, что творилось в их душах, и лишь единицы и глазами умели показать спокойствие и равнодушие — этому здесь учили отменно. Такие были опасней всего, они могли обмануть, молча обаять, заморозить своей ложью. Но то ли у Марка была хорошая интуиция, то ли сказывался опыт, но даже такие ученики были для него как на ладони, не представляли загадки.

— О чем задумался?

Марк даже не заметил, как в зале появилась Ева. Ее поступь была тихой и легкой — профессиональную привычку трудно побороть.

— Да так, — отмахнулся мужчина, ставя на место снятую с цепи «грушу». — Как прошел день?

— Как обычно, — пожала плечами девушка.

— Что с лицом? — только сейчас Марк заметил темный след на подбородке Евы.

— Я сегодня слишком рассеяна, — хмыкнула девушка, касаясь кончиками пальцев следа от удара одного из своих учеников.

— На тебя это не похоже, — подойдя к ней, протянул Марк, поворачивая ее голову на свет и рассматривая уши.

— Пустяки.

— Нужно приложить лед, — сделал вывод мужчина, опуская руки, но Ева тут же перехватила их, заставляя его обнять ладонями ее лицо снова.

— Не уходи, — тихо-тихо прошептала она, умоляюще глядя ему в глаза.

Для него до сих пор непривычна была такая Ева — не холодная, не сухая, не скупая. А ранимая, слабая и незащищенная. Впервые он увидел ее такой полгода назад. Стук раздался в дверь его комнаты, когда он уже лег отдыхать. Мужчина поднялся с постели и пошел открывать неизвестному гостю. На пороге стояла Ева. Пьяная до невозможности, с мутными глазами, искривленными насмешкой губами и бутылкой водки в руке.

— Удивлен? — хмыкнула она, наблюдая за его шокированным выражением лица.

— Мягко сказано, — протянул Марк, отступая в сторону и давая ей пройти. — Есть

повод?

— Нет, — покачала несколько раз головой Ева, плюхая на кресло и снова прикладываясь к бутылке губами. — Просто иногда накатывает.

— Так сильно, чтобы напиться в хлам?

— Осуждаешь?

— Понимаю, — мягко поправил Марк, закрывая, наконец, дверь и садясь напротив госты на диван.

— Ты извини, что ворвалась, — произнесла извиняющее Ева, ставя на пол бутылку.

— Почему именно ко мне?

— Ты...так смотришь иногда на меня...с любопытством. Слово понять пытаешься, — пристально, но все же пьяно смотрела ему в глаза Ева, начиная отвечать.

— Пока у меня не вышло.

— И не выйдет, пока я сама не захочу, — откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза, прошептала Ева. — Но впервые в жизни я хочу. Чтобы понял, услышал. Помог.

— Чем?

— Просто будь рядом. Я умею сдерживаться, умею контролировать себя и свои эмоции, потребности. Но иногда накатывает. И так паршиво становится, что жить не хочется.

Ева говорила тихо, но четко, не раскрывая глаз, не шевелясь, будто боясь спугнуть момент.

— Ты не расскажешь, почему так?

Марк задавал правильные вопросы и наблюдал.

— Какая разница, — пожала плечами Ева, вновь глядя на него. — Я просто пришла к тебе. Помоги мне.

Он изучающе смотрел на девушку, потому что впервые видел в ее глазах, что-то помимо пустоты и холода. Там была тоска, грусть, бездонная пропасть, в которую она падала, почти сумасшествие. Он не знал причин подобного, и не узнает, судя по тому, как неразговорчива Ева. Но он поможет. Так, как умеет и так, как хочет Ева. А она не хочет быть одна, не хочет оказаться наедине с самой собой.

Марк поднялся с дивана и встал перед Евой, опираясь руками о подлокотники ее кресла, склоняясь над ней низко-низко.

— Я не хочу быть просто кругом спасения, когда ты вдруг начнешь тонуть.

— А чего ты хочешь?

— Хотя бы постоянства.

Целую минуту Ева смотрела на него и молчала, решая, что ответить.

— Идет, — произнесла, наконец, девушка.

— Хорошо, — кивнул Марк.

Его рука скользнула по ее лицу, и Ева тут же прикрыла глаза, задержав дыхание. Пальцы прошли по щеке, подбородку, спустились вниз по шее, мягко обхватывая горло. А после сжались чуть сильнее. Ева распахнула глаза, но тут же вновь закрыла их, проваливаясь в мягкий сон. Марк раздел девушку и перенес на свою постель, накрыл одеялом и лег рядом, тут же проваливаясь в свой собственный сон.

А утром, едва Ева пришла в себя, он сказал ей:

— В следующий раз, когда тебе станет плохо, просто приходи ко мне. Не пьяная.

Ева лишь кивнула и ушла в ванную. Он проводил ее взглядом, и присоединился через минуту.

Не сказать, чтобы на Еву накатывало слишком часто — сам Марк наблюдал подобное лишь дважды. Ева не приходили к нему, потому что было плохо, она стала приходить, потому что было хорошо. Плюс ее обещание постоянства. Так и повелось.

И вот сейчас Ева снова не в себе. Смотрит на него с такой жадностью, необходимостью, страхом, что он ее оттолкнет. У Марка не было к этой девушке никаких чувств. Лишь примитивное желание, похоть — пусть будет так. Так же как и у нее к нему, лишь необходимость и приятное времяпрепровождение, когда не было необходимости. А еще он обещал ей помогать — для Марка это было совмещение приятного с полезным: он не давал Еве сойти с ума, а она — страдать от отсутствия секса. Сплошная взаимовыручка.

Губы Марка страстно и жадно накрыли дрожащие створки девушки. Горячий язык сразу же ворвался в сладкий рот, а всем телом он прижал Еву к стене, впечатывая в нее собой. В ответ она протяжно и довольно простонала ему в губы и не менее страстно провела короткими, но острыми ногтями по голым загорелым плечам, заставляя любовника зашипеть и укусить себя. Она любила это — жесткость. Именно поэтому, наверно, пришла к Марку — от него веяло тем, что было ей нужно: дикостью, огнем, похотью, силой и властью — тем, что заставляло ее забывать обо всем в его руках.

Ева жалась и лънула к большому мужскому телу, покорно раскрывала губы навстречу напористому языку, царапалась и кусалась, напрашиваясь на большее, показывая, что именно ей нужно.

— Дикарка, — прорычал Марк в губы Евы, когда она вновь впилась ногтями ему в кожу.

Его ладони уже стискивали упругие ягодицы, а пахом он терся о напряженный животик. Но Еве было слишком мало. Ловким движением девушка сменила их позицию, прижав Марка к стене, куснула последний раз его губы и мягко, плавно опустилась перед ним на колени. Мужчина смотрел на нее сверху вниз, улавливая ее короткие горячие взгляды, что она бросала на него время от времени, пока стягивала с бедер спортивные брюки вместе с бельем. Ее взгляд был затуманен, дик и совершенно не свойственен этой девушке. Но Марк давно заметил, что в моменты их близости его любовница — это совершенно другой человек: насколько холодной она была в жизни, настолько же горячей в постели. Этот контраст порой сбивал с толку, но Марк уже привык. Кто-то другой, увидевший сейчас Еву, был бы в шоке от того, как она выглядела. Ее образ в эту минуту — порочный, чувственный и развратный — никак не вязался с тем, какой она была на самом деле. В такие моменты, Марк знал, Ева просто растворялась в том, что делала, забывая обо всем, кроме происходящего. Это был ее способ уйти от привычной жизни, ее манера не потерять себя, ее возможность расслабиться. И он позволял ей это, давал ту самую помощь, о которой однажды Ева его попросила.

Марк прикрыл глаза и откинул голову на стену, тихо выдохнув, когда горячее дыхание коснулось его плоти. Его рука скользнула в темные волосы партнерши и нетерпеливо придвинула ближе к своим бедрам. Ева послушно и покорно раскрыла губы и приняла в жаркий плен рта напряженный член мужчины. Она действовала умело и правильно, но Марк так и не выпустил из захвата ее волосы, время от времени направляя любовницу, заставляя ее давиться и задыхаться — делать то, что ей нравится, то есть чувствовать себя вдовой. Именно этого Еве очень сильно не хватало — слабости, незащитности. Именно это она нашла в объятиях Марка — власть и руководство. Она уставала быть сильной и независимой, уставала оставаться негибкой и волевой. А с ним могла позволить себе все слабости, непозволительные в обыденной жизни.

— Хватит, — хриплым, рычащим голосом приказал Марк, открывая глаза.

Ева послушно встала на ноги, облизывая губы и часто дыша, стягивая со своего тела майку и спортивный топ, оставляя упругую грудь обнаженной. Притянув ее к себе, мужчина впился в ее губы, помогая избавляться девушке от брюк, стянув перед этим с себя самого мешающую футболку. Ева снова оказалась у стены, прижатая к ней лицом с выгнутыми бедрами, которые оглаживали большие руки Марка. Губы мужчины скользили, покусывая, по тонкой шее девушки, ее плечам и затылку. Одна его ладонь скользнула вверх-вниз по влажной спине, а после в сторону, по плоскому животу и ребрам вверх, обхватывая одной из полушарий груди. Коленом он раздвинул стройные ножки любовницы, а пальцами второй руки мягко коснулся ее влажной плоти, едва ощутимо, прежде чем скользнуть внутрь — резко и быстро. С губ Евы сорвался протяжный довольный стон, и она сама выгнулась еще больше, буквально насаживаясь на умелые пальцы. Ее ладони скользили по стене у самого лица, а ногтями она царапала бетон, прикусывая губы, чтобы не быть слишком громкой. Рука на ее груди все сильнее терзала напряженные пики, мягко их выкручивая и сжимая, отчего по всему телу шли скручивающие волны удовольствия, останавливающиеся глубоко внутри тела, так где пальцы двигались все быстрее и быстрее, с пошлым, хлюпающим, заводящим все больше звуком.

— Ты как всегда течешь, словно сучка, — прохрипел Марк на ушко Еве, терзая ее тело наслаждением.

Она становилась все несдержанней в плане стонов, все сильнее скребла стену, находясь на грани. И он сам был уже на пределе. Марк резко убрал руки и развернул Еву к себе лицом, легко подхватывая ее под колени и поднимая над собой, заставляя обвить себя ногами. Его губы обожгли ее плечо укусом, когда девушка рукой направила его плоть в себя, выдыхая ему в висок довольно и протяжно, со всхлипом на искусанных губах. Марк дал минутку им обоим, чтобы насладиться моментом, привыкнуть и ощутить полноту близости, прежде чем начал двигаться. Мягкий плавный темп весьма быстро сменился на резкий, дерганный и сильный, жесткий. Мужчина буквально вбивал Еву в стену, сильно сжимая руками ее бедра, дергая ее на себя, чтобы оказаться еще глубже. Она отчаянно цеплялась руками за его шею и плечи, царапая кожу, кусала губы, чтобы не кричать в голос, и в силу возможности подавалась навстречу. Марк рваными движениями натягивал девушку на свой член, погружаясь глубоко и быстро. Шею и плечи жгло от горящих царапин, но он лишь сильнее стискивал зубы, наслаждаясь соитием. С Евой всегда было так — горячо и дико, сладко и страстно, всегда на грани боли и наслаждения.

Марк двигался все быстрее и быстрее, а с губ партнерши срывались стоны, которые больше не было сил сдерживать. Ева немисливо выгнулась в его руках с громким вскриком, впиваясь ногтями в его плечи до крови. Марк зашипел, кусая ее в ответ куда-то в область шеи, чувствуя как сильно сжимается его плоть оргазмом девушки. Он кончил почти следом, успев как всегда вовремя выйти, оставляя следы на белоснежной коже.

В тот же миг до обоих донесся звук захлопнувшейся двери. И Марк, и Ева резко посмотрели в сторону выхода, где за мутным стеклом двери мелькнула рыжая копна волос. Леся.

— Нас заметили, — выдохнула Ева, возвращая себе постепенно свой разум и спокойствие.

Она выглядела удовлетворенной, а потому уже не такой растерянной и неуверенной в себе, как еще полчаса назад. Эта резкая смена в ее эмоциях была для Марка уже привычной.

— Вся школа и так знает, что мы трахаемся, — спокойно ответил Марк, опуская любовницу на ноги и все еще пытаясь восстановить дыхание.

Что ж, они действительно не были слишком осторожны, а впрочем, и не собирались строить великую тайну из своих отношений. Да, они не выставляли напоказ свой роман — да и роман ли? Связь — это да. Поэтому тот, кто был более или менее внимателен, знал, что между Марком и Евой. Ученики в том числе — это был не первый их секс вне спальни. Нс кого здесь этим удивишь?

— Но не каждый за этим так внимательно наблюдает, — забирая протянутую одежду, подметила девушка.

— Она наблюдала?

— Она вошла в зал примерно в том миг, как ты вошел в меня, — хмыкнула Ева, надевая майку и с налетом насмешки глядя на хмурого мужчину. — И судя по ее глаза — она ревнует.

Марк бросил короткий взгляд на любовницу и опустил глаза вниз, мигом задумываясь над тем, насколько верно было замечание Евы. Ревность?

— Глупость, — покачал головой мужчина, надевая свою футболку.

— Для нас с тобой, — пожала плечами Ева. — А в ее возрасте нормально влюбиться е наставника.

Марк снова посмотрел на девушку с большим сомнением.

— Увидишь, — только и сказала Ева нахмуренному напарнику.

— Думаешь, с этим будут проблемы? — задался вопросом Марк, скорее риторическим.

Он задумался о том, что говорила Ева. Ревность? Влюбленность? Как он мог пропустить подобное? Как не заметил? И самое главное — чем это обернется. Он не хотел проблем со своей группой, не желал каких-либо недоразумений и лишних чувств — он и без того многое позволил, и себе, и им.

— Поживем — увидим, — ответила Ева и направилась в сторону выхода.

Марк проводил ее задумчивым взглядом, снова пытаясь уловить тот момент, когда он выпустил ситуацию из-под контроля. А ведь его предупреждали — Ева, Тимур, еще несколько человек. Но ведь был еще шанс, что Ева ошиблась в том, что видела? Да кого он обманывает?! Какой шанс, когда Ева всегда знает, о чем говорит. А он сам? Разве не замечал ничего? Были моменты, но он не придавал им значения, не видел в них подтекста — по крайней мере, не подобного. Долгие пристальные взгляд Леси он списывал на внимательность и желание понять то, о чем он говорит. Ее просьбу о дополнительных занятиях — на неуверенность в себе и своих силах. Господи, да он глупец, раз не заметил такого элементарного!!

Марк чертыхнулся вслух, раздраженно проведя пальцами по волосам, убирая их с лица. И что ему делать? Вид, что все, как и раньше, и он ничего не замечает? Поговорить? Пожалуй, в такую психологию он никогда еще не вникал — влюбленность девочки-подростка в своего учителя. Это поддается какому-то контролю? Что с этим делать?

Марк не стал ничего предпринимать, решив убедиться в правильности своих выводов и сложности ситуации. Если все не так уж запущено, то можно просто сделать несколько шагов, чтобы обрубить зарождающиеся чувства девочки. Если все сложно...над этим придется думать.

Не составило труда убедиться в правильности своих выводов — Леся была влюблена и ревновала. То, какие она бросала взгляды на Еву при случае, говорило о втором. А то, как смотрела на него — о первом. Не было в ее глазах откровенной влюбленности, не было обожания — она неплохо умела контролировать свою мимику и взгляд. Но не достаточно, чтобы Марк не смог разгадать ее истинных чувств. Он часто ловил в глазах Леси смесь боли, обиды и злости — будто его она обвиняла в том, что он не разделяет ее отношения к нему. А еще она стала раздражительней, яростней и грубее во всем, что касалось наставника. Это был ее своеобразный протест самой себе, попытка оградиться от Марка. Мужчина молча терпел ее поведение под удивленные взгляды остальных в группе, давая ей выплеснуть свои проблемы и надеясь, что так ей станет легче, а соответственно и его избавит от проблем воспитания и непростого разговора.

Хотя Марк и мог просто поговорить. Мог сказать, что думает и чего не хочет. Но понимал, что подобная тема может стать толчком к тому, что Леся увидит то, чего нет. Попробуйся он поговорить с девушкой здраво и откровенно — нарвется на признание, что лишь усугубит ситуацию тем, что появится конкретика. В другом случае Марк мог просто жестко все обрубить, чего тоже не желал по определенным причинам: он долго сплывал эту группу, и не желал терять такого ученика как Леся из-за глупых обид и недопонимания.

Вот и оставалось ему только и делать, что надеяться на здравомыслие и жесткость характера Леси. В ее силах было перебороть себя и свою слабость — он учил их этому, и учил тому, что подобное неприемлемо, недопустимо и невозможно, что это опасно и непредсказуемо. Она умная девочка и должна понять все это без разговоров и слов — Марк рассчитывал именно на это.

И поначалу все шло неплохо. Леся даже не заикалась о своих проблемах, начала избегать его по возможности так же рьяно, как еще недавно стремилась оказаться рядом. Она попросила о дополнительных занятиях Дениса, отказавшись от занятий с Марком. Практически прекратила с ним разговаривать, даже не смотрела лишний раз. И Марка все устраивало: Леся делала успехи независимо от того, как тесно общалась со своим куратором.

И казалось, что Марк может позволить себе расслабиться. Но только он поверил, что все в норме и не выходит за грани дозволенного, как сам же сделал ошибку.

— В вашей паре все замечательно, — говорил Марк кивающим Денису и Лесе. — Вы активны, знаете друг друга, слабости и наоборот — сильные стороны. У вас получается вполне слаженный тандем. Но кое-чего все-таки не хватает.

— Чего? — спросил Денис.

— Я покажу, — ответил Марк, а в зал вошла Ева, кивнув группе ребят в стороне.

которые наблюдали за трио на ринге. — Вы, — он взглянул на пару своих учеников, — нападаете, мы — отвечаем. Ваша задача уловить контраст между нашими парами.

— Но вы ведь не пара, не напарники, я имею в виду, — произнесла Леся, глядя на преподавателей.

Она старалась выглядеть равнодушной, задала правильный вопрос по теме, но в глазах было море недовольства.

— Мы профессионалы, — ответила Ева. — Для нас не составит труда подстроиться друг под друга.

— Ну да, — не скрыла язвительности Леся в паре слов.

Марк, впрочем, как и Ева, проигнорировал намек, а Денис лишь непонимающе посмотрел на девушку.

— Начнем? — протягивая своей напарнице перчатки, спросил мужчина.

— Только без этого, — хмыкнула Ева, отбрасывая перчатки в сторону. — Ты слишком мягок с ними.

— Согласен, — улыбнулся Денис, которого тоже задевала такая забота Марка о них — вроде бы мелочь, но обидная: словно он не верит в них, боится сделать слишком больно, не уверен в их силах противостоять себе.

— Как скажете, — кивнул Марк, тоже отбрасывая перчатки в сторону.

Он хотел как лучше, но раз все хотят по-настоящему — он не против. Марк усмехнулся мысленно: какие-то свои занятия, уроки он приближал к реальности по максимуму, а в некоторых вопросах был слишком осторожен — пора с этим завязывать, иначе он действительно переступит все границы дозволенного.

Мужчина не заметил красноречивого взгляда Леси, которым та обожгла Еву. Было в нем какое-то предвкушение, загадка и азарт.

Ева была права — им с Марком не составило труда стать одним целым на несколько минут, пусть прежде ничего подобного у них еще не было. Но девушка правильно сказала — они профессионалы, для них это проще, чем для тех же Дениса и Леси. Бой был интересным и красивым. Денис и Леся напали вразнобой, но одновременно, а вот Марк с Евой оборонялись вместе, как одно целое против двоих соперников. Это был весьма наглядный пример того, как нужно работать в паре.

— Я донес до вас свою мысль? — спросил Марк, когда показательное выступление закончилось тем, что он уложил на лопатки Дениса, а Ева — Лесю.

— Да, — кивнул парень, принимая протянутую наставником руку и поднимаясь на ноги.

Ева также протянула Лесе руку. Та приняла, а в следующий миг Ева полетела лицом на маты с заломленной на спине до хруста рукой. Противный треск слышал каждый.

— Какого черта ты творишь?! — рыкнул Марк, одной рукой снимая Лесю, сидящую верхом на теле Евы, и отталкивая в сторону.

Мужчина бросил на свою подопечную яростный взгляд и склонился над Евой.

— Вывих, — констатировала напарница, чуть морщась, когда ощупывала поврежденную руку. — Нужно вправить.

— Потерпи, — тихо произнес Марк, делая хват и резко вправляя сустав на место.

Ева лишь зубы стиснула и шикнула сквозь них, больше никак не выдав адской боли от процедуры.

— Нужно наложить повязку и лед. Пойдем.

Он помог Еве подняться, и только после этого вновь посмотрел на Лесю, испепелив ее взглядом.

— Дождись меня, остальные свободны.

Взгляд Леси тут же потух, из него исчезло все злорадство, которое там откровенно пылало последние пару минут. Она понуро опустила голову, но предварительно сверкнула глазами — вызывающе и недовольно.

— Что на тебя нашло? — услышал Марк вопрос Дениса, когда они с Евой уже подходили к двери.

— Не твое дело, — рявкнула в ответ девушка, раздраженно спрыгивая с ринга.

Марк отвел Еву к врачу и оставил ее там, возвращаясь в зал.

— И что это было? — спросил он, как только вошел, становясь напротив Леси, которая смотрела на него прямо и с вызовом.

— Ты сам учил нас этому приему — дать победить, расслабиться, а после нанести удар.

— Глупая попытка прикрыть свою ревность.

Марк впервые ясно дал понять, что в курсе того, что происходит с его ученицей. Леся испуганно вскинула на него взгляд, но быстро взяла себя в руки — вздернула подбородок и агрессивно посмотрела на него.

— Я хочу, чтобы ты взяла себя в руки. Это был первый и последний раз, когда я наблюдал подобное. Это ясно? Я не желаю ничего знать и слышать, — добавил Марк, когда Леся уже открыла рот, чтобы что-то сказать. — Я забуду об этом сегодня же. И тебе советую тоже. Иначе....

Молчание было многозначительным. Ему не нужно было пугать или угрожать, хватало и подобного — красноречивого взгляда и недосказанности.

Леся в ответ прищурилась и вылетела из зала, ничего не сказав. Марк проводил ее хмурым взглядом, но не остановил.

И все бы ничего, забылось бы, утихло со временем, если бы не Случай. Что стоит распалить чувства? Да ничего, нужна лишь искра, малость, суший пустяк.

Леся забыла бы о своем увлечении, смогла бы погасить огонь чувств, зарождающихся в ее сердце, если бы его не тронули, не поддели, не зацепили. Она бы забыла, по прошествии времени смеялась бы над собой и своей глупой наивной влюбленностью. Но вышло все иначе. Вышло так, что в ее душе лишь больше прежнего всколыхнулись все эмоции, и понадобилось для этого совсем ничего — один горячий поцелуй Марка и Евы.

Что знание по сравнению с тем, что видят глаза? Однажды она уже застала сладкую парочку в самый интимный момент их близости. Было неприятно, даже больно, но она и глаз не посмела отвести. Смотрела на любимого мужчину в момент его желания, наблюдала за его удовольствием и экстазом. И эта картина навсегда останется в ее памяти. Она злилась на соперницу, хотя и понимала, что это глупо и нелепо. Она все больше разжигала в себе пожар ревности по отношению к этой молодой женщине. И застань она сейчас Марка с другой — ничего бы не было. Но это вновь была Ева. Она целовала Марка, она жалась к нему всем телом. Ее обнимал мужчина, ей улыбался! А ведь его улыбка была самым драгоценным для Леси — настолько редко она появлялась на красивом лице, и даже не улыбка, а ее подобие. А Еве Марк улыбался искренне, по-настоящему, не показывая скупое удовлетворение от выполненного задания, а проявляя внимание, дружелюбие, нежность.

Краем глаза Марк заметил в дверях своего кабинета девушку, и тут же выпустил из рук Еву, а с губ моментально слетела теплая улыбка.

— Ты что-то хотела? — спокойно спросил мужчина.

А Леся не смогла ничего сказать. Разочаровано посмотрела на него, бросила ненавистный взгляд на соперницу, и вылетела из кабинета, даже дверь не хлопнув от души.

Марк моментально нахмурился — он впервые видел в глазах Леси слезы. Девочка столько всего в жизни видела и пережила, столько выплакала слез, что их просто не осталось. Даже при очередном его задании она должна была расплакаться, но не сумела, объяснив это тем, что давно выжгла в себе эту слабость — плакать. Для девушки это было нечто, что не поддавалось ее контролю, то, с чем она боролась долгое время, искоренив из себя, казалось бы, навсегда. И вот он стал причиной ее слез, ее боли.

— Оставь ее, — произнесла Ева, глядя на задумчивый профиль мужчины. — Это пройдет.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Ты не должен. Лишь хуже сделаешь, — посоветовала подруга, заглянув ему в глаза.

— Я сам решу, что для нее лучше, — недовольно посмотрел на Еву Марк.

Он не любил, когда ему указывают и советуют там, где не понимают. Он ответственен за эту девочку, за ее жизнь и чувства. И раз уж он стал виновником — ему все и исправлять.

Ева проводила Марка внимательным взглядом, но не остановила, промолчала. А мужчина вышел из кабинета и направился на поиски девочки. Не сказать, чтобы он переживал — ему было плевать на чувства Леси. Но в его руках ее эмоциональное состояние, которое непосредственно влияет на работу. И это ему нужно вправить мозги на место этому ребенку, пока он не сделал себе же хуже. Он должен остановить тот ураган, что сносит сейчас все внутри юной души Леси.

Найти Лесю не составило труда — он хорошо знал ее привычки, предпочтения и мог с легкостью предугадать ее действия. Девочка была на конюшне — сидела в углу за пустым стойлом и зло вытирала слезы, дрожа от холода, с презрением глядя на мокрые пальцы. Услышала его приближение и с ненавистью посмотрела на него, когда он показался ей на глаза.

— Уходи, — глухо, но резко произнесла Леся, пряча от него заплаканное личико.

Марк вздохнул и присел перед ней, накинув ей на плечи свое пальто.

— Пойдем, я отведу тебя в комнату.

Леся подозрительно посмотрела на спокойного мужчину. И, пожалуй, только оно — спокойствие — помогло Марку не напороться в этот миг на отпор и агрессию. Начни он сейчас ее отчитывать — была бы истерика. Девушка дала помочь себе подняться и повести в сторону корпусов. И для начала мужчина повел ее в столовую, где в это время не было ни души, принес ей горячий чай и булочки.

— Пей, — пододвигая к ней напиток, произнес Марк, — не то заболеешь.

Он сел напротив и внимательно посмотрел на девушку.

— А тебе не все равно? — беря в дрожащие руки чашку, спросила враждебно Леся.

— Все равно, — спокойно подтвердил Марк, отчего в глазах девушки мелькнула такая обида, что на миг стало стыдно.

Но она быстро взяла себя в руки, а он в зародыше погасил это неуместное чувство. Сейчас ему нужно быть предельно честным и прямолинейным, дать ей понять, что все эмоции и чувства глупость и вздор, причем для них обоих.

— Тогда зачем пошел меня искать? — тут же взъярилась Леся, вскакивая на ноги.

— Ты заметила, как негативно влияют на тебя чувства? — холодно прищурился

Марк. — Ты стала вспыльчивой, дерганой, нервной. Это не то, чему я тебя так долго учил. Не то, что прививал. Ты плюешь на все мои старания и делаешь время, потраченное на тебя, глупым и бессмысленным!

Леся даже притихла от этой отповеди, отвела взгляд и вновь села, опустив голову.

— Послушай меня внимательно, — начал Марк, сжав пальцы в замок и пристально сверля взглядом рыжеволосый затылок девушки. — Твоя глупая влюбленность не нужна ни одному из нас. Тебе — в первую очередь. Я понимаю, что сердцу не прикажешь, но тебе не на что рассчитывать — ты ведешь не тот образ жизни, где позволительно подобное.

— Не я его веду! Меня заставили! Я не выбирала такую жизнь! — прошипела гневно Леся, подняв взгляд. — Никто не дал мне права выбора! Никто! Все имеют права мне указывать, что и как делать, кроме меня самой. Даже чувствовать мне нельзя! Ты понимаешь!? Да ты такой же как те, кто привез меня сюда! Такой же холодный и пустой, неживой, равнодушный!

— Тогда во что же ты влюбилась? — задал Марк верный вопрос.

— В то, каким ты можешь быть! Какой ты есть не с нами! Я вижу в тебе человечность, доброту, заботу и много чего еще. Но ты спрятал это глубоко в себе, оно лишь иногда проскальзывает в тебе — слове, жесте, взгляде. Ты не такой, каким кажешься! Ты можешь обманывать меня, сколько тебе хочется, но я знаю, за что люблю тебя!

— Что ж, с психологией ты разобралась, — хмыкнул Марк, откидываясь на спинку стула и пристально глядя в глаза разгоряченной девушке. — Только в этом нет смысла. Я никогда не буду с тобой настоящим — ни с тобой, ни с кем-либо еще. Потому что это моя жизнь — не быть самим собой. И твоя теперь тоже — нравится тебе это или нет, хотела ты того или нет: ты права — выбор за тебя уже сделан.

— Я об этом и не прошу. Я знаю, что ты не позволишь себе никогда и ничего лишнего. Знаю, что ты останешься таким навсегда. Но я не хочу становиться такой. Я смогу обманывать и обманываться, смогу играть и изображать. Но я останусь собой до самого конца. Но от тебя мне не нужно того же.

— Тогда чего ты хочешь?

— Тебя. Я хочу тебя. Ты можешь наплевать на мои чувства, можешь не брать их в расчет и забыть о них в принципе. И я не жду и никогда не ждала, что ты ответишь на них.

— Ты моя ученица, я твой учитель. Между нами ничего не может быть, — отрезал Марк.

Ему не нравилось то, куда ведет Леся. Ее умные слова и мысли сбивали с толку, она будто нарочно путала его все больше. Она была умна и умела этим пользоваться. Была хитра, и вся ее хитрость была в глазах. А он сейчас, в эту минуту, были слишком расслаблен и устал, чтобы достойно ответить, да и просто разобраться в хитросплетении ее речи.

— Ты прекрасно знаешь, что в этом месте нравственности нет. И я совершеннолетняя. Да и не девственница, если ты переживаешь об этом, — скривилась насмешливо девочка.

— Я вообще не переживаю по поводу тебя, — парировал спокойно Марк, глядя ей в глаза. — Абсолютно. Ты важна для меня лишь как часть команды — ни больше, ни меньше. Я много вложил сил и времени в тебя, но заменить тебя не станет проблемой.

— Тогда почему бы просто не попробовать? — прищурилась Леся.

— Что попробовать?

— Меня. Я хочу тебя, — протянула девушка, глядя ему прямо в глаза, голос был полон соблазна и сладкого обещания.

Она наклонилась вперед, к нему, проникновенно глядя на него, чуть облизывая сухие пухлые губки и выставляя напоказ упругую грудь. Марк внимательно осмотрел все, предложенное ему, и хмыкнул, вновь переведя взгляд на глаза девочки.

— Ты не привлекаешь меня в этом плане.

— Почему? Я не красива?

— Ты очень красива. Но это не все. Ты, по сути, еще ребенок.

О, вот с чего стоило начать! Лесю зацепило это — сравнение с ребенком: глаза полыхнули, губы поджалась, и кулачки сжались.

— Что-то никто об этом не вспомнил, когда вез меня сюда! Никому не было дела, что мне пятнадцать, что я дитя!

— Не я устанавливал правила. И для меня каждый, находящийся здесь, ребенок. Вы все дети, сколько бы лет вам ни было — тринадцать, или же восемнадцать и даже больше. И ты в том числе — глупый, несмышленный ребенок, который не видел еще жизни, который живет лишь в теории.

— Ты не знаешь моей жизни, — прошипела Леся.

— Да, не знаю, — спокойно признал Марк. — Но это не отменяет того, что ты слишком юна для меня.

— Ах так?! — ну совсем «не по-детски» фыркнула Леся, поднимаясь на ноги и снова прищуриваясь.

— Да, так, — опять-таки спокойно ответил Марк, глядя на нее снизу вверх.

— Но ведь я не юна для того, чтобы оказаться в постели первого, кому меня подложат! Не юна, чтобы рисковать своей жизнью! Не юна, чтобы убивать! Не ставь себя выше и благородней тех, кто толкает меня на такую жизнь! Не строй из себя нравственного и добродетельного. Я всего лишь прошу взять то, что само идет к тебе в руки, — Леся почти с отчаянием выдохнула последние слова, глядя на него с тоской и злостью одновременно.

А Марк...ему стало противно. Отвратительно от того, как сейчас выглядела Леся. И в его взгляде в этот миг читались все его чувства.

— Ты жалкая. Слабая и жалкая, — произнес тихо, но отчетливо мужчина, поднимаясь на ноги. — Я разочарован.

И он ушел, оставляя плачущую девочку в одиночестве.

Марк желал бы, чтобы на этом все закончилось. Хотел бы, чтобы Леся взяла себя в руки и прекратила гробить то, что так долго вбивал в нее куратор. Марк действительно был разочарован. Он считал ее сильней, чем оказалось, и в данную минуту был на распутье: оставить все как есть, и понадеяться на авось, либо же просто избавиться Лесю и себя от проблем. Второе было слишком категоричным, поскольку подразумевало под собой банальную ликвидацию. Почему так строго? Да потому что нельзя что-то создать из той, кто не поддается контролю. На эту девушку и без того ушло много времени, а тратить его напрасно в этой школе не мог никто. Никто не станет держать ее здесь, когда увидит ее непокорность, ее сопротивление, отчуждение ко всему, чему здесь учили. А это увидят. Не сразу, но в любом случае. И поймут, что не удалось сломать, подчинить, управлять. А значит, нет больше смысла стараться. И марку оставалось лишь одно — сломать эту девочку самому. Он действительно не желал этого, но другого выхода просто не видел. Но все противилось в нем этому решению, и он откладывал его до последнего — надежда умирает в конце. И он еще верил, что Леся все поймет и одумается. Но очередной ее шаг лишь уверил его в обратном.

Марк возвращался к себе в комнату после тяжелого выматывающего дня. Хотелось только принять душ и лечь в постель. В последнее время усталость никак не желала оставлять его, тело и разум требовали длительного отдыха, которого он себе позволить просто не мог. Не сейчас, когда на его плечах группа, когда в школе появились новые студенты — обозленные, разгневанные, так и нарывающиеся на хорошую трепку. А кто ее задаст, как не он и не его напарники? Кто выбьет из новеньких всю дурь и гонор? Кто научит их подчинению и контролю? Именно он и еще несколько преподавателей были ответственны за то, чтобы уgomонить ретивые умы, не привыкшие к подчинению и дисциплине. Только кровью и потом можно хоть как-то присмирить их, вымотать до такой степени, чтобы остальным преподавателям было проще и легче. Марк не жаловался, просто очень устал. Даже проблема с Лесей уже не казалась такой ужасной в свете того, что творилось на его уроках — на своих занятиях с группой он почти отдыхал. Да и сама девушка вроде бы притихла, не доставала его, не перечила, вообще никак себя не показывала.

Марк толкнул дверь в свою комнату и замер на пороге.

— Какого черта ты здесь делаешь? — рыкнул Марк, делая шаг вперед и захлопывая дверь.

Он сверлил гневным взглядом Лесю, которая лежала на его постели абсолютно голая, в манящей позе. Роскошные волосы рассыпаны по белым плечам, одна ножка согнута в колене, локтями она опиралась о кровать, выставляя свою аппетитную грудь в лучшем свете. Что ж, малышка знала, как показать себя и подать в лучшем свете. Вот только Марк испытал лишь злость и недовольство от того, что ему помешали спокойно провести вечер. А ведь он просил так мало — спокойствия на пару часов.

— Как ты вошла?

— Какая разница, — повела плечом девушка, глядя на него прямо и откровенно.

— Одевайся и уходи, — Марк отвел равнодушный взгляд от прелестей соблазнительницы и указал головой на дверь. — Я устал и хочу отдохнуть.

— Неужели я тебе не нравлюсь? — томно выдохнула Леся, чуть потягиваясь в темных простынях, которые так удачно оттеняли ее светлую кожу и рыжие волосы.

— Не нравишься, — спокойно ответил Марк, глядя ей в глаза.

— Неправда, — прищурилась с усмешкой на губах девочка, грациозно вставая на ноги и, соблазнительно виляя бедрами, идя к нему. — Посмотри на меня. Я молода. Красива. Я не могу не нравиться.

Что ж, природа не обделила рыжую лисичку красотой. Все нужные объемы и изгибы, поразительная для ее возраста грация, умение правильно подать себя. Она была хороша — что есть, то есть. Вот только взгляд Марка, которым он медленно окинул ее с ног до головы, не загорелся и остался прежним — холодным, недовольным и раздраженным.

— Уходи, — повторил он снова, глядя в глаза Леси.

— Не отказывайся, — продолжила соблазнять девушка.

Ее пальчики коснулись его груди, прошлись по плечу и спине, когда она обошла вокруг него, окружая его собой и своим телом.

— Ты хочешь меня. Меня все хотят.

Трудно было спорить с последним утверждением — Леся пользовалась определенной популярностью среди молодых людей. На нее заглядывались, откровенно флиртывали и даже ухаживали, что было странно в этом месте. Она была одной из немногих девушек, от которых трудно оторвать глаз. Здесь много было красивых — за внешность сюда брали не в последнюю очередь. Но Леся, и еще несколько, были теми самыми девушками, которые станут роковыми, которые будут покорять мужские сердца одной только улыбкой, которым вслед будет оборачиваться каждый встречный. И уже сейчас его ученица это понимала и видела. Но что странно — никогда не пользовалась. Она не была ангелом, не была нравственной, но и знала себе цену, не разменивалась на своих соучеников, никогда никому не позволяла чего-то большего, чем флирт. Именно поэтому вся школа удивилась, когда пошли слухи о ней и Денисе, умело сфабрикованные самой парой: Леся не была склонная к каким-либо отношениям с противоположным полом. Не здесь так точно.

Леся проникновенно смотрела Марку в глаза, встав перед ним. Нисколько не стеснялась своей наготы, гордилась своим телом, ни грамма смущения не было в ее взгляде. Девушка вплотную приблизилась к Марку, положила ладошки ему на грудь и медленно повела их вниз, покорно заглядывая ему в глаза снизу вверх. Губка маняще прикушена, язычок то и дело мелькает между розовых створок. Да, она старалась, как умела. Ее руки были уже на его прессе и скользили все ниже. А Марк не останавливал ее, зная, что очень скоро в ее глазах зажжется непонимание и растерянность. Так и вышло, как только шаловливые пальчики спустились к паху и не нащупали ничего внушительно, как рассчитывалось.

— Убедилась? — холодно произнес Марк, глядя в удивленные глаза девушки. — А теперь уходи.

— Ты не хочешь меня, — то ли спросила, то ли констатировала Леся, опуская руки.

— Я тебе говорил об этом, и не раз.

— А кого ты хочешь?! — тут же зашипела разгневанная и униженная красавица. — Ее?! Ты хочешь Еву?!

— Да! Я хочу ее! — рывкнул Марк, сверкая глазами.

— Чем она лучше меня!? Чем?! — сорвалась на истеричный крик Леся.

— Тем, что она меня привлекает, а ты — нет! Тем, что ее я хочу, а тебя — нет! Тем, что на нее мой член встает, а на тебя — нет! Тем, что ее я хочу трахать, а тебя — нет! Мне продолжать!?

Терпение Марка было на исходе. Леся впервые вывела его из себя настолько сильно и резко. Он впервые кричал на нее, впервые был так зол. А еще он устал, очень устал, и все, чего сейчас желал — уснуть.

— К черту! — вздохнул Марк, пытаясь взять себя в руки и отходя от притихшей Леси, которая смотрела на него широко распахнутыми глазами. — Хочешь оставаться — оставайся. Уйду я.

— Ты пойдешь к ней?! — зашипела рассержено отверженная девочка, глядя в спину мужчины, который доставал чистые вещи из своего шкафа.

— Да, я пойду к своей любовнице, — рывкнул Марк, зло щурясь на Лесю. — Хорошенько трахну ее пару раз, а потом усну с ней в одной постели.

И он ушел, от души хлопнув дверью. В общей гостиной на него странно покосились — не привыкли видеть его настолько взбешенным, но никто не спросил в чем дело — здесь никто не лез друг другу в душу.

Марк влетел в комнату Евы. Напарница удивленно посмотрела на него.

— Чего такой злой?

— Я переночую у тебя.

— Что случилось?

— У меня в комнате Леся, — хмуро и нехотя ответил Марк.

— Ясно, — хмыкнула Ева. — Голая и ждущая?

— Типа того, — буркнул мужчина, снимая футболку. — Я приму душ?

— Конечно, — кивнула Ева.

Она не стала ничего говорить, напоминать о своем предупреждении — Марк и без того осознал свою ошибку. Но спросила, что он планирует делать, когда мужчина вышел из душа и устало упал на ее кровать.

— Не знаю, — признал свое поражение Марк. — Она ставит меня в тупик. Я никогда не подозревал, что она окажется такой бесхарактерной. Неужели она ни капли себя не уважает?

— Ее влюбленность сильнее гордости, — пожала плечами Ева. — Так бывает, — добавила девушка и тоже ушла в ванную.

А когда вернулась, Марк уже крепко спал.

Утром в своей комнате Марк не обнаружил Лесю, зато нашел полный разгром свой спальни и ванной комнаты.

— Детский сад, — вздохнул мужчина, качая головой.

Он честно не ожидал от девочки такой экспрессии. Рыжая мстительница не поленилась. Порвала одежду, вылила на разгромленную постель все, что только можно было — духи, мыло, шампуни. Разбила все, что билось, распотрошила подушки и матрас.

И Марк снова был разочарован. Какое она все-таки еще дитя, слабое и безвольное, подвластное своим чувствам и желаниям. И что-то делать с этим нужно обязательно и как можно скорей. Никто кроме него не будет так стараться ради одной из многих. Никто в этой школе не заметит той уникальности, что заметил Марк. Никому не будет дела до Леси, если она в один прекрасный день просто исчезнет. И если он не угомонит ее, то так и будет.

Марк знал примерно, что следует сделать, как показать Лесе ее место. Это было также рискованное предприятие, но вполне себе допустимое.

— Мне нужна твоя помощь, — заходя в кабинет к Тимуру, с порога начал Марк.

— Слушаю, — друг отвлекся от компьютера и поздоровался с гостем.

Марк вкратце объяснил ситуацию и свое решение проблемы.

— Я не решаю такие вопросы. Не я выпускаю детей из школы. Не я даю им другую жизнь и задания. Не мне они подчиняются. Я лишь учу. Ты просишь от меня того, к чему я не имею отношения.

— Мне не нужно задание. Мне просто нужно вправить девочке мозги. И потом, ты сам сказал, что через несколько месяцев мою группу заберут.

Да, именно так и было. Уже год прошел, как Марк занимается с этими детьми. И за это время они вполне подготовились к чему-то большему, нежели его задания, теория и посредственная практика. Они выросли в определенной мере, им дали все, что только могли. Среди всех остальных эти ребята больше всех были готовы к тому, что ждет их за стенами школы. Даже юная Арина, не говоря уже о рвущемся на волю Косте. Этому парню приходилось здесь хуже всего: его тяготила эта атмосфера, отсутствие воли и свободы. И пусть он понимал, что никогда себе этого уже не вернет, за пределами этих стен ему будет комфортней, он дышать начнет свободней.

Каждый из группы Марка достиг предела того, чего мог достичь в этом месте. Их навыки были отточены до автоматизма. Их прогресс в том, что было для них тяжело, несомненно, достиг наилучших, насколько это возможно, результатов. Даже не в своей конкретной сфере ребята были обучены на максимум. Каждый из них умел обращаться с оружием, имел отличные навыки боя, они умели работать с взрывчаткой и техникой, они знали по одному иностранному языку каждый, имели прекрасное представление о работе с компьютерной техникой и механикой. В конце концов, они были просто умны! А кое-кто и гениален, что уж скрывать. И здесь они уже не получают больше, чем уже получили. Здесь все по-своему разнообразно, но замкнутое пространство и профессиональные преподаватели еще не все. Есть настоящая жизнь, которая еще будет учить их многие годы, а точнее всю их жизнь. Есть то, что не познать в теории. Есть вещи, которые невозможно понять лишь устно — нужно убедиться на практике. Здесь нет возможности применять свои навыки, оттачивать свое понимание психологии, и много чего еще здесь нельзя понять и попробовать. И Марк понимал это, и был уверен в том, что приложил максимум усилий в том, чтобы у его ребят все получилось. Они уже не станут свободными, не будут самостоятельными и всегда будут под контролем. Но и в таких рамках их ждет лучшая жизнь, нежели они вели до того, как попали сюда — уж этих ребят так точно. Марк не мог ручаться за прочих, кого знал лишь косвенно, не мог с уверенностью сказать, кого система прожует и выплюнет, а кем подавится. Но в своих детях не сомневался. Они сильны, умны, находчивы, даже уникальны. И пусть не с легким сердцем он отпустит их в большой и страшный мир, но с уверенностью, что за свою жизнь они еще поборются.

— Так чего ты хочешь от меня? — спросил Тимур.

— Просто позволения действовать.

— Оно было у тебя всегда. Просто ты не желал им пользоваться.

— Я не представлял, что мне это понадобится. Я надеялся, что меня это не заденет. Моя задача была в другом.

— Так или иначе, ты ломал всех этих детей. Вопрос в том, что не так жестко и

наглядно.

— Я не думал, что дойдет до подобного. И не был готов к этому. Да и сейчас не готов.

— Тогда почему ты решился на это?

— Это для ее же блага. Не сломаю я, ломает кто-то другой. Но я сделаю это так, чтобы то, что не убьет ее — сделает сильнее, а не раздавит окончательно, превратив в пустое нечто.

— Ты не думаешь, что от тебя, того, кого она любит, это будет больней, чем от кого-либо еще?

— Зато наглядней. Что ей с этих чувств? Через полгода она уйдет отсюда с разбитым сердцем — в любом случае. Но в моих руках, окаменеет ли это сердце и станет тверже, или просто разлетится на части.

— А говорил — психология не твое, — хныкнул Тимур, насмешливо глядя на мудрого товарища.

— Хочешь — не хочешь, а приходится, — улыбнулся в ответ Марк.

Под взглядами нескольких десятков глаз Марк прошел по корпусу студентов, остановившись возле одной из множества дверей. Он тихо постучал и дождался, когда ему откроют.

— Марк? — удивилась Леся.

— Одевайся. Я буду ждать тебя возле автопарка.

— Что случилось?

— Потом объясню, — лишь ответил мужчина и развернулся, чтобы уйти.

Леся проводила его непонимающим взглядом и закрыла дверь.

Через десять минут она была в указанном месте.

— Что ты хотел? — спросила она у Марка, который стоял у одной из машин, опираясь о капот.

— Садись. Поедешь со мной.

— Куда? — протянула донельзя удивленная девушка.

Ни разу за все время, проведенное здесь, она не покидала территорию школы. И не думала, что выпадет случай до того, как она навсегда уйдет отсюда.

— Для тебя есть работа, — только и сказал Марк, садясь за руль.

Девушка не стала больше спрашивать, села рядом с ним и немного волнительно пристегнулась.

Марк искоса наблюдал за девочкой. Видел ее волнение, которое она сейчас не пыталась скрыть, позволяя себе расслабиться рядом с ним. Видел горящие предвкушением и азартом глаза. И горько усмехался — она ведь не знает, зачем и куда он ее везет.

А Леся была настолько рада столь неожиданной поездке, что не замечала настроения Марка, и далеко не сразу спросила о том, что за работа ее ждет.

— В чем суть? — поинтересовалась девушка, спустя лишь час после того, как они выехали за территорию школы. — И почему мы уехали? Разве я не должна была покинуть школу с группой в свое время?

— Для тебя есть индивидуальное задание. Можно даже сказать занятие. Урок, — задумавшись на минуту, ответил Марк. — Это моя личная инициатива. И от того, насколько хорошо ты справишься, будет зависеть, вернешься ли ты в школу завтра утром.

Леся сглотнула от явного намека и того, каким холодным и отчужденным был голос куратора. Его взгляд был направлен только вперед, на дорогу, но от этого ей не было легче, смотри он на нее в упор.

— И чему я должна научиться? — осторожно, предвкушая нечто, что ей не понравится, протянула Леся. — Это ведь из-за того, что я сказала тебе? Из-за моих чувств?

— Да, — лаконично ответил мужчина.

— Ты не сможешь избавить меня от них своим уроком. Они не исчезнут по щелчку твоих пальцев, — раздраженно произнесла девушка, отворачиваясь от него и глядя за окно, где по за дорогой пролетала лесная полоса.

— Я попробую, — цинично хмыкнул Марк, сильнее нажимая на педаль газа под ногой.

Оставшийся путь они проделали в полной тишине. Леся задумчиво и тревожно кусала губы и сжимала пальцы до хруста и ломоты в суставах. Ее даже перестала интересовать временная свобода — слишком напугал ее Марк. Не волновал растущий перед глазами большой город — цивилизация, от которой девушка отвыкла за несколько последних лет в школе. Не было приятного головокружения как в начале поездки — все сменилось мрачностью и плохим предчувствием.

— Что ты задумал? — тихо прошептала Леся скорее для себя, но Марк услышал.

— Я давал тебе возможность все уладить самой. И предупреждал о твоих выходках. Ты меня не услышала и сделала по-своему. Теперь тебе придется ответить, а заодно получить урок.

Девушка уже поняла, что ей не отвертеться, прекрасно знала, что Марка не отговорить и не умолить и даже не пробовала пытаться, боясь снова увидеть в его глазах разочарование.

— Раз уж мне предстоит урок, хотя бы скажи — он мне по силам?

— Вполне, если ты сможешь взять себя в руки. Если сможешь перебороть саму себя. Это важно для тебя, ведь всю свою жизнь тебе придется в первую очередь бороться именно так — с собой. Со своими страхами, комплексами, потребностями, возможностями и желаниями. Все, что было до этого, можешь смело считать мелочью. С подобным ты никогда прежде не сталкивалась. И именно этот урок решит, не зря ли я вкладывал в тебя столько сил и времени, впрочем, как и остальные преподаватели. Если ты справишься — дальше будет легче. Ты будешь знать, что тебя ждет, что ожидает. У тебя будет опыт и возможность его принять и осмыслить, чтобы в дальнейшем он послужил тебе на благо.

— По большей части в твоих словах я слышу лишь желание меня научить. Не проучить.

— О, поверь мне — это два в одном, — едва слышно, а от того слишком зловеще, предупредил Марк, въезжая в город.

Он не остановился в его пределах, а выехал в пригород, где в одном из поселков остановил машину у красивого большого дома.

— Пойдем, — глуша мотор, произнес Марк.

Леся молча вышла. Не было смысла что-то говорить или пытаться предпринять, и так же в тишине она направилась вслед за куратором в дом. Девушка мало внимания обращала на обстановку, мало смотрела по сторонам, хотя ее всегда учили оценивать окружающие ее мелочи, замечать детали и сразу же все это анализировать в выводы. Но слишком уж Марк напугал ее. К тому же, раз уж это было не задание, то она может себе позволить такую слабость и вольность.

Послышались голоса, а через минуту Марк завел девушку в большую светлую гостиную, где находились двое молодых мужчин, о чем-то тихо переговариваясь, держа в руках бокалы с янтарным напитком. Но они тут же умолкли, стоило им войти.

— Знакомься, — он повернулся к остановившейся за его спиной Лесе, — это Виктор, — мужчина брюнет чуть заметно кивнул, — и Вадим, — шатен повторил действия своего товарища. — Сегодня они твое задание.

— В смысле? — непонимающе посмотрела на Марка девушка, уловив краем глаза насмешку в глазах новых знакомых.

— В прямом. На сегодня — ты их развлечение. Твоя задача — понравится им. Удовлетворить — если так тебе будет понятней.

Марк смотрел прямо в глаза Лесе, ясно давая понять, что не шутит. Наблюдал ее

растерянность и неверие, ярое отрицание, которое вспыхнуло в напуганных глазах девочки. Она смотрела на него широко распахнутыми глазами и не могла вымолвить ни слова — настолько была сбита с толку.

— Ты не можешь... — тихо, едва-едва слышно прошептала Леся, не шевеля губами, которые онемели, как впрочем, и все ее тело от ужаса данной ситуации. — Не можешь...

— Ошибаешься, — прищурился Марк, сжимая губы. — Я могу все.

— Ты не сделаешь этого! Не сможешь так поступить со мной! — выдохнула Леся, с каким-то отчаянием начиная качать головой, будто пытаясь не верить в то, что происходит, отрицая это до последнего.

— Почему?

— Я не кукла! Не вещь! Ты не можешь просто отдать меня им и приказать лечь под них! — Леся уже сорвалась на крик.

Теперь она была в гневе, в ярости, а страх сменился паникой и ужасом.

— Могу и приказываю, — холодно произнес мужчина, резко сжимая пальцами ее подбородок и впиваясь убийственным взглядом в распахнутые глаза. — Ты давно не принадлежишь себе. Ты давно «никто», игрушка, средство для достижения цели. И сейчас твоя цель — удовлетворить этих мужчин, нравится тебе это или нет, хочешь ты этого или нет. И если им не понравится, — многозначительное молчание, — завтра утром ты в школу не вернешься.

Марк был серьезен и его слова не были шуткой — Леся видела это в его глазах. Видела свой приговор. Именно так он решил научить ее — подстроить под систему, либо же избавиться вовсе. И выбор был за ней — прогнется она, как он учил, либо же сломается и станет ненужной.

— Надеюсь, что ты понимаешь всю серьезность моих предупреждений. Я всегда отвечаю за свои слова. Я обещал тебя наказать, если ты ослушаешься — ты ослушалась, и я наказываю. Я обещал, что ты не вернешься в школу, если провалишься — и ты не вернешься. Тебе решать. А я посмотрю, ошибся ли в тебе, когда выбрал.

С этими словами Марк отпустил девушку, а следом молча ушел, оставляя ее истуканом стоять на месте в комнате, где двое мужчин выжидательно и насмешливо смотрели на нее.

Марк уехал в город, где снял номер в гостинице. И впервые за многие годы взялся за сигарету — курить хотелось как никогда прежде. Не думал, что эта его слабость вернется. Да еще и вот так — вместе с проявлением очередной. Он не показал ее Лесе, не показал никому вообще, но как еще назвать чувство стыда, разочарования и презрения к самому себе как ни слабостью? Он учил своих детей избавляться от таких чувств, учил их игнорировать, душить в зародыше, а сейчас его самого эти самые чувства съедали изнутри.

Марку было тошно от самого себя — противоречие правильности и наоборот не давало покоя. Он старался не думать, не размышлять, убеждал себя всеми доводами и фактами, что поступил правильно с Лесей. Но с другой стороны понимал, как все это низко и неверно. Давно пора было избавиться от слишком строгой морали и принципов, давно нужно было понять, что на этом далеко не уедешь в том мире, к которому он принадлежал. Но это все еще было в нем. Он мастерски скрывал все это, умел делать хорошую мину при плохой игре. Даже Тимур не догадывался, что не так все просто и легко у Марка сложилось в его школе. Он уже полтора года жил там, преподавал, а все еще не хотел этого — такого образа жизни. И сейчас снова думал об этом, списывая на очередной заскок своей депрессии на этот счет. Снова не находил удовлетворения от проделанной работы, снова думал о том, что не этого хотел и хочет от жизни. Но что именно было ему нужно, так и не осознал. Он запутался сам в себе, и самому было впору идти к мозгоправу, что работал с его детьми, и искать ответы на свои вопросы у него. Но вряд ли кто-то поможет ему, пока он сам не поймет хотя бы немного из того, что терзает его душу.

Порой Марка чувствовал себя пустым и неживым. Чувствовал глупость своего существования, не находил в нем смысла. Вот как он проживает свою жизнь? Чего он достиг? Что дал обществу и своей стране? Своим ученикам? Чему он научил их? Чему хорошему? Да ничему! Он вбивает в них одно сплошное дерьмо, которым сам наполнен. Он учит их лгать, притворяться, убивать и быть жестокими и бессердечными. Учит их манипулировать людьми, призывает к бесчувственности и цинизму. Да, все это плюсы в той жизни, что они должны будут вести. Все это поможет им выжить. Но это не оправдывало Марка в его собственных глазах. Все же то, что он делал, очень противоречило и было противоположно тому, как жил он сам. У него была иная жизнь, иная служба, он пошел на нее добровольно, и никогда не сталкивался с тем, с чем будут сталкиваться дети, которых он учит. Он сам не был и в сотой доли таким, какими создавал своих подопечных. Да, его жизнь тоже не сахар, он видел ту ее сторону, которая многих ужаснет. Но при этом он остался человеком — со своими страхами, пороками, чувствами и желаниями. А из детей в своей школе он, и все прочие, делали роботов, кукол, игрушек, бездушных клонов, которые пойдут туда, куда им скажут, и будут делать то, что прикажут. У них не будет права выбора, у них не будет права на мораль и честь, чувства и эмоции. Они не будут работать на благо общества и защиту государства, не будут теми, кто защитит и убережет. Они те, кто будет делать грязную работу, шпионить, играть, уничтожать неудобных. Они будут выполнять такую

работу, и делать те вещи, о которых обычный человек даже не помышляет, что подобное существует. Как много наше, да и все прочие, государство рассказывает своим гражданам? Как много нам известно о политике, торговле и экономике? Лишь поверхностное, наносное, то, что не стыдно выставить на обозрение. И как много мы не знаем, и даже понятия не имеет о каких-то вещах? Марк, как часть этой системы, выдел кое-что, знал о каких-то моментах. И даже это было лишь крупинками истины. И он боялся думать о том, что еще ему неизвестно, и не желал углубляться. Но при этом он толкал в эту жизнь, в это болото детей, которых учил. Толкал без оглядки, прививал навыки, которые помогут им, не веря в то, что это действительно так. Ведь не каждый, кто был студентом странной закрытой школы, справится с тем, что ждет его за стенами. Не каждый сможет выжить, прогнуться, а не сломаться. Не каждому выпадет шанс применить свои способности вовремя и справиться с тем, что поручат. И никто не будет заботиться о том, чтобы помочь им. Вся помощь, что им оказана — оказывается именно сейчас, в школе. После их ждет лишь реальная жизнь без права на ошибку. А кто-то даже и из школы не выйдет, не выдержав и не справившись. И Марку было горько от того, что он имеет к этому непосредственное отношение. И очень часто он оправдывал себя тем, что делает это для блага тех детей, которых учит. Что не он, так кто-то другой. Что ничего не изменится, если он уйдет от этого, выйдет из системы — этих детей все так же буду привозить в школу, все так же будут учить и ломать, а после отправлять в ужасное будущее.

Еще Марк думал о том, что не всех ждет ужасный конец и мрачная жизнь. Ведь будут и те, кто выбьется на новый уровень, кого заметят, оценят. И пусть это будут лишь единицы, но они будут. У них есть шанс на ту жизнь, которую можно желать. Пусть не сразу, пусть с трудом, но она будет возможна. Взять ту же «элиту». Этих ребят никто не пустит в расход. Марк даже не был уверен, что Дениса оставят в группе, когда та покинет школу — не его уровень. Либо же повезет остальным ребятам благодаря этому парню. Но, пожалуй, что Марк не хотел бы знать, как в дальнейшем сложится жизнь его подопечных, да и вообще всех в этой школе. Не желал бы иметь к ним хоть какое-то отношение — ему хватало и того, что творилось в его душе с тем, что он уже видел и знал. А чужие проблемы, беды и тревоги сделают его лишь слабей. Как сейчас, когда он думает о Лесе.

Его инициативой было проучить ее, показать ей ее место, оттолкнуть от себя, дать понять, что она из себя представляет. У этой девочки еще были иллюзии на тему того, как сложится ее жизнь. И в его обязанности входило развеять их окончательно. И если это получится, если его урок пойдет ей на пользу, уже ничто не поколеблет эту девочку. Он закалит ее так, как не закалило тяжелое детство и трудные годы в школе. Она должна заковать свое сердце в бронь, чтобы ничто больше не ранило его, ничто не двигало ею, кроме рационального мышления и логики. Только так она сможет выжить. Пожалуй, так сильно в этом нуждалась лишь Леся. Денис был парнем, мужчиной, и это само по себе было проще. Но вместе с тем у него был твердый, решительный характер и жесткий нрав, он сможет приспособиться ко многому благодаря отменной выдержке — этот парень знал, чего хочет и что его ждет. Костя...этот мальчишка закалил себя сам. Его ветреность, легкость, его непокорность были тем, что спасало его от чувств и сожалений — он просто не был знаком с ними, они не были ему нужны, он был не восприимчив к эмоциям в принципе. Этаким образцом пофигизма. Андрей был занят лишь своими мониторами. В этом была вся его жизнь, его интересы, его адреналин. Его глаза горели лишь, когда пальцы стучали по клавиатуре, остальное его не волновало, и казалось, что не будет волновать никогда. Арина. Юная,

милая, хрупкая девочка. Ее ум станет ее спасение. Она никогда не будет на передовой, она всегда останется в тени, где ее не будут касаться ужасы реальности. Она лишь сторонний наблюдатель, рациональный мыслитель, аналитик, который зарылся в книги и всю жизнь проведет за ними. А вот Леся была слабой в своих эмоциях. Порой Марк видел в ней отголоски себя — она не знает, чего хочет, она противиться судьбе изо всех сил, зная, что у нее просто нет шансов, она готова на мимолетные безумства, но при этом решается на них очень редко. Все это было присуще и ему самому. Возможно, именно поэтому его так волновала ее судьба — их похожесть давала ему понять, насколько ей тяжело и непросто. И он действительно хотел ей помочь. И понимал, что сделать это нужно резко и кардинально, как он и поступил. Лишь эта мысль спасла его от слишком острого самоедства и желания немедленно рвануть за девушкой и забрать ее оттуда, где и с кем он ее оставил.

Утром, за пару часов до полудня, Марк позвонил в дом, где оставил Лесю. Виктор ответил на звонок, довольно хмыкнул на вопрос о том, как справилась девочка со своим заданием. А после Марк попросил позвать к телефону саму девушку.

— Да? — холодным, уставшим, равнодушным и ничего не выражающим голосом слабо прошептала Леся в трубку телефона через минуту.

У Марка мурашки по спине прошли от того, каким неестественным, убитым был голос ученицы, каким пустым и диким. Уже по одному этому можно судить, что его цель была достигнута.

— Твой урок еще не закончен, — произнес Марк. — Сейчас ты выйдешь в прихожую...

Марк выжимал из машины все, на что та была способна, как только выехал за черту города. Он домчался до знакомого дома буквально за сорок минут, вылетел из машины, на ходу вытаскивая оружие из-за пояса джинс и быстро входя в дом. Замер на пороге гостиной.

Леся сидела на диване, опустив голову, отчего рыжие спутанные волосы небрежно свисали вниз, закрывая ее лицо. Полуголая — в одних лишь джинсах и белье. По всему ее телу расцвели ужасные синяки — следы бурной ночи, что она провела в объятьях двух мужчин. В руке, что свободно лежала на колене, девушка сжимала пистолет. Босые ступни утопали в ворсе влажного от крови ковра.

Услышав шаги Марка, девушка медленно подняла голову, встречаясь взглядом с глазами мужчины. Безжизненные, пустые, холодные и отрешенные — именно такими были ее глаза. Взгляд куклы — стеклянный и неживой.

Марк опустил свой пистолет и поставил его на предохранитель. Глубоко вздохнул, глядя в глаза Лесе, которая вдруг усмехнулась обескровленными губами — так жутко и страшно, что не по себе стало.

— Спасибо за урок, — тихо прошептала девушка, медленно-медленно поднимаясь на ноги.

Ее шатало, она едва стояла на ногах, а рука с оружием слегка задрожала.

— Это было жестоко, — продолжила Леся, обводя взглядом тихую гостиную. — Но умно. От любви до ненависти один шаг. И ты подтолкнул меня к нему.

Она снова посмотрела на Марка. С осуждением, разочарованием и одновременно с достоинством и пониманием, что удивляло.

— Ты добился чего хотел — моих чувств к тебе больше нет, — твердо произнесла Леся, делая к нему первый шаг и глядя прямо в глаза. — Впрочем, от меня самой мало что осталось. Опять-таки благодаря тебе. Этого ты добивался? Уничтожить меня морально? Вот так сразу — одним выстрелом двух зайцев? — обведя рукой с оружием гостиную, протянула девушка с горечью в голосе.

— Я рад, что ты правильно все поняла.

— Ты ловко все устроил. Я никогда не верила в то, что способна на убийство, пока ты не приказал мне.

— Ты не смогла бы без подобных обстоятельств, — ответил мужчина, внимательно и пристально следя за девушкой, за каждым ее шагом, взглядом и словом.

Леся была на грани, и от него зависело — шагнет она за нее или нет. Но что еще ожидать от того, что она вынесла? Всю ночь напролет ее тело и душу терзали, губя и ломая то и другое. Она стала игрушкой, куклой в руках незнакомых людей, не смея послушаться или воспротивиться. И когда казалось, что вот он — предел ее возможностей, предел ее души, появился еще один приказ от Марка. И действительно, будь все иначе — она бы не смогла. Не смогла бы убить человека, а тем более двух. Это было ей не под силу, она не была убийцей, никогда не верила, что сможет, боялась того момента, когда придется это сделать. Но в тот миг, когда в сердце зияла дыра от боли, предательства, разочарования и отвращения к себе, она оказалась способна на это, и даже была рада сделать подобное. Она злорадствовала, расстреливая тела своих еще недавно любовников, видя ужас и страх в их глазах, непонимание. Они плевать хотели на ее мольбы, плевать хотели на ее страхи, и она отплатила им за это. И этот шаг был последним в череде тех, что она совершала по пути к разрушению себя и своей души, которая больше не принадлежала ей. Она стала той, кем ее хотели видеть. Стала убийцей.

— Скажи, а что мешает теперь мне сделать то же самое с тобой? — в очередной раз взглянув на тела Виктора и Вадима, вдруг протянула Леся, посмотрев на Марка, наклонив при этом голову на бок, будто размышляя.

В ее глазах был маниакальный блеск, и она была вполне способна на то, о чем говорила.

— Что не даст мне убить тебя и уйти? Сбежать из того ада, в который меня заволокли?

Она смотрела на него и говорила. Тихо, спокойно, разумно, чуть подергивая плечами, словно рассуждала вслух — она как кошка с мышкой играла с ним.

— Ничего не мешает, — ответил Марк, самостоятельно делая шаг к ней. — Сделай это. Убей снова. Теперь это будет легче. Проще.

— Верно. Ведь тебя я ненавижу больше чем их, — небрежно указав на трупы, скривилась Леся, выливая на мертвецов все возможное презрение. — Это ведь ты отдал меня им на потеху. Отдал, как товар! Как рабыню! Как шлюху!

Теперь Леся была зла. И это мягко сказано — гнев и ярость буквально сочились из каждой ее поры, опутывая ее словно паутиной. Глаза бешено сверкали, губы кривились, а пальцы все крепче стискивали ствол в руке.

— Когда-нибудь ты скажешь мне за это «спасибо», — произнес Марк, медленно приближаясь к ней.

Он не боялся, хотя прекрасно осознавал опасность своего положения и ситуацию в целом. Один неверный шаг — и Леся сделает то, о чем говорит.

— А могу просто убить прямо сейчас, — прошептала, будто с озарением девушка, поднимая руку и наставляя на него оружие.

Даже дрожь ушла из руки, настолько решительно она сейчас выглядела. Дуло пистолета как раз упиралось Марку в грудь, туда, где билось сердце — спокойно и размеренно. Ведь в глубине души он даже желал такого исхода — умереть. Глупая мысль, недостойная и трусливая, но она мелькнула в глазах Марка как готовность принять это — свою участь из рук этой девочки. Девочки, которая сегодня навсегда оставила в прошлом свое детство. Которая узнала всю глубину человеческого коварства и предательства, весь ужас разочарования в любви и боль от разбитого сердца. Этого было слишком много для нее, чтобы сейчас оставаться спокойной. И Марк понимал это, и не был удивлен тем, что

происходило. Вполне понятна реакция Леси, ее мысли, ее чувства, истерика. И так же было понятно, что она не сделает того, о чем так спокойно размышляет. Поэтому позволяет Марку спокойно забрать из ее руки оружие и убрать его с глаз долой.

— Пойдем, — только и сказал Марк, поднимая с пола куртку и набрасывая ее на голые плечи девушки. — Нам пора возвращаться.

Леся ничего не ответила. Только закуталась получше и прошла мимо Марка к двери, даже не обернувшись на все то, что оставляла за спиной.

— Я удивлена, — протянула Ева, стоя рядом с Марком и наблюдая за его группой, что занималась в зале.

— Чем? — рассеянно спросил мужчина, наблюдая за техникой боя Кости и Дениса на ринге.

— Что ты сделал с ней? — кивком головы указывая на Лесю, уточнила Ева. — Она изменилась, буквально за день. Что такого ты смог ей сказать?

— Какая разница. Важен результат, — только и ответил Марк, бросив короткий взгляд на свою ученицу.

Леся смотрела сквозь пространство, наматывая на руки бинты. Взгляд ее был прям, тяжел и пуст, а лицо не выражало ни единой эмоции. Но не только в этом выразилось ее отличие от себя самой еще пару дней назад. Это было во всем — поза, напряжение тела, отточенные движения, минимум напряжения и максимум сосредоточенности.

Ева бросила на Марка пронизательный взгляд и коротко усмехнулась, тут же спрятав свою дружескую насмешку.

— Ты сам не веришь в это. Что важен лишь результат, — уточнила девушка на вопросительный взгляд Марка. — Никогда не верил.

— Считай, что я тоже изменился, — пожал плечами мужчина. — Зачем ты пришла? — напомнил о цели ее визита Марк.

— Ты уходишь от разговора? — хмыкнула Ева.

— Ты очень понятлива, — холодно и коротко улыбнулся Марк, бросив на нее взгляд и вновь сосредоточивая свое внимание на детях.

— Тебя Тимур звал. Попросил зайти после занятий, — сказала Ева и ушла из зала, где ее не желали видеть.

Марк даже не заметил этого, сконцентрированный лишь на своей группе. Сегодня он лишь наблюдал за работой ребят, давая им возможность отдохнуть от своей тирании и придирок, как они называли его замечания по поводу себя. А по сути — он уже в принципе едва ли мог научить их чему-то еще. Они знали все, что он готов был дать им в свое время. Это был их предел, максимум, что они могли взять от занятий с ним. Они были готовой группой, и лишь ждали, когда их заберут, занимаясь и работая для тренировки, для оттачивания оставшихся мелких недостатков. И в принципе работа Марка с ними была завершена. Теперь он лишь не даст им расслабиться до момента их отъезда из школы.

— Можете быть свободны, — буквально через сорок минут Марк отпустил своих ребят отдыхать, и направился к Тимуру в кабинет.

— Звал?

— Да, проходи, — оторвался от монитора компьютера друг и посмотрел на вошедшего. — Присаживайся. Есть разговор.

— Я слушаю, — Марк сел напротив и посмотрел на Тимура.

— Завтра в школу привезут нового ребенка.

— С каких пор ты передо мной отчитываешься? — хмыкнул Марк.

— Это особенный ребенок.

— Здесь все особенные.

— Особая программа обучения — пусть будет так. Девушка здесь всего на полгода. И заниматься будет индивидуально всего в паре направлений.

— Зачем?

— У нее есть своя задача, и сюда ее привезут для того, чтобы она научилась тому, что поспособствует ей в этом.

— Я так понимаю, ты хочешь, чтобы этим занялся я? — догадался Марк.

А с чего бы еще Тимуру все это рассказывать именно ему?

— Верно. Твоя группа почти готова, времени ей ты столько уже не уделяешь. И потом... тебе нужно отвлечься.

— Что ты имеешь в виду? — прищурился Марк, с усмешкой на губах глядя на друга.

Тим замялся, опуская глаза. Марк очень удивился, увидев его смущение и неловкость, которые ну очень редко посещали его товарища — не та у них была жизнь, чтобы эти чувства могли надолго в ней задержаться.

— Я знаю, как тяжело тебе приходится. Вижу, что тебе не нравится все это. Вижу, что чего-то не хватает.

— Не лезь ко мне в душу, — попросил Марк, опуская взгляд.

Самому стало неловко от подобного разговора. Да, они были друзьями, но не бабами, чтобы друг перед другом душу выворачивать со слезами на глазах. Они все видели, понимали, но молчали, поддерживая лишь хлопком по плечу и дружеским подмигиванием — это был предел их мужской чувствительности друг к другу.

— Я просто хочу помочь тебе. Занять тебя хотя бы, чтобы ты не сходил с ума, — глядя другу в глаза, объяснился Тимур. — Я волнуюсь за тебя. В последнее время ты сам не свой. Эта твоя депрессия меня очень волнует.

— Я справляюсь.

— Да, конечно, — вздохнул, кивая, мужчина. — Но я, правда, хочу помочь. Не отказывайся.

— Не буду, — скупой улыбнулся Марк Тимуру, едва кивая.

Он был благодарен другу за подобную заботу и внимание, пусть и не привык к нежностям. Но кто, как не Тим может его понять и понимать, что ему нужно это — занять себя? И он понимал. Очень хорошо понимал, и был готов помочь. А Марк не будет отказываться от помощи, потому что действительно было трудно, было не по себе. И хоть как-то нужно было себя отвлекать и занимать. Это дело будет весьма кстати, поскольку его нагрузка действительно снизилась, и сейчас ему важно себя куда-то приткнуть.

— Завтра девочка приезжает. Встретишь ее в аэропорту. И еще, — вновь замялся Тим. — Судя по досье — оторва еще та. Проблемная, дерзкая, наглая и все в этом духе. Даже твоя Леся ей в подметки не годится.

— Спасибо, друг, — поджал губы Марк, бросив на засмеявшегося товарища убийственный взгляд. — Я только выпутался.

— Встряска тебе не помешает, — хмыкнул напоследок Тимур.

В назначенное время Марк был в аэропорту, встречая с самолета двух человек — свою новую ученицу и ее сопровождающего. Фото первой, как и ее досье, ему предоставил Тимур, и теперь мужчина высматривал в толпе пассажиров нужного ему рейса знакомое лицо. Взгляд сам собой зацепился за нужную фигуру. И даже, кажется, против воли бы остановился именно на ней, не будь она нужной.

В документах, что дал ему друг, было лишь простое фото в анфас — такие делают, когда заводят уголовное дело: на фоне располосованной стены. Девушка была без макияжа, без прически, с просто распущенными волосами, к тому же в черно-белом цвете, была красива. Но реальность превзошла снимок, к тому же оказалась куда ярче, креативней и в полной мере показывала всю суть этой девушки. Оторва — правильно Тимур назвал девочку. Одного взгляда на нее хватило Марку, чтобы понять, что именно это слово — определяющее основу поведения и нрава новой ученицы. Не нужно было что-то спрашивать, узнавать — все было налицо, так сказать.

Затянутая в кожу с ног до головы, в высоких сапогах до колен, зашнурованных ядрено-розовыми шнурками и на высоченной платформе. Косуха нараспашку открывает узкий топ, стягивающий полную грудь, и оставляющий все остальное обнаженным — плоский живот и соблазнительное декольте, а так же цветную татуировку на груди и ключицах. Волосы. Что-то с чем-то! Марк никогда не видел подобного — насыщенно фиолетовый цвет завитых длинных прядей, перекинутых на одно плечо, вызывал шок. Ярко выраженные брови темного цвета, одну из которых украшал пирсинг, так же как нижнюю губу с левой стороны в виде маленьких серебряных колечек. Темная, почти черная, помада на губах, и жутко зеленая жевательная резинка, пузыри из которой девушка надувала, пока шла по залу аэропорта.

На нее все оглядывались и смотрели, раскрыв рты. Мало того, что она была так вызывающе одета и далеко не культурно вела себя, так еще и красива была очень. Большие, просто огромные, глаза, которые выделялись и подчеркивались черным макияжем, пухлые влажные губы на фоне бледной кожи, форма лица в виде сердечка с остреньким подбородком и высокими скулами, прямой носик. И ей даже шло то, как она шагала, как смотрела на людей, как была одета и что делала с этой жвачкой своими губами.

Марк даже в осадок выпал, только сейчас понимая, с чем ему придется работать. И пусть досье на девочку и так дало ясно понять, что она не сахар, теперь эта мысль приобрела физическое воплощение. Нет, были в их школе эксцентричные личности, эпатажные и все в этом роде, но таких, как эта, он еще не встречал за всю свою жизнь, не то, что за время в школе. Мысленно проклиная Тимура, Марк двинулся в сторону своей новой ученицы и ее сопровождающего.

Поздоровавшись с офицером — судя по выправке — Марк повернулся к девушке, тут же встречаясь взглядом с ее изучающими, нахальными и вызывающими глазами. Насмешка искривила ее темные губы, и она еще раз демонстративно надула большой пузырь, а когда он лопнул, слизала липкую массу острым язычком, тут же подмигивая ему.

— Удачи, — только и сказал ее сопровождающий, сочувственно, почти с жалостью, глядя на Марка.

И ушел. Мужчина проводил его каким-то растерянным взглядом, но быстро взял себя в руки, возвращая своему лицу непроницаемое выражение, прежде чем повернуться к девочке. Та скинула ему в руки свою спортивную сумку с вещами и двинулась в сторону выхода аэропорта, даже не оглянувшись на него. Марк проглотил и это, лишь покачав головой на новую занозу в своей заднице. Но эта заноза была особенной, к тому же к ней не требовались такие ограничения в поведении, как для всех остальных в школе. И может именно поэтому Тимур отдал ее ему? Чтобы он сам отдохнул от собственной тирании, напряжения в работе и муштры детей? Алиса была особым случаем, и отношение к ней тоже было особенным, но лебезить перед ней, подчиняться ее нраву и терпеть выходки Марк так же не был намерен. А, следовательно, стоило дать понять, кто здесь главный из них двоих. И придется разочаровать девочку, судя по ее высоко задранному носу.

Мужчина вышел из здания следом за Алисой и направился к стоянке, где оставил авто. Забросил в багажник сумку и усадил девушку в машину. Та хмыкнула на проявление его галантности, когда он открыл для нее дверь, но ничего не сказала, лишь надула еще один пузырь. Обходя машину, Марк позволил себе слабость закатить глаза, а после, как ни в чем не бывало, сел за руль.

— Ну что, давай знакомиться? — спросил мужчина, когда выехал за территорию аэропорта по направлению к школе.

— Я думаю, что обо мне тебе все известно, — равнодушно протянула девушка, глядя в свое окно.

— Не «тебе», а «вам». Я — твой преподаватель, — скорее, чтобы позлить ее, нежели что-то его цепляло, произнес Марк.

— Вы слишком молоды для того, чтобы «выкаты», — хмыкнула Алиса, бросив на него косой короткий взгляд и снова отворачиваясь к окну. — И потом, на «вы» обращаются к тем, кого уважают, ценят. Я вижу тебя впервые в жизни. Поэтому... — протянула она, пожав плечами.

— Элементарной вежливости тебя не учили?

— Учили. Но культуре общения я обязана улице в большей степени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что ж, это действительно было так: за исключением последних нескольких лет, Алиса была почти бездомным ребенком — родители-алкаши и редкие ночевки дома не считались. И только последние два года девушка провела в более или менее достойных условиях жизни. Этому способствовал один из ее навыков, который и привел ее в какую-то группировку, где она оттачивала свой талант и развивала его, зарабатывая весьма неплохие деньги для главаря. Именно это, а еще внешность, сделали свое дело — ее завербовали для задания. Не совсем добровольно, но и не совсем уж силой. Но в итоге вышло так, что она просто оказалась не в том месте не в то время — попалась на глаза тому, кому не стоило попадаться. Редко кто из детей в школе был забран туда вот так — случайно. Девяносто девять процентов учеников тщательно отбирались и тестировались, зачастую даже не подозревая и не зная этого. Но были и такие, как Алиса, за тем лишь исключением, что четкого назначения в каком-то определенном плане они не имели — учились, как и все.

— Ты знаешь, куда я тебя везу? — Марк решил оставить вопрос с субординацией открытым, он был далеко не главным.

— Да, — кисло протянула девочка. — Мне подробно рассказали, что за место эта ваша «школа».

— А к чему тебя будут готовить, ты тоже знаешь?

— В деталях, — хмыкнула девочка, насмешливо глядя на него. — Я так понимаю, этим будешь заниматься ты?

— Не только, но в основном, — подтвердил мужчина.

Марк, из того же досье, также узнал, в чем будет ее задача, когда она покинет школу. Судя по тому, что он прочитал, он составил для девушки определенную программу занятий, которые должны будут ей помочь в ее работе. Это был пока еще общий набросок, основа появится, когда он поймет, с кем имеет дело и какой подход ему нужен.

— Какой предмет ты ведешь? — любопытствовала девушка через пару минут молчания.

— Это не предмет, скорее направление — физическая подготовка.

— Я тоже буду этим заниматься?

— Лишь слегка, для общего развития и только.

— Я развита в этом плане, — хмыкнула Алиса, глядя на него насмешливо. — Умею драться.

— Это хорошо. Избиение младенцев не по моей части, а когда мне дают отпор, это....

— Заводит? — перебила со смешком девочка, повернувшись к нему всем корпусом и рассматривая его во все свои большие глаза. — Возбуждает? Или может, повышает самооценку?

— С моей самооценкой полный порядок, — ответил Марк, проигнорировав первые два вопроса.

Это было провокацией. Не стандартной, откровенной, немного отдающей пошлостью, но провокацией. Алиса ведь еще не знала, что с ним нельзя играть, не видела его в деле. Да и вообще к ней было иное отношение, она это понимала, и видимо думала, что имеет право на такую наглость. А Марк не собирался ее в чем-то переубеждать, что-то доказывать и спорить. Она ненадолго с ним, ее не нужно готовить к особой жизни после окончания школы, как всех прочих, просто научить кое-чему. А значит, он может позволить себе повести себя проще и расслабленней, не строить из себя жесткого, холодного монстра, каким его знают все прочие ученики. И здесь уже «спасибо» Тимуру — за возможность немного отвлечься от той жизни, которую он примерил на себя, и которая все больше вгоняла его в депрессию. Ведь что, как ни попытки отдалиться от своих учеников, не дать им стать слишком близкими и дорогими, сделало из него такого человека — деспотичного, жесткого, жестокого и безжалостного? Что, как ни желание научить их правильно себя вести и подавать это своим примером?

Но и слишком уж размякать Марк не собирался — Алиса уедет через полгода, а ему оставаться в школе с прежними учениками и нормами для поведения. Поэтому сейчас ему предстоит разграничить то, каким он будет с этой девочкой, и каким для всех остальных.

— А что насчет первого и второго? — хитро спросила Алиса, отвлекая его от размышлений и не оставляя попыток смутить или задеть.

— Тебя не касается мое возбуждение, — хмыкнул в ответ Марк, сверкнув глазами.

— Почему бы нет? — и Алиса пошло облизала свои темные губы, глядя на него смеющимися и веселыми глазами.

Еще одна провокация. Марк задумался над тем, для чего и зачем Алиса делает это. Это

ее манера поведения со всеми, и с ним в том числе, или она просто хочет его позлить, вызвать какую-то реакцию, достать? Но не казалось, что это второе. Скорее уже первое — действия, мимика Алисы были уже привычными ей и настоящими, естественными. Она явно не делала и не говорила ничего из того, чего не говорила и не делала раньше. И неужели она так и продолжит вести себя с ним? Не стоит ли пресечь подобное в самом начале? Не много ли ему было Леси с ее закидонами, чтобы терпеть подобное, пусть и фальшивое, от новой ученицы?

— Давай сразу проясним, — спокойно заговорил Марк, а девушка лишь фыркнула, села ровно и вновь отвернулась к окну, поняв, что ответной игры от него ей не дожждаться. — Не нужно со мной играть, не нужно флиртовать и заигрывать. Ты приехала сюда учиться, и я буду этим заниматься. На меня не действуют все твои заморочки, и развлекаться за свой счет я не позволю. Если тебе скучно — я найду, чем тебя развлечь и без подобной банальщины. Идет?

Мужчина посмотрел на Алису, чтобы через миг дожждаться неопределенного пожимания плечами. Но не стал больше ничего говорить: свою мысль он до нее донес, а поймет она ее или нет, покажет время.

Остаток пути они проделали в тишине. Алиса с любопытством смотрела в окно, не задавая пока вопросов, и не больше не приставая к нему с глупостями. И зашевелилась, лишь когда они подъехали к КПШ.

— Ого. Да здесь прямо тюрьма, а не школа, — хмыкнула девушка, когда они проехали пост охраны.

— Ты недалеко от истины — здесь очень много тех, кому там самое место.

— Да, мне говорили. Здесь тьма отморожков, преступников и прочей шушеры, которых пытаются наставить на путь истинный.

— Что-то вроде, — хмыкнул Марк точному определению девочки. — Что еще ты знаешь о школе?

— Мне провели короткий инструктаж, — скривилась кисло Алиса. — Велели никуда не лезть, ни с кем дружбу не водить, и вообще не высовывать носа без повода.

— Хороший совет. Ты не будешь учиться как все здесь. У тебя будет своя программа, и сконцентрироваться ты должна лишь на этом.

— Ты проведешь мне экскурсию? — с вернувшимся воодушевлением спросила Алиса, когда Марк начал приближаться к школе с ее корпусами, площадками и прочим.

Девушка непосредственно крутила головой, тут же завалив его тысячей вопросов на тему того, что видела, не давая ему даже отвечать. Марк удивился такой резкой смене ее поведения: в один миг она весела, в другой молчит, в третий снова фонтанирует эмоциями — интересная девочка. Да и вообще она отличалась от всех учеников в этой школе. В чем-то была близка к «элите» с ее пониманием своего предназначения и целью. «Отбросы» так же были ей близки в своем роде. Но ни к тем, ни к другим она не могла относиться: пришла не добровольно, но и не так чтобы ей не терпелось свалить отсюда, как с каторги. Ее не будут готовить к другой жизни, но и прежнюю она не сможет вести, когда выйдет отсюда. Как ни посмотри — со всех сторон любопытная личность.

— Сначала отведу тебя в комнату, отдохни с дороги. У меня занятия на пару часов, вернусь и после все покажу. До этого будь добра не высовываться из комнаты.

— Может мне «выкатать» по причине твоей занудности? — хмыкнула Алиса, выбираясь из машины, когда Марк заглушил двигатель, выехав в гараж. — Я сама могу осмотреться,

если у тебя нет времени.

— И нарваться на первые же неприятности со своим острым языком? — проворчал Марк, насмешливо и в то же время грозно глядя на нее, пока доставал ее вещи. — Я за тебя в ответе, а судя по твоему поведению — два шага и ты уже вляпаешься куда-нибудь. Так что нет — ты сидишь в комнате и ждешь меня.

Алиса тихо перековеркала его слова, но он все равно услышал, но проигнорировал ее ворчание, выходя из гаража.

Было как раз время перерыва между уроками, и многие студенты находились на улице, где светило солнце и было достаточно тепло для приятной прогулки. Алиса тут же привлекла внимание всех и каждого. На нее смотрели, не отрываясь, разглядывая с ног до головы и вслух гадая о том, кто она такая.

— Ты произвела фурор, — прокомментировал насмешливо Марк, заметив, как один из младших учеников, разинув рот, провожал Алису взглядом.

— Я привыкла, — дернула плечом Алиса, сияя своей непосредственной улыбкой направо и налево.

Здесь это было дикостью — такое откровенное спокойствие, расслабленность. Новенькие всегда были запуганы, зашуганы, а старичкам нечему было радоваться. Поэтому Алиса выделялась не только благодаря внешности, но и своему настроению.

— Ты, я смотрю, не в фаворе, — показала свою внимательность девушка, заметив злобные, ненавистные и откровенно презрительные взгляды уже в его сторону.

— Меня не любят, и есть за что, — ответил мужчина равнодушно.

— И за что же? — хмыкнула Алиса.

— Скоро узнаешь, и если не повезет — на своем примере. Поэтому будь бодра слушать, что я тебе говорю, — напоследок сказал Марк, прежде чем зайти в корпус ее общежития.

Здесь людей уже было поменьше, и они почти спокойно и под не таким пристальным вниманием дошли до комнаты, что предназначалась Алисе.

— Ты живешь одна. Разбирай вещи и устраивайся. Вернусь через пару часов. Не высовывай носа, — бросив ее сумку на пол, дал последний инструктаж Марк, прежде чем выйти из комнаты новенькой.

Алиса показала ему вслед язык и скривилась, рассматривая свои покои.

— О, ты пришел меня поблагодарить? — улыбнулся широко Тимур, когда Марк зашел к нему в кабинет.

— Очень смешно, — кисло протянул друг. — Спасибо. Услужил.

— Я знал, что она тебе понравится, — хмыкнул Тим. — Интересная девочка, правда?

— О да, — скептически фыркнул Марк. — Я вот зачем пришел...

Мужчины поговорили по поводу работы, и Марк собрался уходить, чтобы провести для новенькой экскурсию, а заодно инструктаж.

— Займись этой малышкой в ближайшее время. У тебя не так много времени на работу с ней, — попросил еще раз Тимур.

— В досье есть лишь ее цель с кратким описанием. И абсолютно никакой конкретной информации об объекте. Она тоже не в курсе?

— По мелочи. Я сам не все знаю — передо мной не отчитываются, — пояснил друг. — Но нам это и не нужно, так что не забивай себе голову. Я дал тебе работу с ней, чтобы ты немного остыл и расслабился. Она особый случай, как я уже говорил, и ты понимаешь, что требования к ней иные, а значит и к тебе. Отдохни. Тебе пойдет на пользу.

— Я так плох? — хмыкнул Марк.

— Тебе лишь кажется, что ты в норме, — хмуро ответил Тимур, серьезно глядя на друга.

Марк ничего не ответил, молча вышел из кабинета и направился сначала к себе, чтобы чуть привести себя в порядок, а после в корпус студентов.

Сколько бы времени ни прошло, а на Марка действительно до сих пор косились с опаской — и те, кто лишь недавно с ним познакомился, и те, кто знает его все время, что он работал здесь. Алиса правильно заметила — его здесь не любят. Боятся. Но ведь именно этого он и добивался. И так было проще. А потому, его совершенно не волновали настороженные, дикие взгляды детей, когда он проходил мимо.

Остановившись перед дверью Алисы, Марк постучал, и девушка тут же открыла, будто сторожила.

— Наконец-то, — с видимым облегчением протянула она, выходя из комнаты и на ходу накидывая на плечи куртку. — Я думала, с ума сойду от любопытства.

И она смело прошагала мимо него на выход. Марку ничего не оставалось, как пойти за ней. Он наблюдал со стороны, как пристально и удивленно пялятся на девушку те, кто ее еще не видел, а это большинство. Осложнялось все тем, что слухи о новенькой уже расползлись по школе. Особого значения новым ученикам иногда и вовсе не придавалось, но пропустить такую, как Алиса, было просто нереально. А вот она сама, кажется, лишь наслаждалась таким вниманием к своей персоне — не зря же она была так вызывающа. Каждый ее жест, каждая ухмылка или улыбка была предназначена, чтобы привлечь к себе это самое внимание. Она купалась в любопытстве, интересе и удивлении окружающих. Это была ее стихия. И нельзя было не заметить, как виртуозно она пользовалась этим, чтобы вызвать растерянность, обезоружить в какой-то степени, отвлечь, чтобы получить свое. В данном

случае это была информация, оценка того места и тех людей, что будут окружать ее несколько месяцев.

Все это было почти профессиональной привычкой, без которой ее работа была бы бестолковой. Алиса была картежницей. Профессиональной, не смотря на юный возраст, который был тем, что также играло ей на руку, как и внешность — вызывало сомнения и расслабленность у противников. Именно так эта девушка приносила доход своему боссу еще пару недель назад — за покерным столом. В одном из подпольных казино ее и взяли вместе с парой таких же игроков. Именно в сизо она попала на глаза тому, кто заинтересовался ею во всех планах. И вот она здесь, в школе, под наблюдением Марка.

— Здесь так много студентов, — заметила девушка, когда они вышли на улицу.

Было уже далеко за обед, и вечерняя прохлада брала свое, поэтому она застегнула куртку до самого подбородка и, как успел заметить мужчина, сменила свой топ на обычную майку, даже кожаные штаны заменила простыми голубыми джинсами, но отнюдь не стала меньше выделяться. Все те же фиолетовые волосы, макияж, пирсинг — ее индивидуальность так и перла из нее. Марку даже показалось, что убери сейчас все это, смой косметику — и перед ним будет все такая же интересная девушка, ведь в первую очередь уже сейчас влекла к ней внимание не внешность. В первые минуты именно она, но даже за собой Марк заметил, что не это заставляет смотреть на девушку с любопытством. Ее легкость, непринужденность, расслабленность — именно это приковывало сейчас лично его взгляд. Возможно, лишь потому, что Алиса резко и контрастно отличалась от всех тех детей, что были здесь. Гнетущая атмосфера школы, настрой и до невероятного странные занятия кого угодно превратят в загнанного, усталого, озлобленного и неприветливого человека. Что уж говорить о детях, когда сами преподаватели была подвластны этому настроению. И сейчас именно Алиса показала Марку глотком свежего воздуха, с ее бесшабашностью, открытостью, даже наглостью и дерзостью. С ней действительно можно было расслабиться, хоть немного, но все же.

— Около тысячи человек.

— И все одинаково враждебные и злобные? — хмыкнула Алиса.

— Есть с чем сравнить? — вскинул вопросительно бровь мужчина, недовольно глядя на девушку.

— Я никуда не выходила, как ты и приказал, — закатила глаза она в ответ. — Ко мне наведалься кое-кто, познакомиться, так сказать, — фыркнула девочка. — Но основное знакомство произойдет сегодня ночью в каком-то подвале. Ох, — неестественно спохватилась Алиса, прикрыв ладошкой рот и «виновато» распахнув свои глаза, — мне наверно не стоило этого говорить?!

Марк только хмыкнул, покачав головой, а Алиса тут же прекратила выделяться и играть на публику.

— Ни для кого не секрет, как студенты выясняют между собой отношения и устанавливают иерархию. Ты думаешь, здесь идиоты работают?

— Я ожидала чего-то подобного, как только услышала первые рассказы об этой школе. Здесь не может быть по-другому. В замкнутом пространстве, где нет друзей, заботы и внимания, элементарного миролюбивого отношения не будет по-другому. Я жила на улице среди таких отбросов, и знаю, что это такое. И это в пределах нормы — позволить определенному слою общества устанавливать свои законы.

— Верно. И мы в это не вмешиваемся.

— Хотя бы, чего мне ждать? — спросила Алиса. — Драки? Вопросов? Банального избиения? Чего?

— Зная твой дерзкий язык, ты нарвешься на все сразу в первую же пару минут, — хмыкнул Марк. — Но думаю, что твоя самоуверенность не напрасна, и ты без подсказок знаешь, как справиться с этим. Тебе здесь жить и учиться, находиться среди этих людей. И пусть в отношении тебя несколько другие правила, в общем, ты такая же, как все они здесь. В твоих интересах добиться того, чтобы ты училась, не отвлекаясь на проблемы личного характера.

— Ясно, — протянула Алиса.

Они вышагивали по территории школы, девушка крутила головой во все стороны, и Марк в общих чертах рассказывал ей о правилах, запретах, занятиях в школе, студентах. Девушка внимательно слушала, время от времени задавала вопросы и подкалывала своего преподавателя. Она буквально не могла удержаться от язвинки или насмешки в его адрес, хитро сверкая своими темными глазами.

Алиса была легка на общение, достаточно умна и сообразительна. С ней было интересно, забавно — она заставила его даже улыбнуться несколько раз, что он редко позволял себе в присутствии своих студентов. И даже это девушка заметила, а он предельно честно объяснил ей, почему ведет себя подобным образом. Сам не понимал, почему рассказывает то, что в принципе девочки не касалось, но она так легко вытягивала его на разговор, что он просто поражался тому о чем, как и сколько говорит.

— Не бойся, я никому не скажу, какой ты душка на самом деле, — приторно улыбаясь, протянула Алиса, тут же заливаясь смехом.

— Я далек от этого понятия, — вздохнул Марк.

— Но ты и не такой, каким хочешь казаться, — заглянула ему в глаза Алиса и впервые за день в ее глазах была серьезность. — Но я также понимаю, что без этой маски тебе не выжить в этой системе.

— Ты тоже носишь свою маску.

— У всех нас их по несколько в наборе, — хмыкнула Алиса, отворачиваясь от него. — Когда приступим к занятиям? — моментально сменила тему девушка, и вновь на ее лице была улыбка.

— Завтра. Я составлю список твоих направлений, и расскажу, кто с тобой будет заниматься и над чем стоит поработать.

— Ок. Но ведь большую часть занятий будешь вести ты сам?

— Тебя это беспокоит?

— Меня это волнует, — снова с подтекстом протянула Алиса, усмехаясь коварно и хищно. — Ты мне нравишься, с тобой не скучно, пусть порой ты и зануда. Не думаю, что прочие отличаются веселостью и легкостью. А к тебе почти привыкла.

Марк лишь снова вздохнул и покачал головой, глядя на девушку с усмешкой, уже такой забытой и так легко вернувшейся к нему благодаря ей. Но все намеки на легкость и расслабленность исчезли, стоило Марку заметить направляющуюся к ним Лесю.

— Я хотела спросить насчет сегодняшнего занятия, — сразу перешла к делу подопечная, даже не поздоровавшись и едва окинув Алису равнодушным взглядом.

— Я приду в зал через полчаса, — ответил Марк, и Леся тут же ушла.

— Кто она? — не скрыла своего любопытства Алиса, как только девушка отошла на пару десятков шагов.

— Она из группы, которую я курирую. Одна из лучших студенток школы.

— О, похвала из твоих уст? — хмыкнула насмешливо Алиса.

— Всего лишь констатация факта. Олеся много работала над собой, чтобы добиться результата.

— Ты гордишься ею, — снова с удивительной пронизательностью отметила девушка.

— В какой-то степени, — лишь пожал плечами мужчина. — Возвращайся к себе, мне пора на занятия.

— Можно с тобой? Хочу посмотреть, — тут же напросилась Алиса, заискивающе улыбаясь.

— Сидишь в углу и молчишь, — предупредил Марк, выразительно посмотрев на нее.

Девочка тут же сделала вид, что закрыла рот на замок и выбросила ключик, улыбаясь уже невинно и по-детски наивно. Мужчина лишь прищурился, глядя на ее клоунаду, но больше не сказал ни слова.

Как и было приказано, Алиса сидела в уголке в зале и не мешалась, просто смотрела, наблюдала за занятием.

— Кто она? — спросил Денис, когда они с Марком после разминки вышли на ринг.

— Моя новая ученица.

— Ты взял универсала? К тому же из новеньких? — удивился стоявший рядом с возвышением Костя.

— Мне с тобой стоило это обсудить? — бросил на него недовольный взгляд Марк, давая понять, чтобы никто не лез туда, куда его не просят.

Костя только нос скривил, но заткнул свое любопытство, оставляя куратора с бойцом наедине. Денис больше ничего не спрашивал, сосредоточившись на занятии. Остальные так же были при деле, лишь периодически бросая взгляды на Алису. И даже равнодушная ко всем и всему в последнее время Леся присматривалась к новенькой.

— Что скажешь? — спросила она у стоявшей рядом Арины.

Девочка только бросила на подругу чуть удивленный взгляд.

— Что ты хочешь услышать? Что Марк смотрит на нее не так, как на нас?

— Я думала, мне показалось.

— Нет, — покачала головой Арина, посмотрев на Алису, а потом на Марка.

— И в чем же дело?

— Он закончил с нами, теперь у него есть другой приоритет. В этом причина.

— Она мне не нравится, — скривилась носик Леся.

— Тебе никто не нравится. Особенно те, кто рядом с Марком.

— С этим все, — жестко ответила Леся, бросив ненавистный взгляд на куратора, который что-то объяснял Денису.

— Что между вами случилось? Ты так резко изменила к нему свое отношение.

— Не твое дело, — грубо отрезала девушка в ответ и отошла от Арины.

Девочка проводила ее взглядом. Она, пожалуй, первой заметила, как Леся неравнодушна к своему учителю, даже раньше нее самой поняла, в чем дело. Наблюдала со стороны за этой парой и развитием их отношений, не с умыслом, а просто анализирую, делая выводы и предположения — чисто профессионально. А совсем недавно увидела, как все резко потухло и угасло в Лесе по отношению к Марку. Буквально за сутки не осталось и следа ее симпатии и влюбленности, которые к удивлению Арины сменились злостью, презрением и зачатками ненависти. Да и вообще Леся вдруг ни с того ни с сего замкнулась в

себе, и пусть и раньше не была слишком дружелюбной и общительной, сейчас вообще осталась лишь наедине с самой собой. Ее взгляд потух и стал серьезней, она будто что-то решила для себя, приняла, смирилась. Арина не спрашивала, чтобы не нарваться на грубость, да и не ее это было дело.

Девочка еще раз посмотрела на Алису и двинулась в ее сторону.

— Привет, — тихо произнесла Арина, когда та подняла на нее взгляд.

— Привет.

— Можно? — кивнув на сидение рядом, спросила Арина.

— Конечно, — улыбнулась Алиса, тут же представившись.

— Ты новенькая?

— Ага, — ответила Алиса, снова возвращая внимательный взгляд на Марка. — Сегодня приехала.

— Я не думала, что Марк так скоро возьмет себе еще кого-то для индивидуальных занятий.

— Почему?

— Он устал от нас, — хмыкнула Арина. — Ему нужен отдых.

— Я — не вы. И ненадолго здесь, — пожала плечами девушка. — И не думаю, что у него был выбор, — хмыкнула она. — Ты давно здесь?

— Почти три года.

— С ума можно сойти!

— Здесь лучше, чем там, откуда меня забрали, — спокойно ответила девочка.

— А я бы любую жизнь предпочла появлению здесь.

— Видно, твоя жизнь была не настолько плохой, как у многих здесь.

— Всякое бывало, — дернула плечом Алиса.

Она все так же смотрела исключительно на Марка, следя за каждым его жестом с любопытством и интересом, будто изучая его.

— Присматриваешься? — хмыкнула Арина.

— Ага. Надо же знать, к чему быть готовой.

— Могу рассказать, — предложила девочка, чуть улыбнувшись Алисе.

Арина все еще была слишком робкой, нерешительной и не особо дружелюбной, сколько бы времени ни провела в этой школе, как бы ни повзрослела, и с какими бы психологами ни работала, развивая свой характер и манеру поведения. И даже сама удивилась тому, что предложила новенькой разговор и знакомство. Но понимала почему: была в Алисе странная притягательность, загадка, которую она тщательно прятала под яркой внешностью. И Арине стало любопытно, опять-таки чисто профессионально.

— Давай, — согласилась Алиса.

— Марка не любят здесь.

— Я заметила, — усмехнулась девушка.

— Он сильный, умный, жестокий, циничный и грубый. Весьма проникательный. Наперед знает, что ты скажешь и сделаешь, непробиваем во всех смыслах этого слова. Его нельзя вывести из себя, нельзя разозлить или выбесить — он контролирует себя целиком и полностью, не подвластен чувствам, эмоциям и желаниям. Он холодный и равнодушный.

— И ничего хорошего? — хмыкнула Алиса.

— Он справедливый. Этого здесь достаточно. А еще заботливый — в особом понимании этого слова. Ты не увидишь его нежности, ласки или внимания. Но он всегда лучше тебя

самой знает, что для тебя важнее — в этом проявляется его забота. Он все сделает для того, что ты взяла максимум из своего пребывания в этом месте. С этой стороны он не оценит — других таких в школе нет. Все преподаватели в должной мере пытаются нам помочь и научить. Но у Марка к этому особое, уникальное отношение. Тебе повезло, что именно он взял тебя.

— Думаешь?

— Уверена, — твердо ответила Арина, чуть улыbnувшись девушке. — А ему повезло с тобой, — проникательно глядя ей в глаза, добавила она.

— Что ты имеешь в виду? — не прекращая улыбаться, спросила Алиса.

— Ты отличаешься от всех, кто здесь учится.

— Ты меня не знаешь.

— Я слишком часто, в отличие от других, занималась психологией. И Марк так же в этом знаток. И я это вижу.

— И в чем же мое отличие? В смысле — какая ему разница? Он вылепит из меня то, что необходимо, не учитывая моей особенности.

— Ты сама по себе странный человек. Ему это понравится.

— Почему?

— Здесь всех делают под одну гребенку, даже самых сильных ломают и гнут. Но ты, — протянула Арина, внимательно глядя в темные глаза Алисы, — ты никогда не сломаешься. Прогнешься, как скажут, обманешь, сблефуешь, выдашь необходимое за реальное. И уже сейчас я вижу, что у тебя есть план.

— Какой план? — хмыкнула как ни к чему ни бывало Алиса, но взгляд ее изменился, стал настороженным и цепким.

— Не знаю, — так же глядя на нее в ответ, протянула Арина. — Но я вижу, что глядя сейчас на Марка, пока он не видит тебя, ты оцениваешь — его, себя, ты строишь манеру своего дальнейшего поведения и многое другое. Но он разгадает тебя, как я сейчас, стоит лишь дать слабину.

— Я запомню, — вняла намеку и предупреждению Алиса, чуть улыbnувшись девочке — естественно и мягко, благодарно.

Арина смутилась немного, как обычно, но кивнула, принимая немое «спасибо».

— Почему? — спросила Алиса, как только она встала на ноги, чтобы уйти.

— Не знаю. Ты особенная. Но ты знаешь это, и умеешь этим пользоваться. Но с Марком будь осторожна — он разгадает тебя в два счета, как только ты оступишься в первый же раз.

— Я запомню, — кивнула серьезно Алиса.

Девочка кивком попрощалась с ней, возвращаясь к своей группе, которая уже заканчивала занятие. Спокойно встретила прищуренный взгляд прошедшего навстречу Марка, ничем не выдала своего волнения и стыда, что так повела себя, выдав новенькой способ избежать его разоблачения. Арина и сама не могла бы сейчас объяснить, почему подошла к Алисе, и рассказала все это, дала понять, как справиться с Марком.

— Впечатляет, — протянула Алиса, когда мужчина подошел к ней.

— Что именно?

— Твоя работа, — кивнула на ребят Алиса.

— Это не только мое достижение. И потом, ты слишком мало видела, чтобы судить об этом.

— Порой хватает и малости.

— О чем вы разговаривали с Ариной?

— Она выдавала твои секреты, — честно ответила Алиса, но с такой улыбкой, чтобы Марк просто не воспринял ее слова всерьез. — Предупредила меня на тему того, как с тобой себя вести. Сказала, что ты деспот и тиран.

— Уж если я для Арины таков, боюсь предположить, как обо мне думают остальные, — холодно усмехнулся Марк, идя на выход из зала.

— Тебя это волнует? — хмыкнула девушка, идя вслед за ним, прежде бросив последний взгляд на его группу и новую знакомую в частности.

— Нет. До их чувств ко мне, мне нет дела. Они вправе называть меня как им угодно. Главное, чтобы это не мешало им подчиняться приказам.

— Тебя совсем не волнуют твои студенты? Их чувства? Эмоции?

— Здесь всему этому нет места. Запомни это, — взглянув ей в глаза, ответил Марк. — К тебе это тоже относится.

— У меня нет задачи сделать из себя расчетливого убийцу или что-то вроде. И я умею очень хорошо блефовать.

— Я заметил, — хмыкнул Марк.

— Когда? — спросила Алиса с любопытством и улыбкой глядя на него.

— Когда ты говорила про мои секреты, — хмыкнул мужчина, замети краткую растерянность на лице девушки. — Запомни — меня тебе не обмануть. Помимо внимательности, у меня прекрасно развита интуиция. И она всегда будет говорить мне, когда ты лжешь, а когда говоришь правду.

— Ты здесь на своем месте, — прищурившись, протянула Алиса, на миг сняв с себя уже привычную Марку маску, но лишь на миг. — И тебя не волнует, что мне рассказала Арина?

— Абсолютно. Арина умна, очень умна. Но этот ум отточил я, и кому как не мне знать, что она может говорить и что скрывать. Эта девочка уникальна в том, как думает и действует, гениальна. И возможно однажды, она сможет спрятать от меня саму себя. Но, во-первых, мы вряд ли когда-то еще с ней увидимся в этой жизни. А во-вторых, еще много лет пройдет, прежде чем к ней придет особая мудрость и опыт, которые куда ценней, чем самый высокий IQ.

Говоря все это, Марк подтверждал слова своей ученицы о его проницательности и уме, и Алиса поняла, что можно смело выбросить все слова Арины из своей головы: она все равно ошибется с Марком, все равно до конца не сможет его разгадать, как бы ни пыталась. И любая подсказка в отношении этого человека ничего не стоит — сейчас он один, через миг уже другой.

Вдвоем они вышли из спортивного зала и направились к общежитиям.

— Тебе пора, — останавливаясь возле корпуса, где поселил девушку, произнес Марк. — Спокойно ночи.

— Спасибо за экскурсию.

— Завтра после завтрака приходи в зал, я подготовлю расписание, и мы все обсудим.

— Хорошо, — кивнула Алиса, а Марк развернулся, чтобы уйти. — А ты ведь так и не ответил на мой вопрос, — вдруг усмехнулась, напомним, девушка.

— Какой именно? Сегодня их была тысяча, — повернулся к ней лицом Марк.

— Как у тебя с возбуждением? — хитро-хитро улыбнулась Алиса, а следом рассмеялась, избегая вверх по крыльцу и скрываясь за дверьми корпуса.

Марк только головой ей вслед покачал, чуть улыбаясь уголками губ.

После завтрака, на котором Алиса вновь была просканирована сотней взглядов в столовой, она пришла в зал к Марку, как он и попросил. Мужчина сразу заметил цепким взглядом, как она слегка хромает и сутулится, не разгибаясь целиком. А когда девушка подошла к нему, потянулся руками к молнии на ее спортивной кофте.

— Вот так сразу? — хмыкнула насмешливо девушка, не мешая ему раздевать себя.

Марк только бросил на нее короткий взгляд, стягивая с плеч олимпийку. Глаза зацепились за парные цветные татуировки на ее предплечьях в виде роз и черепов, которые шли от запястий до локтей витиеватым узором. Но не рисунки на ее теле сейчас волновали его. Отбросив в сторону кофту, он потянул пальцами за край футболки, задирая ее, чтобы оценить нанесенный девушке ущерб в сегодняшней ночной заварушке — несколько крупных синяков на ребрах по бокам и животу.

— Переломы?

— Нет.

— Я ожидал большего.

— От меня или от них? — хмыкнула Алиса.

— От тебя.

— Разочарован?

— Ты оказалась слишком самонадеянной, — хмыкнул равнодушно Марк, — а это вполне предсказуемо.

— Я не думала, что отбивая здешним ученикам желание нарушать законы и жить как им хочется, вы отбиваете им последние мозги — меня не проверяли, меня тупо избили. И я еще легко отделалась, — рыкнула зло Алиса, отбросив наносное равнодушие и спокойствие. — Я ожидала честной борьбы.

— Здесь не учат чести. Не учат благородству. Здесь учат выживать. И сегодня ночью ты это поняла, я надеюсь?

— О да, — невесело хмыкнула Алиса. — В полной мере.

— Хорошо. Бег по кругу — хочу взглянуть, сколько ты выдержишь. Послабления на ушибы не жди, — отдал приказ Марк, и девушка, только вздохнув, начала выполнять.

Ей было тяжело, было больно, но стиснув зубы, она бежала, за что Марк ее уважал: не стала ныть, канючить и просить снисхождения, а значит, привыкла к трудностям — это хорошо. Пока девушка с трудом выполняла приказ, мужчина анализировал свою работу с ней. Сегодня Марк получил больше информации о задании девушки, пришли данные о ее объекте, которые он тщательно изучил, чтобы уточнить программу обучения Алисы. Кое-какие физические навыки ей просто необходимо будет получить, но не много, по мелочам. Предстоит большая работа с психологом, даже убирая то, что учить малышку играть, жутьничать и врать не придется — это у нее от природы и неплохо развито благодаря приличному сроку за игровым столом. Но есть такие понятия, как манипулирование, умение распознавать людей, раскладывая на составляющие каждый шаг человека, учиться читать ту

или иную личность по паре слов, жестов и шагов. Нужно так же развить умение соблазнять. Алиса умеет это в какой-то степени, но лишь в своей особой, а подобная манера поведения не со всеми прокатит, не каждого заденет и зацепит. Взять хотя бы его самого — ему было просто любопытно и смешно наблюдать за ее игрой с ним, и только. Ей не хватает опыта. Уделить этому особое внимание придется хотя бы потому, что соблазнение — основа ее задание. Именно благодаря этому она должна попасть в окружение своего объекта, кроме, конечно же, игры в карты. Много было моментов именно в психологии, и пока Марк даже не мог назвать все, что потребуется пройти с девушкой. Включалось в ее задачу и умение «общаться» с техникой разного характера на «ты», с компьютером в том числе. Ведь ей придется добываться информацию и сливать ее, и делать это незаметно для всех, а это тоже требует определенных навыков. Здесь ему поможет Андрей, который научит Алису всему необходимому. Было еще кое-что по мелочи, что Марк хотел бы зацепить в обучении новой подопечной. Но при этом он так же учитывал, чем ее не стоит загружать в принципе.

Работы с Алисой предстояло много, но она была куда легче и проще, чем та, которую он проводил со своей группой. Там у него не было права не учесть малейшую деталь, ведь от этого зависели жизни его ребят. Здесь же была иная ситуация. Во-первых, Алисе предстоит всего одно задание. Во-вторых, в нем не было той сложности, которую встретит большая часть выпускников этой школы. В-третьих, он не беспокоился так за будущее этой девочки, как за будущее своих ребят. Возможно, это пока — пока он не привык еще к ней, пока она не стала ему близка и дорога хоть сколько-то. А возможно, он, уже наученный горьким опытом того, как развивались его отношения с его группой и Лесей в частности, больше не позволит себе послабления в этом отношении. В любом случае, сейчас, с этой девочкой, все было иначе, по-другому, и в какой-то степени ему будет легче и проще абстрагироваться от того, что вместе с ней он выпустит из школы и свою группу тоже. Возможно Алиса — его способ немного ослабить ту привязанность, которую он чувствует к Денису, Косте, Андрею, Арине и Лесе. Возможно Алиса — его шанс начать все правильно — логично, разумно, холодно, отстранено и без эмоций. Но Марк уже чувствовал, что совсем уж сдержанным ему не остаться в любом случае: уже сейчас эта девочка, всего одним днем пребывания в этой школе, заставила его чувствовать — расслабленность, веселье, какое-то спокойствие. Есть такие люди, которые одним своим присутствием успокаивают, внушают доверие, вызывают желание позаботиться, есть люди, которых невозможно не полюбить и не привязаться, остаться равнодушным. И именно потому, что Алиса одна из таких людей, она — его испытание самого себя на прочность: насколько далеко он зайдет в своем отношении к ней, от чего сможет удержаться, а что станет его слабостью. И если сейчас Марк справится со всем этим, преодолеет свои порывы к спасению душ, благородству, любви и заботе, то дальше все, наконец, устаканится, станет проще и бездушней. А ведь именно этого ему не хватает здесь — бездушия. Ведь, каким бы жестоким его ни считали, как бы скверно о нем ни отзывались, по-настоящему этого качества в нем не было, лишь наносное, фальшивое, чтобы оттолкнуть от себя всех.

Через месяц занятий с Алисой, Марк мог сказать, что привык к девушке, к ее заскокам, тараканам, ее странному порой поведению, и даже находил в этом плюсы: с ней было весело, всегда интересно, неожиданно порой. А иногда и раздражающе. Девушка не отходила от своей манеры общения — поддеть, зацепить, съязвить, поиграть, подействовать на нервы. И к своему удивлению и недовольству, Марк замечал, что даже его грубость, злость и жесткость, которые многих доводили до нервного тика, просто не действовали на эту девочку. Она лишь насмешливо смотрела на него своими большими глазами, язвя в ответ с циничностью и грубостью, присущими ему самому, будто у него училась. И поняв это очень скоро, Марк просто прекратил бороться за свой авторитет и власть с этим человеком, установив в отношениях с ней индивидуальные правила. Он многое ей позволял в том плане, что она выплескивала на него свои эмоции, он не загонял ее в строгие рамки в этом вопросе, не заставлял себя контролировать просто потому, что это была ее суть, ее особенность, которая и должна будет сыграть решающую роль в том, к чему ее готовил мужчина. Первым, кого удивили их странные, дикие отношения, стала группа Марка. Всегда непреклонный, жесткий, неуступчивый куратор просто не реагировал на поведение Алисы, в то время как больше никто не заслужил такой прерогативы — его мягкости. Это вызвало сначала недоумение, потом недовольство, злость и гнев, а потом уже и зависть. Продолжая муштровать свою группу, Марк с поразительной мягкостью относился к новенькой. Это вызвало вопросы. И своей группе мужчина четко и ясно объяснил, чтобы они не совали нос не в свое дело.

— Вас не должно касаться то, как я работаю с кем-то кроме вас самих! И вы не имеете права предъявлять мне претензии и обиженно дуть губы, ратуя на несправедливость! Вы что, маленькие дети?! Откуда эта глупая зависть и недовольство?! Кто вы такие, чтобы чего-то требовать от меня!? Кто дал вам право вмешиваться в мои отношения с учениками?! Неужели я не ясно дал вам понять, что вы — никто для меня?! Что я не обязан перед вами отчитываться?! Что вы — лишь единицы из сотен таких же?! В который раз убеждаюсь, что зря тратил на вас свое время, — презрительно глядя на недовольных подростков, протянул Марк. — Свободны! Наши занятия закончились сегодняшним днем. Оставшееся время до отъезда из школы вы посещаете свои прежние уроки по общему расписанию. Я больше ничего не сделаю для каждого из вас, раз все мои усилия бессмысленны!

Это решение пришло спонтанно, зато стало для всей школы объяснением: он не раскис, не размяк с новой ученицей, он все тот же — грубый, злобный, жестокий, безжалостный и бескомпромиссный; что к нему нельзя найти подход, с ним нельзя играть, он не проявит снисхождение. И на Алису стали коситься с еще большим удивлением и непониманием.

— Меня ведьмой прозвали, — как-то со смешком поделилась девушка. — Типа я тебя околдовала.

— Тебя это не волнует.

— Верно. Я просто ответила, что до меня никому не удалось тебя удовлетворить. Все

тут же заткнулись, — рассмеялась от души Алиса над уже снисходительным взглядом Марка в свою сторону — он давно прекратил остро реагировать на ее выходки.

Так же Марка абсолютно не волновало, кто и что о нем думает — он не раз и не два показал свой нрав и характер, и чтобы ни говорили за его спиной, на занятиях с ним и поведении в его присутствии это никак не отразилось, а это было главным — подержать свой статус преподавателя. Алиса же в свою очередь тоже постаралась: в колких замечаниях, перебранках со студентами, преподавателями, в своих действиях, она старалась поддерживать определенную репутацию своего куратора. И вроде напрямую ничего не было, но каждый был в курсе, что как бы ни казалось со стороны, с Алисой Марк был таким же грубым и деспотичным, просто на свой манер. И все успокоились, привыкли. Для всех Марк остался таким же, как и был, никто не обращал внимания на то, что он относится к своей, теперь единственной, ученице по-особенному. И плевать, что всё действительно списывали на роман с девочкой — комментарии и шутки Алисы из раза в раз были на грани двусмысленности, и каждый думал в меру своей распушенности, а так как аморальных личностей здесь было большинство, срабатывал стадный инстинкт. Алиса лишь смеялась над этим, а Марку было все равно: ни шепотки за спиной, ни услышанные сплетни, ничто вообще его не волновало — пусть думают, что хотят.

К своей группе Марк не вернулся, даже когда остыл. И пусть его слова были сказаны в гневе и сгоряча, но в какой-то степени и они послужили правильным посылом. Его ребятам уже давно пора было понять, что не место в их жизни сентиментальности и прочим глупостям. А он слишком тянул с резким разрывом их возникшей связи. Да, с Лесей все вышло проще и быстрее, но вот все вместе они так и не поняли, чего хотел от них Марк. Зато теперь им стало доходчиво понятно, какая у них роль в этой жизни, чего от них хотят и требуют, и как им стоит вести себя, чтобы поступать правильно. Была попытка с их стороны все вернуть на круги своя.

Однажды в зал пришла Арина, когда Марк занимался с Алисой.

— Прислали самую умную и дипломатичную? — без прикрас высказалась девушка, когда девочка подошла к ним.

Она не хотела обидеть Арину, а та и не обиделась, лишь слабо спокойно улыбнулась.

— В чем дело? — хмуро спросил Марк.

— Ты знаешь, — поджала губы девочка, пряча глаза.

— Я сказал свое слово. К тому же — вас давно уже нечему учить. Все, что мог, я вам дал.

— А как же благословение в дальний путь? — попыталась пошутить Арина.

— Обойдемся без драматизма.

— Слушай, мы все прекрасно поняли, что перегнули палку и влезли, куда не следует, — бросив короткий взгляд на Алису, протянула Арина под смехок девушки. — И хотели бы извиться за это.

— Я принимаю извинения. Но все останется как есть, — безапелляционно ответил Марк. — Я не изменю своего решения. И я устал от вас. А вы от меня. Нам всем нужен перерыв. И сейчас, перед вашим отъездом, самое время.

Арина не стала больше ничего говорить, понимая, что переубедить Марка не удастся.

— Я поняла, — кивнула девочка. — Андрей просил передать, что может позаниматься с Алисой, если ты захочешь.

Пожалуй, именно этому человеку почти не было дела до того, как все сложилось,

поскольку все его внимание всегда принадлежало исключительно его «железу». Да и вообще, наиболее крепкие отношения у Марка были с Лесей и Денисом, и Ариной, которая ему нравилось, а остальные двое парней были как-то побоку, пусть и неотъемлемой частью группы. Компьютерный гений ничем не интересовался кроме своей специальности, лишь изредка посещая общие занятия и учась работать в группе. А Костя изначально был как шалтай-болтай — то тут, то там. Этому парня мало волновали отношения с Марком.

— Я учту, — сухо ответил Марк, отходя от Арины в другую часть зала.

Алиса чуть улыбнулась понурой девочке, та выжала в ответ едва заметную улыбку и ушла.

— Не слишком ли ты резок и категоричен? — спросила Алиса, подойдя к Марку.

— Тебе тоже преподнести урок, чтобы не лезла, куда не стоит? — недовольно ответил мужчина, хмуро посмотрев на девушку.

— О да, накажи меня! — томно протянула Алиса, выживаясь в очередной раз, на что он лишь закатил глаза, но хмурость исчезла из его облика.

— Твои десять кругов все еще ждут тебя, — напомнил Марк Алисе.

— Слушай, я уже прилично бегаю, даже не задыхаюсь почти, сколько можно меня истязать этим кроссом? — скуля, произнесла девушка, жалобно глядя на него.

— Двенадцать, — предупреждаясь протянул Марк, прищурившись.

— Злой ты, — буркнула Алиса, но побежала, чтобы не нарваться на еще большую разминку.

И пусть многое она себе позволяла из того, чего не позволил бы ни один ученик в отношении Марка, девушка грань знала, умела вовремя остановиться и не нарваться на проблемы для себя же. Пусть мужчина и был с ней мягче и спокойней, чем с другими, но строгости никто не отменял. Это на контрасте казалось, что с Алисой Марк более уравновешен и спокоен, более уступчив, но на самом деле все было не так уж радужно, как многие описывали — действительность отличалась от сплетен. К новой ученице у мужчины был свой подход, своя строгость и дисциплина, были грани, которые девушка не решалась переходить, а он бы не позволил. И все же с ней было проще и свободней. Она легко поддавалась обучению, легко подчинялась, пусть не без язвительности, пусть ворчливо и не всегда довольна, но подчинялась, понимая, зачем все это нужно.

— Как ты согласилась на это задание? — поинтересовался Марк через пару недель после очередного занятия.

Этот вопрос не то, что бы волновал его, но интересовал. У девушки не было как такого стимула, не было ярого желания поучаствовать в чем-то подобном.

— Я играю уже почти четыре года. Два последних под покровительством одного из сильных мира сего. Все это время я приносила ему уйму денег, просто прорву, он нажился на мне так, как ни на ком прежде. Даже казино свое открыл, где я могла играть круглые сутки. Он же меня и подставил в последний раз, из-за чего я и оказалась за решеткой. Мне светил приличный срок, и я бы не отмазалась даже со всем тем, что зарабатывала — нужен был козел отпущения, и его нашли во мне. А если бы отмазалась — меня бы просто убрали как свидетеля: я была приближенной того ублюдка, много видела и знала. А учитывая, что заточила на него зуб.... Тот офицер, что вытащил меня из тюрьмы, пообещал все уладить, если я помогу в этом деле. Но при этом явно дал понять, что выбора у меня в любом случае нет, — невесело хмыкнула под конец Алиса.

Марк прекрасно понимал, как все это выглядит со стороны, и да, знал, что выбора у

Алисы действительно не было. И она просто пошла по пути меньшего сопротивления, не стала противиться, не стала отнекиваться и чего-то бояться, а просто нашла в этом для себя очередное развлечение, не заморачиваясь причинами и мотивами. В этом была вся Алиса — научилась получать выгоду, удовлетворение и веселье из всего абсолютно. Даже его подгрехала под это, на нем оттачивая свой острый язык, черный юмор и харизму. Этаким вечно неунывающим оптимист. Марк не смог бы так. Не в его стиле было наплевать на все и плыть по течению. Он всегда должен был контролировать свою жизнь, каждый шаг, а эта девочка жила тем, что позволяла обстоятельствам руководить собой и своей жизнью, еще и кайф от этого получала. И это давало Марку повод в какой-то степени восхищаться Алисой. Она не строила иллюзий, жила реальностью, была вполне себе прагматична и продумана, но при этом не заморачивалась совершенно, умудряясь как-то совмещать пофигизм со здоровым взглядом на многие вещи.

Сегодня Марк не видел Алису с самого утра, когда отправил ее на занятия к психологу. И, кажется, что именно от этого чувствовал себя таким утомленным и вялым — некому было поднимать его настроение, пусть и невольно. А общие занятия в течение всего дня лишь утомили до предела. Еще совсем недавно мужчина был удовлетворен тем, что делал и как работал, ему нравилось наблюдать за хорошими результатами детей. И то ли с появлением в школе Алисы, то ли просто пришло время, но он разочаровался и в этом, перестал видеть положительное в том, чем занимался. Даже самоубеждение, что это на благо ребят, уже не спасало. И все, что сейчас его хоть немного радовало — новая ученица. Невозможно было сопротивляться ее обаянию, нельзя было не улыбнуться ее шуткам, выражению лица или чему-то еще. Правильно он все-таки с самого начала оценил Алису — интригующая, умеющая к себе располагать, невольно притягивающая не только взгляд, но и человека в целом. Маленький магнитик, к которому тянутся все до единого. Вот только она сама очень выборочно позволяет кому-то приблизиться к себе, благо есть из чего выбирать. За полтора месяца в школе она оказала свое внимание лишь паре человек, и то лишь потому, что ей это было удобно и выгодно. Ненавязчиво, почти случайно и далеко «не специально», Алиса сблизилась — слово «дружба» в этой школе неуместно — во-первых, с лидером «элиты», во-вторых, с лидером «отбросов». И умудрилась при этом и одного и другого водить за нос. Нельзя было сказать, чтобы она откровенно использовала этих людей в каких-то своих масштабных целях. Нет, для нее это была своего рода игра, когда она просто манипулировала ими, просила, что хотела — мелочи по большей части — не давая при этом ничего взамен. Марк наблюдал за этим почти со смехом, глядя, как двое умных сильных парня не могут поделить между собой внимание девушки. При этом мужчина не видел в этом интересе ни с одной из трех сторон какого-то романтического подтекста. Для этих двоих Алиса стала «своим в доску пацаном».

— И что дальше? — спросил как-то Марк у подопечной.

— Ничего, — дернула плечом девушка. — Мне просто скучно. К тому же мне нужно оттачивать свое мастерство манипулирования людьми, — передразнивая психолога, прогнусавила Алиса. — Черт, какой же он занудный! — имея в виду этого преподавателя, страдальчески протянула она.

— У тебя все занудные, — хмыкнул Марк. — Даже я.

— С тобой хоть пошутить можно, а прочие меня просто игнорируют.

— У них таких шутников почти тысяча человек.

— Нельзя не поддаться моему обаянию, — широко улыбнулась девушка, вставая в позу и демонстрируя себя со всех сторон. — Разве нет? — надула она губки «уточкой», на что Марк только рассмеялся. — И все равно скучно.

Да, по Алисе было видно, что заняться ей нечем — ей буквально некуда себя было деть, взгляд был тоскливым, и от нее так и веяло хандрой.

— Здесь есть конюшня, сходи, попробуй. Может, развеешься.

— Если только ты со мной, — ту же выклянчила она.

— Посмотрим, — ответил тогда Марк, неопределенно пожав плечами.

И вот она уже больше недели напоминает ему об этом при каждой встрече. Даже сегодня первым делом завела эту тему.

— Завтра, — сжалился над самим собой Марк, а Алису тут же захлопала в ладоши, непосредственно подпрыгивая на месте, словно маленькая девочка.

И все бы ничего, не находишь они в этот момент в столовой, на глазах у половины школьников и преподавательского состава. И если последним было без разницы, то первые во все глаза пялились на них. И вот, казалось бы, давно пора привыкнуть к подобному, но после каждой шутки Алисы на тему их взаимоотношений на них всегда смотрели как-то по-другому. Что могла говорить девушка, Марк лишь догадывался, не собиравшись ее за это отчитывать, но было все же любопытно, что о нем говорят. Вначале еще было слышно, когда эта девушка только появилась, и пошли первые сплетки. Чуть позже при Марке об этом никто не заикался, старательно делая вид, что никто ничего не слышит и не говорит. Поэтому он спросил у самой виновницы этого балагана.

— Я создаю тебе репутацию непревзойденного любовника, — хмыкнула Алиса, когда Марк все же задал вопрос на эту тему. — А остальное доделывает их воображение. Я вообще уже давно не позволяю себе шуток на подобную тему — толчок я дала, остальное они придумают сами.

— Боюсь даже предположить, что именно, — проворчал тогда мужчина.

— Тебя это беспокоит? — внимательно глядя на него, спросила Алиса.

— С чего ты взяла?

— Я слышала о тебе и Еве. У вас отношения и...

— У нас нет отношений, — откровенно признался Марк. — Мы просто хорошо проводим время вместе. Поэтому нет — меня не волнуют горячие сплетни.

— А ее? — снова пронизательный взгляд.

— Спроси у нее, — пожал плечами мужчина.

— И так видно, — хмыкнула Алиса, насмешливо глядя на на миг растерявшегося Марка. — Она ревнует тебя.

— Не лезь в это, — только и ответил мужчина, нахмурившись.

Девочка в кой-то веки проявила благоразумие и не стала развивать эту тему.

Зато подняла Ева. Едва Марк вышел из душа и собрался ложиться спать, в дверь постучалась напарница.

— Можно?

— Конечно, — кивнул мужчина, пропуская ее в комнату. — Что-то случилось? — спросил он, заметив напряженность и серьезность молодой женщины.

— Я хотела поговорить, — прямо глядя на него, произнесла Ева. — О твоей новой ученице.

— А что с ней не так? — недоуменно сдвинул брови Марк, уже предполагая, что могла натворить эта паршивка.

— Не хочу полагаться на домыслы и сплетни, поэтому спрошу у тебя: то, что говорят о вас, правда?

Марк удивленно посмотрел на Еву. Она серьезно? Да и с чего вдруг такой интерес? Она никогда не лезла в его жизнь, в его голову. Все, что их связывало — периодический секс и только.

— Почему ты спрашиваешь? — пронзительно глядя на нее, спросил мужчина.

Ева прикусила губу, отводя взгляд.

— Так правда или нет?

— Нет. Если ты забыла, своими малолетними учениками я не интересуюсь в большем смысле, чем требует моя работа.

— Ей восемнадцать.

— Не в этом суть, ты знаешь. Могу спросить в ответ? — не отводя от нее взгляда, сканируя каждый ее жест, взгляд и мимику на лице, произнес Марк. — Почему тебя это волнует? Я не обещал тебе верности, если на то пошло. Не обещал ничего вообще.

— Я знаю. И ни на что не рассчитываю, — вздохнула Ева. — Просто...

— Что?

— Я привязалась к тебе в какой-то степени, — выдохнула Ева, и прозвучало это так, словно она разочарована в самой себе, словно ей не нравится озвученная мысль, но она прекрасно ее осознает и не собирается скрывать. — Для меня это ново и не привычно, и я просто не знаю, что с этим делать.

— Ничего не делать. Между нами все так, как было изначально. Обо всем другом можешь забыть, — жестко припечатала Марк, но сказал это тихо и мягко. — Это не нужно нам обоим.

— Да, я понимаю, — кисло ответила Ева, устало опускаясь на край кровати. — Я просто сбита с толку. Но я соберусь, и все нормализуется.

— Я надеюсь.

Марку не нужна была вся эта сложность, которую предполагали полноценные отношения с этой женщиной. Ева все еще была для него загадкой, он ничего не знал о ней, кроме того, что было на виду — она отличный боец, преподаватель и прекрасная любовница. И это был предел его знаний, да и интереса тоже. Он не вникал в ее проблемы, из-за которых она однажды пришла к нему в отчаянии, не спрашивал о том, что произошло в ее прошлом, что она так паршиво себя иногда чувствует. Не лез ей в душу и не пускал в свою. Поэтому сегодняшний ее порыв вызвал в нем лишь негативные ощущения и неприятие. Но он постарался избавиться от этих чувств вместе с Евой, когда ненавязчиво выпроводил ее из своей комнаты.

Следующим, кто заинтересовался этим бредом, стал Тимур.

— И ты туда же! — уже отчаянно простонал Марк.

— Ты не думай, я не собираюсь учить тебя морали, что-то советовать отговаривать или призывать к благоразумию — поступай, как знаешь.

— Да нет у меня ничего с этой девочкой! — рыкнул Марк.

— А чего ты бесишься? — прищурился с ухмылкой Тим, глядя на друга насмешливо и пристально.

Марк только снова рыкнул и вышел из кабинета друга под его тихий смешок, бросив на него напоследок испепеляющий взгляд. Было желание пойти к Алисе и ее обвинить во всем этом сумасбродстве. Но также он понимал, что виноват не в меньшей степени, позволив подобные разговоры. Его по-прежнему не волновали сплетни, просто раздражало, что те, кто априори должен знать его хоть сколько-то, первыми заинтересовались тем, правда ли то, что о нем говорят. И ладно Ева — она запуталась. Но Тимур! Он-то должен был понимать, что не может все быть так, как казалось всем вокруг!

И апофеозом стал приход к нему Леси. С того момента, как Марк отказался от своей

группы, никто к нему не приходил кроме Арины. Эта девочка периодически навевалась просто пообщаться. Марк не отказывал ей в этом, тем более что сам наслаждался разговорами с ней. И кто бы мог подумать, что такая юная девочка станет самым интересным собеседником из тех, с кем он мог здесь общаться.

Леся пришла в зал, когда Марк отпускал свой последний на сегодня класс перед занятием с Алисой. Вопросительно вскинул бровь, когда девушка подошла к нему. Руки сложены на груди в защитном жесте, но взгляд не читаем — равнодушию и спокойствию у нее можно было многим поучиться. И пусть приобретено это страшным путем, всяко лучше, чем если бы она выставила на обозрение все свои чувства, а значит слабости.

— Как дела? — спросила непринужденно девушка.

— Что ты хотела? — перешел к делу мужчина, понимая, что не ради светской беседы Леся пришла к нему.

Они прекрати свое общение практически полностью задолго до того, как Марк прекратил тренировать свою групп — в тот день, когда он привез ее в школу после суток исчезновения из нее. Эти двадцать четыре часа стали роковыми в их отношениях, а точнее в отношении Леси к нему. И мужчина не жалел об этом, когда муки совести немного притихли. Все было правильно, так, как должно было быть изначально. И поэтому сейчас удивился тому, что эта девушка вообще приблизилась к нему без повода. Но смутно он догадывался о причине — это было вполне предсказуемо в свете того, что якобы происходило в его жизни. Неужели он ошибся в том, что окончательно отбил у Леси любовь к себе? Вряд ли. Так зачем она здесь? Потешиться на тему того, что кому-то все же удалось сломить его волю, пусть и не ей? Напомнить ему его же слова, что он никогда не опустится до отношений со своими ученицами?

— Не думай, что мои слова буду иметь под собой какой-то романтический подтекст или даже ревность — я пришла просто из-за любопытства и ущемленного самолюбия, — спокойно начала говорить Леся, и у Марка не возникло сомнения в искренности ее мотива: ее взгляд был спокоен, равнодушен, она не злилась и не была обижена. — Чем она лучше меня?

Марк хмыкнул, дав себе минуту на размышления. Что ему сейчас сделать? Опровергнуть все, что о нем говорят и дать понять, что сам допустил подобное? Или же уверить Лесю в том, что ее не касается его жизнь, и тем самым подтвердить слухи? Эта девушка не станет сплетничать, не понесется тут же докладывать всей школе, как все на самом деле. Она пришла сюда лишь из-за себя самой, до остальных ей не было дела. Это действительно было ущемленное самолюбие. Леся была красива, знала это, имела основания полагать, что трудно отказать такой как она. И вдруг отказали, а чуть позже выбрали другу. Такую же яркую, красивую, но без явного превосходства. Женская зависть?

— Что бы ты желала услышать?

— Что ты влюбился, — хмыкнула девушка под удивленный взгляд Марка. — Да, именно так. Влюбился сильно и яростно. И понимал, что это запрещено. Что она не твоя, что ты не имеешь на нее прав. Что она уйдет, как только ее позовут, а ты даже не сможешь ничего сделать из-за своей правильности. Но знаю, что ты просто не способен на подобное. Ты пустой и холодный. Слишком правильный, слишком контролируешь свою жизнь и эмоции, чтобы так сильно оплошать. Скажи, а ее ты так же безжалостно отдашь на потеху двум мужикам, если вдруг она окажется слишком неконтролируемой? Так же сделаешь из нее шлюху, как и из меня? Или так же, как у тебя к ней другое отношение во всем, так же будет и

в этом случае? Если она покажет свою слабость, что ты сделаешь? Поступишь с ней как со мной? Растопчешь? Унизишь? Превратишь в ничто?

По мере того, как Леся говорила, глаза загорались диким огнем: обидой, ненавистью, презрением, болью. Она уже не любила его — ненавидела. И эта ненависть разрушала изнутри все, что осталось. Именно ненависть распалила ее чувства сейчас, сквозила в каждом слове. Она хотела заставить его стыдиться? Хотела, чтобы он почувствовал себя виноватым? Что ж, у нее вышло. Он всегда будет чувствовать вину вместе с ощущением правильности своих действий, и от этого никуда не уйти. Но ей он этого не покажет.

— Нет. Она никогда не будет на твоём месте, — ответил Марк, спокойно и размеренно. — Я никогда не сделаю с ней того, что сделал с тобой. Никогда не позволю обидеть ее кому кроме самого себя. Но не потому, что она лучше тебя. Просто потому, что она другая.

Леся горько усмехнулась. Глаза блестели от сдерживаемых слез, которые сейчас не казались слабостью.

— Желаю, чтобы она разочаровалась в тебе так же, как я. Чтобы увидела, какой ты на самом деле, что не наносное все это — твоя холодность, жестокость, безжалостность. Что все это — ты настоящий. А еще, чтобы ты сам захлебнулся во всем этом. Чтобы задушили тебя когда-то твои же эмоции, чтобы ты сдох однажды в одиночестве, не в силах познать, что может быть иначе.

Признаться честно, но Марку даже жутко стало. Разное он видел, слышал, много «прекрасных» пожеланий было в его адрес. Но таких яростных, диких и чистых еще ни разу. Никто еще не ненавидел его так сильно, как сейчас, в эту минуту, эта девочка. И ведь он сам причина такой ненависти. Можно оправдывать себя разным, но истина сейчас в словах Леси.

— Не помешаю? — раздался немного напряженный голос Алисы, и они оба только сейчас увидели стоящую у дверей девушку.

Леся бросила на Марка последний взгляд и вышла, прожигая взглядом Алису, пока шла в ее сторону. Та отвечала тем же. Рыжие волосы взметнулись и исчезли за дверью, а Алиса направилась к нему.

— Чем ты ей не угодил? — хмыкнула девушка, вернув себе прежнюю расслабленность, которые на миг сменились напряженностью, стоило поймать взгляд Леси.

— Лучше тебе не знать, — только и ответил Марк.

— Ты обещал мне прогулку, помнишь? — тут же сменила тему Алиса, пока он не вспомнил о каждодневной разминке, когда она наматывала круги и потела, отжимаясь, приседая и все в этом духе.

Ничего сложнее банальной разминки Марк с ней не проводил, даже приемам не учил. Но она даже этому возмущалась, что слишком много.

— В этом пойдешь? — насмешливо протянул Марк, оглядывая ее уже знакомые кожаные вещи — брюки, куртку, а еще нелепые сапоги до колен на платформе.

Хорошо футболка под всем этим была почти нормальная, если не учитывать очередного дикого принта. Вообще Марк уже давно перестал удивляться тому, как выглядит порой Алиса. Иногда это были даже нормальные вещи, типа спортивного костюма, джинс и прочего. Но зачастую она была куда более экстравагантна в выборе своего наряда. Кожа, рваные вещи, откровенные и дикие. Она часто выставляла напоказ свое тело там, где были татуировки — грудь и руки. Она откровенно демонстрировала свой плоский живот и длинные стройные ноги, надевая топы и короткие юбки и шорты. И где только брала весь этот дикий ужас? Неужели весь этот ассортимент помещался в той сумке, что она привезла с собой? Все это догонялось ее фиолетовыми волосами, пирсингом и ярким макияжем, который она игнорировала очень редко.

— Ты хочешь, чтобы я разделась? — с очередным намеком протянула Алиса, играя бровями.

— На конюшне есть несколько костюмов для верховой езды. Тебе должно подойти, — проигнорировал Марк ее поддевку.

— Все-таки хочешь, — фыркнула Алиса под его качание головой.

Вот она вроде бы и знала, что не среагирует, что не станет отвечать, а все равно не могла прекратить свой флирт и кокетство. Ей нравилась сама игра, результат был не важен. Тем более что иногда Марк все равно реагировал, прятал это от нее, но она замечала. Это были мелочи — улыбка, усмешка, смеющийся взгляд. И таким он был только с ней. Даже с Евой он был не таким. Она видела их пару раз вместе. Со своей напарницей Марк был страстен, горяч, был и холоден временами, когда его что-то не устраивало — он вообще не привык скрывать свое недовольство от окружающих, всегда прямо говорил или показывал, чтобы не приближались уж слишком близко. Даже ее, Еву, свою любовницу, держал на некотором расстоянии — это было видно невооруженным взглядом. И только с ней, с Алисой, он хоть немного расслаблялся, позволяя себе улыбку — настоящую, пусть и едва заметную, но искреннюю. И девушка списывало это лишь на свое обаяние, которое всегда притягивало к ней людей абсолютно разных нравов. Иногда это было на руку, иногда доставляло неприятности, но еще ни разу ей не пришлось пожалеть, что она вот такая — магнит для всех вокруг. И пользоваться этим она умела виртуозно, быстро поняв свое преимущество перед многими другими и научившись управлять. А в последнее время ее навыки вообще выше всяких похвал: если раньше она действовала лишь интуитивно, то сейчас, занимаясь с психологом, начала более четко понимать что и как делать, поступать, о чем говорить, как пользоваться своим телом и мимикой, добиваясь необходимых результатов. Взять хотя бы ту пару парней, что в последнее время боролись за ее внимание и

дружбу. Умные, наученные теми же преподавателями и тем же психологом, они с легкостью, поразившей Алису, поддались ее очарованию, обаянию и харизме, не заподозрив даже того, что на них она просто тренирует себя. Они были твердо уверены, что заслужили ее внимание и общение, не предполагали даже, что не нужно ей от них ничего абсолютно. И чем не лучшее доказательство ее мастерства тот факт, что она обвела вокруг пальца если не самых лучших, то просто лучших студентов этой школы? Еще был Андрей, с которым девушка занималась программированием и техникой в общем. Забитый, загруженный «ботаник», которого ничто и никто не интересовало кроме его «машин». Очарованный лишь своими мониторами и интересующийся исключительно созданием очередной программы, даже он поддался ей. В своем особом роде, конечно же, потому что его любовь всей жизни осталась прежней, но все-таки и он попал под обаянием Алисы. Он не был ее «пробой», не был заданием мозгоправа, он просто понравился ей как человек. Была в нем какая-то странность, которая была и в ней — своя, особенна, которую не каждый увидит и поймет. И именно на этом девушка сыграла — без всякой цели, просто чтобы разобраться, пообщаться с парнем. И он открылся перед ней, показав свой особенный мир, который для многих непонятен, а его зачаровывает. Она, конечно же, мало что понимала в той глубине, что он открывал перед ней. Но просто ее желание послушать и понять уже делало свое — Андрей увидел в ней того, кто не считает его закомплексованным и узкомыслящим человеком, того, кто хотя бы пытается понять его, пусть с трудом, но все же пытается, искренне и по-настоящему. И все же именно по Марку можно было судить о себе ярче всего: мрачный, угрюмый, холодный, отстраненный, неприступный — рядом с ней он позволял себе слабость расслабиться. Она не пользовалась этим ни в коей мере, ей просто льстило, что именно она добивалась подобного. Ни его любовница, ни его группа, к которой, как она сразу поняла, он был привязан сильнее всех. Именно она, незнакомая девочка-оторва, при первом взгляде на которую он на миг потерял дар речи и равнодушную мину на лице, которые были основой его подачи себя. И пусть он все еще был груб с ней, резок иногда, жесток, непреклонен, ей хватало того, что были те моменты, когда он позволял себе иное к ней отношение. Их было мало, не были они так явны и откровенны, как казалось всем вокруг — здесь играл роль контраст и только — но самое главное, что они были. А большего ей и не требовалось, большее она могла получить от кого угодно. Но это было, само собой, не так интересно и ярко. Именно отдача Марка на ее нрав и поведение доставляли больше всего удовлетворения, потому что он был самым трудным «объектом» из тех, что встречались на пути ее очарования, а потому и результат был более долгожданен.

Марк с помощью Алисы навел в зале порядок, и они отправились на конюшню.

— Когда-нибудь сидела в седле? — спросил мужчина, когда девушка переоделась и вернулась к нему к стойлам, где были лошади.

— Нет, — покачала головой Алиса, касаясь ладошкой морды коня, рядом с которым стоял Марк, и улыбаясь при этом, как ребенок, получивший долгожданную игрушку.

— Не боишься?

— Немного, — кивнула девочка. — Ты научишь?

Марк кивнул.

— Сейчас я оседлаю его и выведу в загон, прогуляйся пока.

Алиса кивнула и пошла на выход из амбара, разглядывая по пути каждую лошадь, что выглядывала из своего угла. Ее взгляд был зачарованным, радостным и предвкушающим. Но еще была видна небольшая нервозность, которая лишь усилилась, когда мужчина подвел к

ней готовое к прогулке животное.

— Повод из рук не выпускать, — начал инструктировать Алису Марк, а та только головой кивала на каждое его слова, слушая внимательно, и заморожено глядя в большие карие глаза коня. — Если артачиться начнет — не тяни повод. Он сильнее тебя, поэтому это бесполезно. Просто одерни и похлопай по загривку, пусть успокоится. Если вздумает встать на дыбы, отпусти повод, хватайся за гриву или шею. Держись крепче, пока он не опустится в обычное положение. Не откидывайся назад и не тяни на себя повод — может опрокинуть на спину. Если остановился и бьет передней ногой, опускает голову и нюхает землю — быстро подними ему голову и требуй, чтобы двигался вперед. При падении сбрось стремяна и постарайся выпутать из рук повода. Все поняла?

Алиса кивнула заторможено, и тут же отрицательно закачала головой, растерянно глядя на него.

— А давай просто вместе на первый раз? — несколько скованно и робко попросила Алиса — ей было в новинку показывать неуверенность в себе и своих силах, которая всегда была при ней.

— Ладно, — вздохнул Марк, отходя от лошади, и давай девушке знак стать сбоку. — Ногу в стремя, руками на седло. Не волнуйся, он спокойный.

Неуверенно, но Алиса все же запрыгнула на коня, тут же лихорадочно хватаясь за повод и пригибаясь к холке животного, с паникой глядя на Марка сверху вниз.

— Я тут. А он стоит на месте, даже не пошевелился, не бойся, — хмыкнул мужчина.

Алиса кивнула, но напряжение не ушло ни из ее тела, ни из глаз.

— Я думал, ты смелее, — с долей насмешки произнес Марк, рассчитывая расслабить девушку и отвлечь от легкого страха и дискомфорта в седле.

— Когда дело касается людей — я стопроцентный смелый рыцарь. Но сейчас...

В этот миг конь закивал головой из-за того, что она слишком сильно потянула повод, натянув удила.

— Черт! Залезай скорее! — прошипела Алиса под смех Марка.

Мужчина покачал головой, но через миг легко взлетел в седло позади девушки, заставляя ее выпрямиться, и забирая из рук повод. Алиса тут же откинулась спиной ему на грудь и чуть расслабилась, почувствовав его силу и уверенность, которые буквально окутали ее теплом и защитой.

— Трусиха, — протянул Марк ей на ухо.

— Благоразумная, — поправила с вернувшимся достоинством Алиса, задрав нос и тут же улыбаясь, окончательно расслабляясь.

Мужчина только хмыкнул и сжал коленями бока лошади, давая знак начать движение. По мере того, как животное вышагивало по загону, Алиса перед Марком все больше расслаблялась, принаравливалась к ходу, чувствовала себя уверенней и спокойней.

— Можно быстрее? — умоляюще улыбнулась девушка через пару минут, заглядывая в лицо Марка.

— Можно, — усмехнулся тот в ответ и задал более быстрое движение умному коню.

Нельзя было самому не улыбаться, когда Алиса весело хохотала, уже от души наслаждаясь прогулкой верхом. Ее задорный смех не мог оставить его равнодушным. И если ее детский восторг был понятен, то собственный моральный подъем и наслаждение брались просто из ниоткуда.

— Как здорово! — воскликнула Алиса в очередной раз.

— Может теперь сама?

— Давай, — осмелилась девушка.

Марк спрыгнул на землю, передавая поводья Алисе в руки.

— Не торопись.

— Не уходи далеко, — попросила девочка, на что Марк кивнул, чуть хлопая коня по крупу, чтобы тот двинулся дальше по загону.

Мужчина всегда был близко, чтобы в случае чего помочь Алисе, время от времени выдавая ей очередное устное наставление, которое девушка старательно исполняла или пробовала. И через какой-то промежуток времени она уже смогла сама управлять животным, без подсказок, правильно направляя его, заставляя сменить шаг на галоп и наоборот, останавливая его вовсе и все в этом духе.

— У меня здорово получается, правда? — подъехала к Марку девушка за похвалой.

— Правда, — хмыкнул Марк, глядя рукой морду склонившегося к нему животного. — На сегодня хватит. Завтра ноги и бедра будут болеть с непривычки.

— Мы ведь придем сюда еще раз?

— Теперь ты сама вполне способна себя развлечь.

— С тобой лучше, — улыбнулась Алиса, глядя на него без доли иронии, насмешки или поддевки, показывая истинную симпатию и благодарность за проведенное с ней время.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Марк.

— О, — вдруг коварно улыбнулась Алиса, бросив взгляд чуть в сторону, — а за нами так пристально наблюдают!

— Я видел, — спокойно отреагировал Марк на пару зевак, что стояли возле амбара, почти не заметные в тени здания.

— Давай поиграем, — поиграла бровями Алиса, миг загоревшимися глазами глядя на него.

— Тебе не надоело? — вздохнул Марк.

— Да ладно тебе! Давай развлечемся, нервы пощекочем!

— Ты каждый день мне их не то, что щекочешь — треплешь, — проворчал мужчина, хмуро глядя на нее.

— Да брось! Ну давай! Меня так тянет на провокацию!

— Ты не ты без провокации.

— Ну пожалуйста, — умоляюще протянула Алиса, молитвенно сложив ладошки и глядя на него круглыми глазами, перед которыми так сложно было устоять всем, и ему в том числе. — А я взамен пообещаю не доставать тебя...скажем...мм...три дня! — воодушевленно предложила девушка. — Молчу и покоряюсь каждому твоему слову, не извлю, не грублю — превращаюсь в пай-девочку!

— Я ведь просил не развлекаться за мой счет, — напомнил мужчина.

— Слушай, ты совсем скиснешь, если не научишься получать от происходящего хоть каплю удовольствия, — проворчала Алиса. — Ну давай же! Забей на все и просто получи наслаждение!

Велик соблазн, что уж говорить, особенно перед Алисой, которая умела уговаривать, умела соблазнять на настоящие безумства.

— Неделя твоей покорности, — прищурился хитро Марк, глядя на нее с вызовом.

— Да я с ума сойду за неделю! — возмутилась девочка. — Четыре дня!

— Шесть.

— Пять.

— Годится, — хмыкнул мужчина. — И что же ты хочешь? — снова вздохнул мужчина, уже сожалея, что позволил себя уговорить: в ее же голову ничего путного не придет, очередная дикая затея.

— Просто подыграй, — улыбнулась девушка, перекидывая ноги в одну сторону и протягивая к нему руки, чтобы он помог ей спуститься с лошади.

Марк легко подхватил ее за талию и опустил на землю, а Алиса прижалась к нему близко-близко, буквально повиснув на его руках. Со стороны казалось, что они обнимают друг друга, плюс ко всему девушка даже не подумала отдвинуться или отступить на шаг — наоборот, прижалась к нему еще плотнее.

— Прямо вижу, как сейчас округлятся их глаза, — хихикнула девушка, весело глядя на Марка, который закрывал ее своим телом от чужих взглядов.

— Ты невозможна, — прошептал Марк, но обвинил в ответ ее талию своими руками, чуть разворачивая их боком, чтобы обзор было лучше для тех, кто сейчас испепелял их своими любопытными глазами.

А потом он вдруг склонился к ней совсем близко, вновь прищурил глаза и хищно усмехнувшись:

— Играть так по-крупному?

Алиса даже растеряться или удивиться не успела, а он уже прижался к ее губам, раскрывая их своим и сразу делая поцелуй глубоким и страстным. Девушка лишь прикрыла глаза, поддаваясь ему, отвечая на ласку, обвивая руками за шею, и совершенно забывая о том, что на них смотрят и что все это лишь игра. Она умела наслаждаться каждым моментом своей жизни, даже игрой, и сейчас вполне по-настоящему наслаждалась этим неожиданным, но поразительно приятным поцелуем, умелым, горячим и властным. И думать забыла о тех, кто сейчас шокировано смотрел на них.

А сам Марк... черт его знает, что дернуло в тот момент поступить именно так: то, что загорелась азартом Алиса, и это передалось ему, или он просто окончательно сошел с ума от этой девчонки. Видимо безумие заразно. А иначе что еще могло толкнуть его, всегда рационального, серьезного, принципиального и бескомпромиссного поддаться на уговоры этой девушки? Это был какой-то глупый толчок изнутри, который и заставил его поцеловать Алису. А сделав первый шаг, уже трудно было остановиться — раз уж он начал, нужно довести игру до конца.

Целуя Алису, Марк уже предвкушал, что на него польется, как только девушка заговорит. Она ведь не оставит это просто так, а это новая волна поддевок, новые приколы, новые заскоки. И на что он только подписался! Оставалось лишь надеяться, что пять дней молчания и покорности этой малышки дадут ему время передохнуть и придумать, как отвязаться от стебов Алисы.

Губы были сладкими и мягкими, девушка отвечала отчаянно и так же жадно. Лынула к нему всем телом, вплетя тонкие пальцы в его волосы, и даже простонала под конец, прежде чем он отпустил ее губы.

— Пять дней моего спокойствия начинают свой отчет, — хмыкнул Марк, отпуская девушку и со смехом глядя на ее недовольное лицо с поджатыми надутыми губами — ох и нелегко же ей придется!

Чего и следовало ожидать — на следующий день вся школы бурлила на тему того, что видели ученики на конюшне. И истина обросла такими подробностями, что Марку даже стыдно стало за самого себя — поймел девочку буквально на глазах у всей школы — именно так выглядело все к концу дня.

Свое обещание Алиса выполнила и уже второй день вела себя тише воды ниже травы. Марку даже стало не хватать ее острот, шуток и просто веселого смеха. По ней самой было видно, что ей тяжело вести себя вот так — заставляя свою сущность подчиняться разуму. Но она терпела, сдерживалась. Было пару раз, что готова была раскрыть рот и что-то ляпнуть, но под насмешливым взглядом Марка, который выражал все его превосходство, тут же сникала и затыкала себя, не желая поддаваться ему. Зато на всех прочих Алиса срывалась, как только могла. Слухи достигли таких масштабов, на которые она никогда не рассчитывала, и даже пришлось признать, что они с Марком переборщили. Его она не винила, пусть именно он ее и поцеловал, но ведь сама же все затеяла. И вследствие этого приходилось рычать и огрызаться на каждого, кто смел ее оскорблять, задевать и тому подобное. Она, конечно же, быстро смогла повернуть все в свою сторону, но прежде немало гадостей наслушалась. Но это ее мало волновало, и в основном было все же весело.

Но даже это веселье приелось через пару дней, и девушка снова заскучала. Ей было дико сидеть на одном месте, заниматься изо дня в день одним и тем же по расписанию и графику. Это было не ее стихия. Ей нужно было двигаться, шевелиться, что-то делать, творить и вытворять. А потому к концу второго месяца она уже выла от безысходности. Еще и эти пять дней покорности пришлось на это время, отчего Алиса совсем пала духом.

— В чем дело? Неужели упорядоченность и ровность бытия так на тебя давят? — хмыкнул Марк на третий день ее выполнения своего слова.

— Можешь не верить, но именно так, — вяло ответила Алиса, тут же уходя, поскольку их занятие закончилось.

Марк нахмурился ей вслед, но не стал останавливать и что-то уточнять. На его глазах девушка с каждым днем становилась все грустней и тоскливей. Даже когда закончился срок ее обещания, мало что изменилось. Мужчина понимал, в чем дело, и даже выстроил в голове пару идей на счет того, как привести Алису в норму. Ведь ее эмоциональное состояние было также важно, как умственное и физическое. Как она выполнит свое задание, задачу, когда выйдет из школы, если от основы этого самого задания не останется и следа? Даже в этом Алиса в очередной раз показал свою странность. Марк ловил себя на мысли, что и у него подобное бывает весьма часто. Но на фоне его нрава, характера, манеры поведения не так сильно в глаза бросалась его депрессия. А яркая, взбалмошная и интригующая Алиса сразу же приобретала дикий для нее вид — слишком сильным был контраст: насколько яркой она была по жизни, настолько глухой и тупой была ее депрессия.

Но что-то предпринять Марк просто не успел: придя вечером после занятий к себе в комнату, он застал там Алису.

— Как ты вошла? — удивился Марк первым делом, увидев в своей комнате девушку.

— Андрей научил обращаться с электронными замками, — вяло ответила Алиса, кисло глядя в окно, за которым шел дождь.

— И ты решила проверить свои успехи на моей комнате?

— Почему нет? — аморфно пожала плечами девочка, поднося к губам бокал, что держала в руке, и только поэтому Марк уловил, что она уже пьяна.

— Ты пришла ко мне за выпивкой? — догадался о цели ее визита мужчина.

Он не стал выставлять Алису за дверь, решив поговорить сейчас, раз выдался такой момент, и она сама пришла к нему.

— Больше нигде, кроме как у вас, не достать, — скривилась девушка.

— Есть повод?

— Ага, — делая еще один глоток, кивнула Алиса. — Паршивая жизнь.

— Еще недавно ты всем была довольна.

— Не обращай внимания — на меня иногда наказывает, сразу сильно и жестко. Скоро пройдет.

— Как скоро?

— Я тебе уже надоела? — хмыкнула Алиса, только сейчас посмотрев на него.

— Мне не нравится твое состояние.

— Я продолжаю заниматься, делаю успехи — все как обычно.

— Не как обычно. Это не ты. Не настоящая ты.

— О, ну давай пофилософствуем, — насмешливо и пьяно протянула девушка, поднимаясь с кресла и тут же пошатываясь.

Она едва стояла на ногах, и именно это показало степень ее опьянения.

— Сколько ты уже выпила? — поддерживая ее и не давая упасть, вздохнул Марк, усаживая ее обратно в кресло.

— Не знаю, — махнула в сторону его бара девушка.

Мужчина бросил туда взгляд, оценивая остатки алкоголя и делая выводы.

— Немало, — поджал он губы, неодобрительно глядя на студентку.

— Давай ты отчитаешь меня завтра, — протянула Алиса, допивая одним махом то, что было в ее стакане.

— Тебе нужно отдохнуть и выспаться.

— Мне нужно повеселиться и развеяться, — шало улыбнулась Алиса, но неестественно, не так, как улыбалась всегда, лишь показывая видимость радости.

— И как обычно ты это делаешь?

— О, лучше тебя не знать, — хмыкнула девочка.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Марк себе под нос. — И все же?

— Я играю. Сутками напролет не выпускаю из рук карты. Это моя слабость, моя зависимость, любовь и наркотик.

— Так тебе этого не хватает? Карт?!

— В том числе, но не так узко. Мне нужен адреналин, азарт, настрой, какое-то безумство. А здесь, в этой гребаной школе, я лишена всего совершенно.

— Еще совсем недавно ты неплохо справлялась.

— Это были жалкие попытки. Мелочи, которых слишком мало, — тихо произнесла девушка. — Я не привыкла так жить — под замком, под запретом, по графику. Меня ломает все это. Мне нужна свобода. Но что бы я ни делала — ничего не помогает. И ведь не только в

школе дело. Я ведь выйду отсюда, а все равно не буду жить так, как люблю, как привыкла, как хочу. Буду делать, что велят, жить, как говорят другие, делать, что прикажут. Я не умею так. Не смогу.

Походило на пьяный бред, но в глазах девушки Марк видел подтверждение каждому слову — она действительно не сможет. И ее уже начало ломать. Будь сейчас перед ним кто-то другой, и это только порадовало бы Марка. Но Алиса была особым случаем. Мало того, что от нее не требовалось подобного — сломать себя и выстроить новую личность, так еще и наоборот — нужно было поддержать свою индивидуальность, развить. Но она не могла в таких условиях — по принуждению, под наблюдением. И все равно, что Марк создал ей прекрасные условия, у нее была определенная свобода, которой были лишены остальные, всего этого было ничтожно мало. И сейчас все его идеи, как поднять Алисе настроение уже оказались не тем, что ей нужно. И он даже растерялся, поскольку не знал, что предложить этой девушке, что даст ей стимул, поднимет настроение. Она была сложной личностью со всех сторон, и сегодня Марк увидел еще одну. Сколько их еще будет? С чем ему придется столкнуться в следующий раз в общении с этим человеком? В который раз он убеждался, что еще не встречал таких, как она.

— Чего ты хочешь? — прямо спросил Марк у Алисы.

— Ты не сможешь мне этого дать, — усмехнулась горько девушка, глядя на него снизу вверх, сидя в кресле. — Да и я сама, наверно, не знаю, что мне нужно. Но сию минуту я хочу еще выпить, — и она протянула ему пустой стакан, так по-смешному скорчив рожицу, мол «холоп-подай-царю-вина».

— Тебе уже хватит, — покачал головой Марк, забирая у нее стакан и возвращая его в бар, который закрыл перед носом Алисы.

— Зануда, — ткнула его в плечо кулачком девочка и сама же покачнулась.

Марк едва успел ее подхватить, чтобы она не упала, запутавшись в ногах.

— Алкашка, — пробурчал мужчина.

— Можно подумать ты никогда не напивался до такого состояния, — пробурчала Алиса, кладя голову ему на плечо и вообще с удобством устаиваясь на его руках.

— Я мужчина.

— Бабы тоже бухают. Но в этом у вас все же есть перед нами преимущество, — вещала Алиса, уже с закрытыми глазами и заплетающимся языком.

— Какое же? — хмыкнул Марк, укладывая ее на свою кровать.

— С нами в этот момент можно делать все, что хочешь. Вот я сейчас ни хрена не понимаю, а утром даже наш разговор не вспомню. Поэтому — давай, пользуйся удобным моментом.

— И как именно я, по-твоему, должен им воспользоваться? — стягивая с нее обувь, поинтересовался Марк.

— Отшлепай меня, — засмеялась Алиса. — У тебя явно руки чесались все это время меня повоспитывать.

— Есть такое, — хмыкнул мужчина. — Какие еще варианты?

— Придуши по-тихому. Ведь, признайся, эта мысль посещает тебя каждый день.

— И не один раз, — кивнул он, расстегивая на ней джинсы и стягивая их со стройных ног.

— Вооот, — протянула Алиса, подняв вверх указательный палец.

На ее лице снова была улыбка, но всего лишь пьяная, глаза сверкали, но опять-таки

просто от алкоголя.

— Или отгарахай, — похабно выдала Алиса, вдруг приподнявшись на локтях и оказываясь очень близко к его лицу, когда он начал стягивать с нее кофту. — Ведь и этого тоже хотелось, — выдохнула она в губы мужчины, растягивая свои в соблазнительной ухмылке. — Ну же, признайся, — протянула девушка, сжимая в кулаке его рубашку и притягивая его еще ближе.

— Я не сплю со студентками, — спокойно ответил Марк, глядя ей в глаза, которые были очень близко, почти непозволительно близко.

— Ага. Слышала что-то такое. Но ведь все уже давно думают, что мы любовники, так какая разница?

— Ты предлагаешь мне себя? — хмыкнул Марк.

— Говорю же — я завтра ничего не вспомню, так что не считается. Давай, действуй, — хмыкнула Алиса, падая на спину и самостоятельно избавляясь от футболки, оставаясь перед ним лишь в белье.

Что ж, выглядела она весьма соблазнительно. Фиолетовые волосы разметались по подушке, и цвет уже не казался диким — Марк привык. Татуировки на груди и руках были, можно сказать, изюминкой. Прекрасное тело со всеми нужными формами и изгибами. А некоторое знание об этой малышке подсказывало, что в постели она тоже без комплексов, как и в жизни в целом, что будет отдаваться целиком и полностью.

Марк поймал себя на этом размышлении и тут же одернул. Что за мысли?! Он не спит со студентами! Это его правило, которого он строго придерживался! И что вдруг изменилось, что он задумался о его нарушении? Алиса не была красивей той же Леси, что вот так же однажды предлагала ему себя, только откровенней и наглей. И все же, именно эта девочка заинтересовала его больше чем кто-либо еще в этой школе. Она не была сексуальней, чем те, кто не единожды намекал ему на близость без обязательств, просто провести хорошо время вместе. И все же только сейчас, глядя именно на Алису, Марк допустил подобный полет мыслей. Что бы это значило!!?

— Ох, что ж ты такой правильный, — вздохнула Алиса, когда Марк не сделал ничего из того, что она ему предлагала, давая карт-бланш. — Зануда.

И она отвернулась от него, закутываясь в покрывало и, кажется, вырубаясь в ту же секунду. Он же только вздохнул, качая головой. И что же ему так отчаянно везет на женщин? Ева со своими странностями. Леся с маниакальным желанием и влюбленностью к нему. Теперь Алиса, с ее намеками, поддевками и шутками. Он прямо-таки магнит для нестандартных девушек!

Марк лучше укутал Алису и ушел в ванную. А вернувшись и не пожелав уютиться на диване, лег в свою постель рядом с неожиданной гостьей, засыпая так же быстро, как недавно сама девушка.

Марк проснулся незадолго до рассвета — привычка высыпаться всего за несколько часов давала определенное преимущество и сейчас. В комнате уже было почти светло, что не мешало мужчине рассматривать лежащую под боком Алису. Девушка сжалась в комочек, подтянув к груди колени и обхватывая их руками, и дрожала от холода — покрывало сбилось у ее ног, и, судя по тому, как сильно вздрагивала девочка — уже давно. Марк привстал и потянулся вниз, чтобы укрыть Алису, но ненароком прижался к ней боком, а замерзшая малышка, тут же уловив источник тепла, приникла к нему всем телом, оплетая его руками и ногами, утыкаясь носом ему в плечо. Мужчина застыл на минуту, недоуменно растерявшись и не зная, что делать. Будить не хотелось, поэтому он накрыл их обоих одеялом и не стал выпутываться из плена рук-ног девушки, обвив ее рукой за талию. Хмыкнул своей заботе о ней, которая уже давно стала привычной и перестала удивлять не только окружающих, но и его самого, хотя поначалу трудно было привыкнуть, что Алиса так влияет на него: пусть и не стал он мягкотелым, с ней его рамки отношений со студентами стали весьма символическими. Он так и не понял до конца, в чем причина такого его особенного отношения к этой девочке. Она за пару месяцев смогла сделать то, что не смогла его группа, с которой он был весьма близок, за почти два года — стать для него особенной. Наверно, все дело было в том, что она просто такой человек — трудно сопротивляться ее обаянию. Или же дело в том, что он изначально воспринимал ее иначе, а потому и отношение к ней было иное. Но сейчас Марк почему-то задумался о том, как бы это снова не вылилось ему боком, как вышло однажды с Лесей. Он дал своей ученице послабление, и в один момент она посчитала это за проявление симпатии, особого отношения, а это толкнуло ее юную душу к возвышенным чувствам влюбленности, и это притом, что Марк всегда резко и категорично учил их обратному. Но Алиса была другой. Эта девушка не влюбится. Она скорее влюбит в себя и будет этим пользоваться. И пусть Марк не замечал пока за ней подобных шагов в свою сторону, стоило подумать о том, как избежать этого уже сейчас, на тот случай, если она пожелает поиграть с ним по-крупному. Пока все ее слова и действия были лишь развлечением, забавой. Но удовлетвориться ли она этим? Особенно в свете того, в каком состоянии она сейчас находится, когда ей до сумасшествия не хватает сумасбродства в ее существовании? Сейчас, когда она на грани, и просто не знает, что делать со своим желанием получить выброс адреналина и риска?

И все бы ничего, сумей он обрубить подобное. Но больше у него не хватит на это моральных сил, как было в случае с Лесей. Да и не станет он делать таких резких и грубых шагов в сторону Алисы. Он честно сказал Лесе, что не сделает того, что сделал с ней, с новой ученицей. Когда он шел на этот шаг со своей бывшей подопечной, он знал, что будет два варианта того, как все сложится, и в какой-то мере имел право рассчитывать, что все выйдет так, как нужно было ему. Так и получилось. Его предположение оправдало себя. Но в случае с Алисой, подобная манера поведения, подобная резкость и безжалостность, сделают обратное тому, чего он должен добиться в обучении этой девочки. Прежде здесь всех гребли

под одну гребенку, был единый стандарт в обучении. Но сейчас была иная ситуация. А все вокруг видели в этом лишь изменения в нем самом, тогда как не в этом было дело. Он не изменился, не поменялся, не размяк. Просто Алиса требовала другого подхода. А для всех вокруг это было дикостью, проявлением слабости. Той же Лесе показалось, что дело в Марке, что он просто предпочел ей другую, забыв о своих принципах. Да даже Ева видела все в ином свете! Марк не хотел каждому доказывать и объяснять, в чем дело. Он ни перед кем не отчитывается и никому ничего не должен — ни своей группе, ни своей любовнице.

За своими размышлениями Марк не заметил, как прошло время — окончательно расцвело, за дверью в коридор слышались шаги и гул разговоров преподавателей, которые готовились к новому дню. У него самого первый урок был лишь через несколько часов, поэтому он предпочел проигнорировать привычное время подъема, и остаться в постели, где Алиса прижималась к нему всем телом и сладко сопела ему в плечо, согреваясь в его руках. Марк не помнил, чтобы кто-то в его жизни хоть когда-то вызывал бы в душе такую бурю символического тепла. И ведь были рядом с ним разные люди, женщины в том числе — и красивые, и добрые, и обаятельные, и умеющие завлечь. А никто так и не добился от него подобного, вот такой мелочи — нежелания тревожить безмятежный сон. Казалось бы — пустяк, ерунда, но не для него, человека, который мало кого одаривал своим вниманием, дружбой и особым расположением. Таких людей были единицы, и в основном это его друзья, среди которых не было ни одной женщины. Он мог заботиться о своем отряде, своих бойцах, мог учитывать нужды близких друзей, и только. А сейчас вдруг резко понял, что Алиса получает все нерастроченное им тепло без всякого контроля с его стороны. Он просто не может противостоять самому себе, своему желанию дарить это самое тепло. Марку даже подумалось, что никогда раньше он не испытывал в этом такую необходимость, не было у него в душе умиротворения и спокойствия, чтобы делиться всем этим. Может, дело было в том, что Алиса источник всего этого? Может, она просто способна пробуждать в людях все это? Ведь недаром к ней так тянутся, не просто так она привязывает к себе людей лишь парой слов и улыбок? И самое ужасное — Марк не хотел этого менять. Знал, что должен, что это необходимо, но почему-то не находил сил. Возможно лишь потому, что пока он контролировал ситуацию, все было в его руках. Он был весьма внимательным в этом плане, и если возникнет необходимость прекратить все это, он это сделает. Но пока предпочитал расслабиться. Ох, что бы сказала Ева, с ее вечным холодом в отношении всех вокруг, с категоричным нежеланием проявить хоть каплю заботы? Она бы смотрела на него как на умалишенного. Но с Алисой Марк готов был быть таким в глазах любовницы.

Мужчина хмыкнул своим размышлениям, чуть улыбаясь, бросая косой взгляд на фиолетовую макушку у себя на груди. Пальцы руки, что продолжала обнимать девушку, периодически поглаживали стройную талию под тканью покрывала, отчего Алиса ерзала и морщила носик, недовольно сопя. В этой девочке было столько противоречивости, и Марк давно запутался, когда она была природной, а когда наигранной, но и перестал думать об этом, просто приняв девочку такой, какой она была со всеми ее тараканами и заскоками. И даже начал тревожиться, когда совсем недавно увидел, как угас огонек ее задора, как утихли вечно скачущие черти в глазах, как улыбка предвкушения сменилась на наигранную «лиши-бы-отстали».

Все идеи, как вернуть Алисе ее привычное состояние не казались способными принести пользу после вчерашних слов девочки. Она сама не знала, что ей нужно, а он может лишь слепо пытаться что-то предпринять, не рассчитывая на какой-то результат. Но что-то же

ведь нужно было делать? Как внести с такую скучную сейчас жизнь Алисы каплю того азарта, что ей не хватает? Что он может дать ей или как заменить ее потребности? Трудно было что-то предполагать для такого человека, как она — с ее вечными сменами развлечений трудно было чем-то удивить. И вроде держалась она первое время, да так хорошо, что ему самому стало откровением то, что Алиса сказала вчера вечером — это были лишь ее попытки обмануть саму себя. И даже они с треском провалились. Так что же он мог дать ей, чтобы вернуть ее задор, который был самой ее сутью? Марку в голову приходила лишь одна идея — заставить Алису чего-то захотеть, возжелать, дать ей какую-то цель. Подобное однажды он провернул с Костей, когда увидел, что тот на стены лезет от безделья и невозможности пристроить куда-нибудь свои чешущиеся руки. В этом плане парень был похож на его новую ученицу. Свести их поближе, и будет дикая смесь — они на пару разгромят всю школу, все ее порядки, устои и правила. Пожалуй, настолько Марк не готов был рисковать. Но что конкретно придумать, чтобы девушка обрела свое прежнее настроение, которое просто необходимо для ее работы, и которое он должен подпитывать и развивать?

Алиса сонно заворочалась, а черед пару мгновений раскрыла глаза, хмуро глядя на лицо Марка перед своим носом.

— Доброе утро, — хмыкнул мужчина, насмешливо глядя, как морщится и болезненно прикрывает глаза девушка, мучимая дичайшим похмельем.

— Издеваешься? — протянулась хрипло Алиса, сползая с него и зарываясь с головой под покрывало и подушку в желании унять барабаны, что были марш у нее в голове. — Ты почему меня вчера не остановил?

— Я виноват?! — усмехнулся Марк. — Если ты помнишь, я пришел уже после того, как ты набралась.

— Не помню, — простонала под подушкой Алиса, не показывая носа. — Ничего вообще не помню, кроме того, что у тебя отличный виски.

— Я почти разочарован, — протянул загадочно Марк, желая проучить юную алкоголичку.

Алиса тут же приподняла край подушки, подозрительно прищурившись, глядя на него.

— Что я вчера натворила? — словно боясь услышать ответ, проворчала она.

— Сама как думаешь?

— В пьяном угаре я способна на все, — кисло выдала девочка, снова пряча лицо под подушкой. — Так что я даже не удивлюсь, если мы переспали.

— Об этом тебе должно сказать твое тело, — хмыкнул Марк.

Алиса словно последовала его совету и заерзала, проверяя свой организм на тему того, что с ним могло происходить.

— У меня слишком болит голова, чтобы я могла чувствовать что-то еще, — донесся до мужчины глухой голос девушки.

— Что для тебя хуже — обнажить тело или душу? — задал провокационный вопрос Марк.

Алиса снова высунула нос, хмуро глядя на него.

— Лучше бы переспали.

Марк только хмыкнул.

— Не бойся, твои детские страхи остались при тебе. Ты вовремя вырубилась, чтобы не наговорить так уж много.

— Но ведь достаточно, чтоб выдать тебе в руки все карты?

— Возможно, — загадочно протянул мужчина, с насмешкой глядя на недовольную подопечную.

Ему тоже стало нравиться играть с Алисой, почти так же, как ей нравилось делать это с ним — на грани провокации и флирта. Это, оказывается, помогало держать девушку в тонусе и не давать ей расслабляться: вон как напряжена и даже чуть рассержена.

— При случае тебя даже пытаться не обязательно — достаточно напоить, — заметил Марк, со смешком сделав подобный вывод.

— Не такая уж я балаболка. Даже пьяная знаю грань, — заворчала Алиса, с упреком глядя на него из-под уголка подушки.

— Я не заметил. Вчера ты перешла все границы, что прежде были при тебе.

— Все-таки переспали?

— Нет. Но ты вполне прямо предлагала себя, — протянул Марк, со смехом глядя, как страдальчески Алиса закатывает глаза.

— Докатилась! Не поверишь, но раньше до подобного не доходило, — кисло и с недовольством на саму себя промямлила девочка.

— Да? А вчера ты была весьма уверена в себе.

— Уверенность в себе и шлюховатость разные вещи. Если хочешь знать, я еще девственница, — и, сделав это заявление, Алиса снова спряталась.

Марк даже опешил от подобного заявления.

— Что?! Какого черта?! — он даже сел прямо, пораженно глядя на девушку, что зарылась в самые недра его постели. — Ты почему раньше не сказала?!

— А какая разница? — буркнула, не вылезая, Алиса. — Можно подумать моя невинность что-то значит и чего-то стоит.

Марк был сбит с толку — и это мягко сказано. Вот как так?! Главной задачей этой девушки было соблазнить объект, когда дело дойдет до ее задания. И как предполагается сделать это, если она — оказывается! — попросту не знает, как это? Теория одно, но в ее случае, этого будет недостаточно! Там, в реальности, за стенами школы, ее игры не пройдут. Никто не купится на ее шутки, смех, игру глазками, там все иначе — по-настоящему. И ведь Марку даже в голову не могло прийти, что в этом плане Алиса настолько неопытна. Он думал совершенно иначе — ее манеры, ее поведение, речи, слова — все выдавало опыт, причем весьма неоднозначный! И тут подобное! Вот кто бы мог подумать, что на самом деле все вот так?!

Марк рассеянно провел рукой по лицу, окончательно опешив и лихорадочно думая, как теперь исправлять ситуацию и как вообще действовать. Он никогда прежде не поднимал эту тему, и с психологом до этого еще ни разу не доходило — опять-таки предполагалась, что этому Алису учить нет необходимости! Чуть дальше поднялась бы тема того, как именно девушке стоит вести себя именно с ее объектом — с учетом его вкусов в женщинах, приоритете при выборе партнерш. Но и только требовалось бы подправить манеру ее поведения, возможно от чего-то отказаться и что-то добавить. А сейчас получалось, что нужно было полноценно решать этот вопрос!

— Забей, — раздалось снова из-под одеяла. — Забудь вообще об этом факторе. Какая разница? И потом, кажется, мужикам льстит, когда они первые у девушек. Вот и в моем задании это будет скорее плюс.

— Очень сомневаюсь. Ты ведь знаешь свой объект, у тебя есть его характеристика, ты

должна была понимать, что тебе потребуются определенные навыки и опыт, чтобы выделиться в толпе тех, кто желает оказаться в его постели.

— Не постель решающий фактор моего задания, а покерный стол, — недовольно посмотрела на преподавателя Алиса, выбираясь, наконец, из своей норы, и садясь ровно. — Секс лишь вариант возможного развития событий.

— Ты когда такой наивной стать успела? — прищурившись, протянул Марк. — При взгляде на тебя, при общении с тобой, у мужчин не будет возникать невинных мыслей. Секс — само собой разумеющееся.

— Но ты ведь не думаешь об этом! Так с чего все решили, что мой объект — озабоченный нимфоман?! — возмутилась Алиса.

— Кто сказал, что я не думаю?! — прошипел Марк, приблизившись к ее лицу и гневно глядя в ее ошарашенные глаза. — На тебя алкоголь отупляющее действует или паршивое настроение? — уже рычал мужчина. — Так будь добра собраться и сконцентрироваться!

— Я собрана! — рыкнула в ответ Алиса, тоже разозлившись. — Просто я имею все шансы не лечь того, под кого меня с таким упорством пытаются подложить! И буду избегать этого столько, сколько смогу. Я не раздвину ноги по вашему приказу. Да, я прекрасно понимаю, что и до этого может дойти дело. Прекрасно! Но это не значит, что я безропотно сделаю это, как только представится первый же случай. У меня есть другие достоинства, и именно они определили то, что я попала в эту ситуацию, в эту гребаную школу!

— И ты, и я обязаны учитывать все варианты. И этот — далеко не последний, — рявкнул Марк, сверля глазами недовольную нахохлившуюся девочку.

— Ну так трахни меня, раз моя девственность такая большая преграда! Давай, избавь и меня, и себя от глупых разговоров! Раздул из мухи слона.

Алиса бросила на Марка недовольный взгляд и отвернулась, спускаясь с кровати направляясь в ванную комнату, дверь которой стукнула со всей злостью и гневом, что бурлили в ней.

Мужчина проводил ее хмурым взглядом, не став продолжать спор. Ему еще нужно было осмыслить данный факт и подумать, что и как делать дальше. Алисе лишь казалось, что все так просто и легко. На деле же, ее невинность тоже представляла собой преграду, преодолеть которую девушке еще нужно будет набраться сил. Она сколько угодно может бахвалиться своей раскрепощенностью, наглостью, дерзостью, но когда дойдет до дела, все может обернуться иначе. Да, Алиса не была наивной, невинной не в физическом смысле этого слова, но какой девушке неважно, как расстаться с тем, чем ее наградила природа от рождения — чистотой? В мире, в котором они оба находились, это было размытое, пространное понятие, которому здесь давно никто не придавал значения, которое наоборот старались как можно быстрее и грубее запятнать, потому что это тоже была своего рода слабость. И все в Алисе было хорошо, кроме вдруг открывшейся этой слабости. Это многое меняло, и Марк понимал это. А вот Алиса нет. Пусть она и не придавала этому факту должного значения, но не напрасно же не распространялась об этом, а даже наоборот — прилагала все усилия, чтобы доказать обратное. А с другой стороны могло оказаться так, что для этой девочки данный факт действительно не имел значения, и не так важно ей было думать о том, с каким мужчиной провести первую в своей жизни ночь. Некоторые в этой школе очень позавидовали бы подобному — восемьдесят процентов здешних девушек давно расстались со своей невинностью, и половина от этого не совсем добровольно и в полагающихся обстоятельствах и подходящих условиях. Ведь кем были те, кто находился

здесь? Отбросы с улиц, которые никогда не ценили и не дорожили своей чистотой; дети из приютов и неблагополучных семей, где насилие в порядке вещей; проститутки, которые давно потеряли счет своим любовникам. И среди этой разномастной толпы была Алиса, которая ни в грош не ставила сей факт.

Марк не знал, почему его вдруг так задел и взволновал данный вопрос. Он никогда не был ценителем подобного, никогда даже просто не думал о таких вещах — не было надобности и причин. И почему в таком случае эта тема так огорошила его сейчас? Могло показаться, что его это волнует гораздо больше, чем саму девушку. Но с каких пор его трогает моральный облик его студентов? Здесь в порядке вещей были разовые связи, никто не берег «честь» местных красавиц, никому не было до этого дела.

Мужчина хмуро поднялся с постели и оделся, все еще думая об этом. В голове не было четких мыслей — так, разрозненные и плавающие мыслишки, что раздражало еще больше. Но вообще Марк решил не лезть в это и замять тему. Уж такая, как Алиса, явно не растеряется в подходящий момент и не станет ломаться, вдруг решив, что достойна большой и светлой, в романтической обстановке и с лепестками роз на постели. Поэтому когда девушка вышла из ванной, он не сказал ни слова, не вернулся к теме и вообще сделал вид, что ничего не изменилось от того, что всплыл такой неловкий факт. Сама Алиса сделала такой же вид, молча пройдя к своим вещам и бесстыдно сбрасывая с обнаженного тела полотенце, чтобы одеться. Марк только глаза закатил, узнавая прежнюю заикленность девушки на его доставании и провокациях.

— Что? — вскинула бровь девочка, стоя к нему спиной и вопросительно повернув в его сторону голову.

— А всего-то и нужно было выпить, — покачал головой Марк, насмешливо глядя на него.

— Мое настроение все такое же паршивое.

— А твое поведение — уже рефлекс?

— Вроде того, — хмыкнула Алиса, натягивая футболку и окончательно скрывая от его спокойного взгляда свою наготу. — Слушай, ты сходил бы к врачу.

— В смысле? — не понял Марк.

— Ну ты стоишь, смотришь на меня голую, — начала рассуждать девушка, — а там, — она кинула смеющийся взгляд на его ширинку, — хоть бы что-то шевельнулось.

— Я контролирую свое тело на все сто процентов.

— Так не бывает, — усмехнулась Алиса. — Нельзя по щелчку пальцев завестись или сдержаться.

— Тебе-то откуда знать? — намекая на недавнюю тему их разговора, хмыкнул мужчина.

— Я девственница, но не монашка. Я в курсе, что такое петтинг, минет и прочее, — насмешливо протянула девочка.

— Этого не достаточно, чтобы познать свое и мужское тело.

— Ты научишь? — поиграла бровями Алиса, подходя к нему вплотную и проводя ладонью по его голой груди вниз к плоскому животу.

Ее глаза сверкали, а губка была прикушена, она вся так и источала искушение и соблазн.

— Трахаться? — уточнил Марк.

— Да почему нет? — пожал плечам Алиса, разглядывая все его тело в подробностях и не спеша, словно изучая и запоминая.

— Я не сплю...

— ...со своими студентками, — закончила за него девушка, закатив глаза. — Но можно ведь и без секса. Вот давай, преподай мне урок практики! — воодушевленно хлопнула в ладоши Алиса.

— Этим с тобой займется психолог.

— Эта мымра старая? — воскликнула девочка, скривив нос. — Не смейся! Она занималась сексом так же давно, как это делали мои родители, зачиная меня! — фыркнула она. — И потом, мне же нужно практиковать на ком-то свои навыки.

— Я неподходящий «кролик». Как я уже сказал, свое тело я умею контролировать как ничто другое. Ты просто не поймешь, заведен я или нет, действуют твои штучки или нет.

— Тем интересней мне будет, — не собиралась сдаваться Алиса, хитро глядя на него. — Должен же быть предел и у тебя!

— Нет.

— Но почему?! — протянула девушка. — Не съем я тебя! Или ты действительно боишься, что поддашься мне? — прищурилась она.

— Я перестал вестись на «слабо» в десять лет, — невозмутимо ответил Марк, не собираясь поддаваться на очередную провокацию Алисы.

И пусть ему нравилось, что эта тема немного оживила девушку, он очень сомневался, что выдержит и не придушит эту чертовку, если позволит ей на себе пробовать все приемы и способы соблазна, а ведь она выберет самые изощренные, лишь бы достать его как можно сильнее.

— Значит, за своим самоконтролем ты скрываешь истину? И какова она? Я привела тебя в пример равнодушия ко мне, но ты опровергнул мою фразу. Что это значит? — и не подумала отстать Алиса, цепляясь за его слова, произнесенные ранее. — Что ты не так спокоен, как кажется?

Снова хитрая усмешка на губах и пристальный взгляд в его глаза.

— Что тебе может казаться то, чего нет на самом деле. Мы ошибается, в ту или иную сторону, и сейчас ты приняла эту фразу за согласие со своей. Но в моих словах не было подтверждения.

— Слишком запутанно, чтобы я что-то поняла со своей больной головой, — скривилась Алиса, когда особо сильный спазм сжал ее мозг.

— И почему головная боль не мешает тебе трепать языком, но обязательно не дает думать, — проворчал мужчина, отходя от девушки и надевая на себя футболку, чтобы спрятать уже свое тело от ее изучающего взгляда.

И не то, что бы он смутил его, просто она смотрела на него как на лягушку на столе для вивисекции — он не представлял для нее иного интереса кроме, как изучить и испробовать на прочность его нервы всеми возможными способами.

— Возвращайся к себе, у тебя скоро занятие с «мымрой».

— Можно я сегодня прогуляю? — умоляюще простонала Алиса, все еще держась за голову. — Она же мне окончательно мозг взорвет.

— Меньше пить будешь, — безжалостно отказал Марк, открывая перед девушкой дверь и намекая, что ей пора.

И как назло в этот момент мимо его комнаты проходил Тимур. Друг понимающе хмыкнул, насмешливо посмотрев на закатившего глаза Марка, но промолчал. Алиса тоже лишь усмехнулась и все же вышла из его комнаты, послав напоследок воздушный поцелуй. Марк от души хлопнул дверью, бормоча сквозь зубы все проклятия, какие только помнил,

посылая их на фиолетовую макушку.

Азарта и задора Алисы от того утра хватило на пол дня, к вечеру она снова была кислой и мрачной. За ужином, сидящие рядом с ней друзья пытались развлечь ее, даже сплотились, не смотря на непримиримую вражду меж собой, сообща пытаясь вывести девушку из задумчивости и меланхолии. Но ничего не действовало на Алису — она рассеяно водила ложкой по тарелке, ничего не съев и не отвечая на вопросы и все попытки разговорить себя.

Марк наблюдал за ней издалека, размышляя, чем бы занять ученицу, но все, что приходило в голову не казалось достаточным. Но начать с чего-то стоило. Поэтому проходя мимо стола, за которым сидела его подопечная, он предпринял первый шаг:

— Жду тебя в тире через полчаса.

Алиса проводила его неизменившимся скучающим взглядом и лишь больше надула губы.

— Может, все-таки объяснишь, что с тобой? — вздохнув, спросил один из парней, сидевших от нее по обе стороны — Илья.

И кто бы мог подумать, что именно этот парень станет одним из тех, кто станет терпеть «отбросов» рядом с собой: по другую сторону от девушки сидел один из его представителей. Вражда этих двоих началась с первого дня знакомства, и не прекращалась ни на миг. Драки, споры, ссоры и крики сопровождали каждое столкновение Ильи и Максима. Их агрессия друг на друга была яростной, дикой и не заканчивающейся. Но стоило появиться Алисе и захотеть, чтобы оба были рядом, и вот они — сидят с двух сторон и даже терпят друг друга, пусть и бросая косые и недовольные взгляды на оппонента. Да даже сама Алиса, относящая отнюдь не к «элите» уже была феноменом. Но эта девушка всегда была исключением из правил...

— Скучно, — только и сказала Алиса на вопрос парня.

— Тебе? — скептически хмыкнул Максим. — Не смейся. Уж кто-кто, а ты всегда найдешь, чем себя занять.

— Угу, — снова только и буркнула девушка.

У нее не было желания что-то объяснять этим двоим, не было сил раскрывать свою душу и показывать свою уязвимость, как сделала это перед Марком в пьяном бреду. Поэтому она лишь что-то вяло отвечала и бормотала под нос на все вопросы друзей.

— Развейся, — посоветовал Максим, когда девушка поднялась из-за стола, чтобы пойти в тир. — Оружие в руке всегда дает возможность расслабиться и отвлечься.

Девушка лишь кивнула и вышла из столовой. А через десять минут была в подвале в тире, где ее ждал Марк.

— Умеешь стрелять? — спросил куратор, когда девушка подошла к нему, глядя на арсенал, что Марк разложил на столе.

— Не доводилось.

— Значит, начнем с азов. Десять минут на растяжку.

— Что? — непонимающе удивилась Алиса. — А какая связь?

— Визуально — никакой. Однако растяжка помогает укрепить мышцы и сделать тело более устойчивым, — пояснил мужчина.

Девушка кивнула и выполнила приказ куратора.

— Чтобы почувствовать работу оружия, приноровиться к прицелу ты начнешь с минимального расстояния до мишени в пятнадцать метров. Это ПМ — пистолет Макарова, — и Марк протянул девушке оружие. — Оптимальный вариант для тебя: оружие легкое, носить и держать на вытянутой руке удобно. Но перед выстрелом из ПМ нужно отвести довольно тугой предохранитель, и нажатие на спусковой крючок тоже требует сил. Ограничение налагается лишь на продолжительность скоростной стрельбы. Но это не входит в твою задачу. Минимума знаний и попадания в средние мишени будет достаточно.

Алиса слушала внимательно, кивая головой, и примерялась к оружию в руке.

— Объяснять всю систему выстрела я тебе не буду — это чистая механика. Полная сборка-разборка тебе тоже вряд ли пригодится. Ограничимся малым. Смотри.

Марк взял такой же, как у Алисы, пистолет и начал подробно все показывать и рассказывать, призывая ее тут же все выполнять вслед за собой.

— Извлекаем магазин. Удерживая пистолет за рукоятку правой рукой, большим пальцем левой отвести защелку магазина назад до отказа, одновременно оттягивая указательным пальцем левой руки выступающую часть крышки, извлечь магазин из основания рукояти.

— Получилось! — обрадовалась сверх меры Алиса, высунув кончик языка от усердия.

Марк лишь хмыкнул ее детской непосредственности.

— Дальше проверяем, нет ли в патроннике патрона. Для этого отключаем предохранитель, отводим левой рукой затвор в заднее положение, ставим его на затворную задвижку и осматриваем патронник. Нажатием большим пальцем правой руки на затворную задержку отпустить затвор. Теперь берем пистолет в правую руку за рукоятку, левой рукой оттягиваем спусковую скобу вниз и, перекосив ее влево, упираем в рамку так, чтобы она удерживалась в этом положении.левой рукой отвести затвор в крайнее заднее положение и, приподняв его задний конец, дать ему возможность продвинуться вперед под воздействием возвратной пружины...

Марк объяснял подробно, повторяя по несколько раз, делая все медленно и доходчиво. Вместе они разобрали оружие, после собрали. Потом Алиса все сделала несколько раз без подсказки, пока Марк не был удовлетворен ее успехами.

— Хорошо. Теперь становись, — Марк кивнул в сторону зоны для стрельбы, и девушка встала перед столом, на котором лежали дополнительные обоймы к ее пистолету.

— Пули боевые?

— Здесь все боевое. Никакой бутафории, поэтому будь осторожна, — ответил Марк на вопрос и предупредил студентку.

— За меня боишься или за себя? — хмыкнула девушка.

— За окружающих, поэтому мы здесь одни. Для всех новичком занятия по стрельбе проводятся индивидуально с каждым. Стрельбы из положения стоя будет достаточно.

Марк стал позади девушки, приблизившись к ней вплотную.

— Ноги на ширине плеч, — он раздвинул ее колени своими, заставляя принять нужную стойку. — Поворачиваешься налево, — он развернулся вместе с ней, своим телом показывая, как нужно двигаться. — Правая нога не передвигается, а левая перемещается назад для комфортного для тебя состояния. — Вытяни руку прямо к мишени. Попытайся немного

расслабить мышцы, — Марк легко провел ладонью по руке Алисы, которую она выставила вперед, сжимая оружие слишком напряженно и крепко, — но хорошо зафиксируй положение. Левая рука находится в свободном положении, за спиной удобней всего.

— Ты думаешь, когда мне выпадет шанс выстрелить, я буду следовать всем этим правилам? — фыркнула девушка, чуть обернувшись к стоявшему за спиной мужчине, который в точности повторял положение ее тела своим.

— Это основы. Под ситуацию ты будешь подстраиваться самостоятельно, но без базовых знаний ты просто наделаешь ошибок, навредив в первую очередь себе. Стреляй.

Алиса нажала на курок. Рука дернулась, а глаза закрылись от непривычного грохота.

— Обалдела?! — рыкнул Марк, заметив зажмуренные веки. — Думаешь, цель сама встанет перед тобой? Не смей закрывать глаза никогда! Ты смотришь прямо вперед, не моргая, задержав дыхание перед выстрелом и целиком и полностью сконцентрировавшись на мишени! Поняла?!

— Да, — буркнула Алиса, укоризненно глянув на рычащего учителя и показательно ковырнув в ухе, в которое он кричал. — Я просто не ожидала.

Марк только глаза на миг прикрыл.

— О, я попала! — вдруг заметила девушка, глядя на силуэт человека, что представляла собой мишень.

— Куда? В бумагу поверх плеча? О да, очень метко, — иронично протянул Марк.

— Ну не совсем же мимо, — проворчала Алиса. — Я вообще сегодня впервые держу в руке пистолет.

Они провели в тире два часа. Алиса не ожидала, что будет так тяжело попасть в мишень, не думала, что рука устанет так сильно, пусть оружие и было достаточно легким по сравнению с прочими. Не предполагала, что, чтобы стрелять, нужно учитывать много мелочей и слушать нудные лекции Марка. Под конец урока девочка была выжата как лимон, а запал и интерес первых минут быстро забылись.

— Я безнадежна?

— Нет, — покачал головой Марк, убирая оружие в сейф. — Просто нужна практика. Будем приходить сюда через день и тренироваться. У тебя все получится.

— Ого! — протянула девушка, заглянув в стальной шкаф, где лежало все оружие, что использовали на тренировках. — Так много! И ножи! Учить метать ты тоже меня будешь?! — глазки снова загорелись, что не скрылось от Марка.

— Ты хочешь?

— А можно попробовать?

— Не сегодня. Ты слишком устала.

— О да, хороший массаж мне бы не помешал, — выстонала Алиса, поведя напряженными плечами и вообще всем телом, которое гудело и непривычно ныло.

И все равно, что она пыталась расслабиться, все равно, что привыкла к ежедневным тренировкам, которые держали ее в тонусе — последние пару часов были выматывающими.

— Это я могу тебе устроить.

— Правда? — улыбнулась Марку девушка. — И ты всем оказываешь такие услуги после занятий?

— Да, ты не уникальна, если намек на это, — спокойно ответил Марк. — Моя задача поддерживать учеников в бодром состоянии, а не выматывать их тела до полубессознательного состояния.

— Что-то я не замечала в тебе гуманности раньше — после твоих тренировок еле живыми выходят из зала.

— Я говорю о стрельбе. И это только на первых парах — твое тело быстро привыкнет к новому виду напряжения, и моя помощь уже не понадобится.

— И где проходят курсы целебного массажа?

— Там комната отдыха, — Марк кивнул на неприметную дверь. — Располагайся, я сейчас приду.

Алиса направилась к двери, за которой была маленькая комната с высокой софой, кое-какой мебелью, на столе в ряд стояли бутылки с водой, и было все, чтобы немного расслабиться. Девушка тут же стянула с себя кофту и майку, и улеглась на софу на живот, предвкушая массаж, который спасет ее окаменевшие мышцы. Через пару минут зашел Марк, тут же подходя к ней.

— Плечи, спина и руки болят больше всего, верно? — спросил мужчина, опуская ладони на ее лопатки.

— Угу, — буркнула девушка, прикрывая глаза.

Умело и правильно Марк начал разминать затекшее и болезненно ноющее тело, отчего уже буквально через пару минут Алиса начала расслабляться и постанывать.

— У тебя волшебные руки, — протянула она, не открывая глаз.

Мужчина ничего на это не ответил, сосредоточенно разминая мышцы под светлой кожей, которая начал краснеть от его усилий, зато тело девочки уже не было таким каменным.

— Повернись.

Алиса нехотя заворочалась, поворачиваясь на спину. Руки Марка легли ей на горло.

— Все-таки решил придушить? — пробурчала Алиса, покосившись на него одним глазом.

— Нет, — пальцы мужчины разминали мышцы по бокам, переходя на шейные и плечевые. — Что значат твои татуировки? — впервые любопытствовал он, рассматривая рисунки на груди девушки и руках, на которые перенес свои усилия в массаже.

— На руках — ничего. Я сделала их, чтобы отвлекать внимание во время игры.

— Весь твой внешний вид призван отвлекать внимание за столом?

— Нет. Мне просто нравится быть такой — чтобы на меня смотрели, пожирали глазами. Считаю это попыткой привлечь к себе внимание и интерес в общем.

— У тебя были проблемы с самооценкой? — хмыкнул Марк.

— Никогда. И это не было проявлением бунтарства, если ты подумал и об этом. А на груди...я сделала ее, когда сменила имя. Под стать новому.

Что ж, действительно под стать: на рисунке был Безумный Шляпник с извечной чашкой чая и Кролик, глядящий в свои часы, и сама Алиса в зеркале, увитом цветами.

— Каким было твое настоящее?

— Неважно, — тут же нахмурившись, пробормотала девушка, раскрывая глаза.

Весь налет неги мигом слетел с нее, как только об этом зашла речь. Марк заметил это, и не стал настаивать и продолжать, но сделал заметку в уме на тему того, почему такой информации не было в досье девушки.

— Ты сказал «мыре» о моей проблеме? — подняла новую тему Алиса.

— Проблема? Так ты называешь свою девственность? — хмыкнул Марк. — Я лишь сказал, что это стоит учсть. А в чем дело?

— В том, что ты придаешь этому куда большее значение, чем я сама. Почему вдруг тебя так взволновал этот вопрос? Не думаю, что для тебя это в порядке вещей.

Девушка пристально смотрела на Марка, желая получить честный ответ. Но что он мог сказать, если сам не знал ответа?

— Ведь не упомяни я об этом, и все было бы как прежде: ты бы не думал об этом, я бы не проклинала свой болтливый язык, а «мымра» не стала бы лихорадочно искать проблемы, которых еще нет, и которые «могут» возникнуть. Я вообще не вижу причин для этого!

— Возможно, ты права, — пришлось Марку высказать свое согласие в этом вопросе. — Просто меня эта новость выбила из колеи, и я придал ей слишком большое значение. У меня в голове не вяжется твой образ, что я вижу каждый день, с этим фактом.

Алиса только глаза страдальчески закатила.

— Можно было просто забыть, а не обсуждать это со всем коллективом.

— Я сказал лишь психологу. Она работает с тобой больше всего, в этом направлении особенно.

— О да, — иронично протянула девушка, недовольно глядя на него. — И теперь она озаботилась тем, как связать в одно мою невинность с моим поведением. Для нее это так же несовместимо, как для тебя. Одна я смотрю на это проще? Так это не такая уж проблема — женский недостаток, исправляемый мужским достоинством. Если всех вокруг будет так беспокоить сей факт, я его быстро устраню, раз уж он стал камнем преткновения, — ворчала Алиса.

— Не в этом дело. Просто меня это огорошило. И возможно, это не проблема, но небольшая преграда так точно.

— Ты имеешь в виду буквальный смысл? — хмыкнула Алиса.

— Нет, — закатил глаза Марк уже в сотый раз за сегодня. — Но неужели ты так просто сможешь сделать этот шаг? Я понимаю тех, кто уже лишен этого, понимаю, почему это случилось с тем или иным человеком. Но тебе восемнадцать, и в своем образе жизни тебе удалось сохранить эту особую чистоту, значит, она что-то значит для тебя. Будь иначе, ты давно лишилась бы своей невинности. А так... я не понимаю того, как ты можешь говорить об этом так легко, цenia это?

— Кто сказал, что я ценю? Ты не думал, что меня это в принципе не волнует?

— Серьезно? — теперь была очередь Марка насмешливо хмыкать. — Если бы тебя не волновал секс, ты бы не знала, что такое «петтинг, минет и прочее». И раз ты все это испробовала на себе, значит, тебя это волнует. Ты сама не желаешь признавать, как для тебя это важно. Это понял я, понял и психолог, а ты слепо продолжаешь твердить, что это не имеет значения. Имеет. И теперь это факт, который нельзя просто проигнорировать. А насчет устранить... подумай, так ли легко это будет для тебя, как ты думаешь? Ведь не зря же ты не дошла до конца ни разу за все время.

Алиса наверно впервые задумалась об этом. Прежде не возникало такой темы, не было нужды копаться в себе. Зато сейчас она находила смысл в словах Марка.

— Я смогу это преодолеть.

— Тебе придется в любом случае, — вздохнул Марк, заканчивая массаж и отходя от девушки, которая приняла сидячее положение, глядя на куратора. — Сейчас, или когда ты приступишь к заданию. Шанс избежать этого слишком мал, и ты знаешь это не хуже меня. Да, твой род занятий — основа твоей работы. Но карты — не все. В мире, где правят мужчины, а сейчас преобладает именно патриархат, деньги стоят на одной ступени с

властью и удовольствиями — сексом в первую очередь. Ты должна это понимать. И не стоит надеяться, что ты избежишь этого аспекта в своей работе.

Марк говорил серьезно, глядя в глаза задумчивой девушке. Он желал ей помочь избавиться от глупых надежд, крушение которых слишком сильно скажется на ней, если однажды придет. А оно придет, рано или поздно. Не может не прийти, не в мире, в котором они погрязли. И ему было нужно показать это Алисе, чтобы уже сейчас она приняла все так, как есть, без иллюзий, без фантазий и даже крупиц надежд. Пусть она лучше обманется в лучшую сторону, если так сложится. Но к обратному результату Марк обязан был ее подготовить.

— И что ты предлагаешь? — спросила Алиса, глядя на мужчину.

— Я ничего не буду предлагать. С этим ты должна разобраться сама — так, как считаешь нужным. И психологу я скажу не лезть в это, и забыть мои замечания.

— И все же? — настаивала девушка, глядя на него внимательно и даже требовательно. — Ты поднял этот вопрос, заставил меня углубиться в него так, как я никогда не собиралась, и теперь не будешь ничего мне говорить?

— Что ты хочешь услышать? — вздохнул Марк. — Совет пойти и переспать с первым встречным? Для тебя это не выход.

— Почему? Ты не настолько хорошо меня знаешь, — прищурилась Алиса.

— Нет. Но достаточно, чтобы понимать, что в своей упертости ты сделаешь это, но потом пожалеешь. Как бы ты ни противилась, но для тебя это имеет особое значение.

— Что это значит?

— У тебя должно быть особое отношение к человеку, которому ты впервые доверишь свое тело. Ты можешь опровергать это, можешь спорить, но это так. Тебе не нужна романтика, не нужна стереотипность в принципе. Но и легкомысленно ты к этому вопросу не отнесешься.

Марк думал об этом весь день, и именно все, что он произнес вслух сейчас, пришло к нему во время этих размышлений. Именно так обстояло дело. Сбитый с толку в первые минуты, спустя время он разобрался во всем этом.

— Я никогда ни к кому не была привязана, — тихо произнесла Алиса, опустив глаза.

Сейчас она не играла, не давила на свое, она просто снова раскрывала перед ним душу, что было удивительно — не привыкла делать этого никогда и ни перед кем. А тут вдруг прорывало, и всегда, когда рядом был именно этот человек.

— Никому не доверяла себя, свою жизнь, свое тело — ничего вообще. Я всегда была сама по себе, и не умею по-другому. Я могу сделать вид, могу заставить других довериться себе, привлечь, очаровать. Но сама никогда не допускала подобного. Ты первый, — она снова подняла глаза и пронзительно посмотрела на него.

Марк только головой покачал, поджав губы. Ему не нужно было ее подобное доверие. Он не мог взять на себя ответственность за первое разочарование Алисы в этом плане. Ведь, что она получит от него взамен? Ни-че-го. Он даст ей знания, преподаст нужные уроки. И только. Вот предел его отдачи ей — да всем остальным в этой школе!

— Я не прошу тебя оправдывать мое доверие, — будто прочитав его мысли, произнесла Алиса. — Это просто факт. Не придавай ему особого значения.

— Но я не смогу его и проигнорировать, — ответил Марк.

— Сможешь. Ты должен. Ты делал это всегда и для всех. Тебе плевать на учеников этой школы, на их чувства, эмоции. Ты губишь все это, подавляешь, исправляешь. Ты ломаешь

мировоззрение и эмоции каждого, кто проходит через твои уроки. В этом смысл того, что ты находишься здесь. Я не отличаюсь от всех прочих учеников. И не нужно делать для меня поблажек в этом вопросе. Мне достаточно того, что уже есть.

Алиса говорила и, кажется, сама путалась в своих словах и мыслях. В ее горячей речи Марк уловил и горечь, и самобичевание за свою слабость сейчас, когда она раскрывалась перед ним добровольно, а не под действием алкоголя. И в то же время, она не могла этому сопротивляться. Как не мог сопротивляться ей сам мужчина. Они оба были в неловкой ситуации, когда не могло между ними быть ничего иного, кроме того, что уже было допустимо, но желание не исчезало, а лишь крепло со временем — плавно, постепенно. Незаметно. Желание большего, желание особой близости, особых отношений. Как никогда остро это чувствовалось именно вблизи друг друга: Марк ощущал, как отступает его одиночество и тоска, что гложила годами, скатываясь в большой ком, что вот-вот погребет его под собой; Алиса испытывала потребность раскрыть, наконец, свою душу, что цепко хранила под замком от всех тех, кто окружал ее прежде. И сейчас, глядя друг другу в глаза, они оба это понимали, видели в собственном отражении чужих взглядов.

И мужчина, и девушка одновременно опустили глаза. Марк прикрыл свои, пытаясь разобраться в смятении эмоций, что накрывали с головой. Он так долго этого избегал, так старательно прятал поглубже, закапывая бездонную яму в душе работой, разовыми отношениями, этой школой. И так безуспешно.

— Спасибо за урок, — раздался тихий голос Алисы, и она, прихватив свои вещи, вышла из комнаты, оставляя его наедине с собой.

Марк проводил ее мрачным взглядом, и устало опустился в кресло, проведя руками по лицу.

Что ему делать с этим ураганом в душе, который поднялся вот так запросто, незаметно и быстро? Куда деть теперь все то, что одолевало его сонмом чувств, эмоции и размышлений? Марк лишь сейчас осознал, как оказывается, сильно на него повлияла эта девушка. И ведь не к чему было придраться — не специально у нее это вышло. Она и сама уже была не рада этому, судя по тому, как горько говорила о доверии к нему. Чем он его заслужил? Чем сможет оправдать? И чем все это обернется для них обоих?

Марк не понимал своих эмоций в отношении Алисы. Вот не понимал и все! Не мог разобрать ничего конкретного, что одолевало его разум и душу. Это не была любовь, не была привязанность, теплота или нежность. Но вместе с тем, он не мог твердо сказать, что ничего из этого не было вовсе. Было, в незначительных долях, да таких незаметных, что он и не видел их, пока они не переросли в нечто большее и осязаемое.

Черт, и ведь только сегодня утром он думал о том, как предотвратить подобное!!! А поздно было что-то предотвращать! Оставалось лишь попытаться исправить или проигнорировать. Последнее у него получалось лучше всего. Пройдет время, и очень скоро объект его проблемы уедет, навсегда исчезнет из его жизни. Вот тогда он и будет думать, что делать. Сейчас было главным остановить все в той стадии, до которой развилось его безумие. Не дать пойти дальше. Это было в его силах, как ничто иное. Нужно было лишь приложить усилия. Вот только хватит ли ему на это сил? А желание? Сможет ли он бороться с тем, что так влекло и манило — способ заполнить ту пустоту, что царил в сердце долгие годы? Ведь именно этого ему не хватало, это гложило его, не давало покоя. И вот был выход, но пойти этим путем Марк не мог. Не имел права.

Следующий месяц прошел в хмурости и тяжелых размышлениях и для Марка, и для его ученицы. Алиса была все такой же подавленной и грустной, лишь причин для этого прибавилось. А Марк просто пытался привести в порядок свои мысли и эмоции, удержать их в узде, чтобы контролировать и не поддаваться глупостям и сумасбродству. Он радовался тому, что Алиса больше не язвит, не задевает, не играет с ним, поскольку это отвлекало и расслабляло его, и в то же время ему этого катастрофически не хватало — перед ним была просто не Алиса, лишь ее тень. И он боролся с самим собой за то, чего должен хотеть на самом деле от этой девочки в плане ее поведения и эмоций: ее живость, ее горящие глаза — основа ее работы, и в то же время он думал о ее задании в последнюю очередь — куда больше его волновало ее настроение в особом, личном плане.

Так же резко, как началось, их общение и закончилось. Алиса больше не доставала Марка вопросами, не проявляла чрезмерное игривое любопытство, не пыталась расшевелить его, чтобы уже вдвоем наслаждаться разговорами. Она просто посещала его занятия, слушала наставления и советы, тренировалась под его пристальным профессиональным взглядом, делала все, что он ей говорит без всяких протестов, жалоб и умильных взглядов. И, казалось бы, что Марка должно все устраивать — так ведь было проще. Но за короткий промежуток времени он так привык к иному, что подобная нормальность уже казалась дикостью. И он снова боролся с самим собой за здравый смысл, который утверждал, что все правильно и так, как должно быть.

— Марк, мне нужно с тобой поговорить, — раздался рядом голос «мымры», как называла своего психолога Алиса.

Мужчина оторвал взгляд от стены, в которой мысленно бурил дыру, и посмотрел на коллегу. Немолодая женщина хорошо за сорок, с волевым умным лицом, пронизательными глазами, немного холодными для человека, который должен располагать к себе, села рядом с ним на диван в общей гостиной в холле преподавательского корпуса.

— Что-то случилось?

— Дело в Алисе. Ты давно не посещаешь наших совместных уроков.

— Дел много. Новые студенты...

— Я понимаю, — кивнула Тамара. — И в принципе я знаю, как работать с девушкой. Она умная, все ловит на лету, не доставляет проблем. И единственное, что для меня составляет трудность — ее настроение в последнее время. Ты сам знаешь, что это не то, что нам нужно. Она подавлена, ее настроение на нуле, активности никакой. Нам нужен совсем иной результат. Ей нужна встряска, чтобы вернуть себе живость, азарт.

— Предложи ей карты — она тут же оживет, — рассеяно протянул Марк, размышляя над словами психолога и уже пытаясь найти решение, которое в последнее время переложил на чужие плечи.

— Не поверишь, но я уже попыталась, и не вышло, — ответила удивленная женщина. — Я тоже предположила, что это должно помочь — у нее ведь руки чесались. Но она отнеслась

к игре с таким же равнодушием, как ко всему вокруг.

— И ты хочешь сказать, что не знаешь, что делать? — невесело хмыкнул Марк. — Ты здесь лучше всех разбираешься в мозгах окружающих, и не мне тебе говорить, как поступать.

— Здесь я в тупике, — вынуждена была признать женщина.

По ней было видно, как она недовольна этим фактом, но признать его пришлось.

— Ты единственный, кто может хоть как-то влиять на девушку.

— Это уже давно не так.

— Ты просто не хочешь что-то делать, — проницательно заметила Тамара. — Потому что она оказывает на тебя такое же влияние, как ты на нее. Я удивлена тем, что заметила это, — начала пояснять женщина на вопросительный взгляд Марка. — Я знаю тебя уже почти два года, и ни разу ты не вызвал во мне мыслей о том, что можешь быть ведомым — именно поэтому ты оказался в этой школе, здесь все подобно тебе в этом плане. Но эта девочка...

Марк лишь отвел взгляд от умных глаз коллеги, молча признавая ее правоту. А что он мог возразить, если все так?

— Тогда не проси меня о подобном.

— Это твоя работа. И потом, — на миг женщина замялась, — может, это твой шанс?

— Шанс на что? — грустно хмыкнул Марк. — Ты не хуже меня знаешь, что все мои шансы остались за стенами этой школы.

— Всегда можно найти выход, — только и сказала психолог. — И потом, в первую очередь ты должен думать о студентах, сейчас — конкретно об Алисе, потому что в ответе за нее именно ты. Ей важно справиться с этим заданием. Иначе...

Недосказанность была лучшим ответом.

— Слушай, давай не будем делать вид, что в случае ее успеха что-то изменится, — с нотками горечи произнес мужчина. — Да, ей обещали помощь, обещали свободу взамен на сотрудничество. Но ты не хуже меня знаешь, что шагнув в воду, сухим не выйти. Ее или просто уберут, или найдут иное применение. Никто больше не даст ей долгожданной и драгоценной свободы, не с теми знаниями, которыми она владеет уже сейчас, и которых еще наберется. И мне кажется, что она понимает это не хуже нас с тобой. Именно поэтому она сопротивляется до последнего, потому что ей все равно не получить того, на что она рассчитывала. Девочка очень быстро поняла истинное свое положение, и смысл ей бороться с самой собой, когда результат будет одинаковым при любом исходе? От нее просили определенного поведения, пообещав награду. А сейчас, увидев, что это обман, она просто не будет стараться.

— Ей нужен стимул.

— Не в нашей власти что-то предложить ей, — покачал головой Марк, снова утыкаясь взглядом в стену напротив.

— Ты единственный, кто может это сделать, она доверяет тебе.

— Она очень хорошо знает, что такое ложь. И не поверит мне. А я не буду пытаться ее переубедить — это пустая трата времени.

— И что ты предлагаешь? Пустить все на самотек? — недовольно произнесла Тамара. — Не в этом смысл нашей работы.

— В нашей работе вообще нет смысла, — только и ответил Марк, поднимаясь и уходя, не обращая внимания на оклик женщины себе в след.

Мужчина вышел из корпуса и побрел наугад, углубившись в свои размышления.

Настроение было паршивым, а разговор в Тamarой и высказанные вслух давно сформировавшиеся мысли ухудшили и без того невеселое состояние. Марк запутался — в себе, своих желаниях, возможностях, запутался в мыслях, которые роились в голове тесным клубком. И это тоже было для него угнетающе — не найти ответа на элементарные вопросы самому себе. Чего он хочет? Чего ждет? Что может получить? Извечная проблема для Марка, которая в последнее время пусть и приобрела некоторую определенность, все еще была неразрешимой.

Привычный ежедневный путь из своего корпуса привел Марка к спортивному залу. Занятия уже давно закончились, дети видели уже десятый сон в своих постелях, но свет почему-то все еще горел. Даже для поздней тренировки были поздновато, и мужчина, решив, что сам проявил рассеянность и не выключил в зале свет после последнего занятия, направился внутрь, чтобы погасить прожекторы. Но пройдя мимо раздевалок и душевых, удивленно остановился у двери в зал, из-за которой доносилось тихое приглушенное бормотание. Неслышно раскрыл створки и замер, так и не окликнув нарушителей, которых не должно было быть здесь и в помине.

На матах, сваленных в ближайшем к двери углу, сидели двое — Алиса и Денис. Вот кого-кого, а не этих двоих Марк ожидал увидеть здесь. Или, по крайней мере, не вместе. Когда он пропустил подобное? Когда эти двое уже нашли общий язык и, судя по тихому смеху, улыбкам и расслабленности, подружились? Мужчина ни разу не заметил признаков этого общения, ни разу не наблюдал девушку рядом именно с этим парнем. И вот они — сидят рядом, смотрят друг другу в лицо, а взгляд молодого человека восторжен и мечтателен. И когда Алиса успела охмурить Дениса?! Когда смогла довести его вот до этого состояния «счастливого щенка»?! Марк ни разу не наблюдал в этом парне слабости к женскому полу, да и вообще к каким-либо слабостям, именно поэтому в свое время выбрал его в ученики: за ум, жесткость, целеустремленность, холодную голову и здравомыслие. Он не казался тем, кто глупо поведется на красивые глазки и безграничное обаяние. Да, Алисе нет равных в этом деле, но все же от Дениса Марк ожидал большего!

Сама девушка была расслаблена, широко улыбалась, вот только фальшивость этой улыбки Марк рассмотрел издали, как и нарочитость ее смеха расслышал. Блеск в глазах был искусственным, мимика в деталях показывала, каково ее настроение на самом деле. И неужели мальчишка не замечает всего этого?! Марк уже не знал чему удивляться: тому, что Алиса вновь превысила все возможности своей харизмы, удивив его в который раз, или тому, что Денис так глупо лоханулся.

Марк не стал выдавать своего присутствия, решив понаблюдать за этими двумя пару минут, чтобы знать наверняка, как обстоит дело и так ли все на самом деле, как показалось изначально — Алиса флиртует отнюдь не по привычке, а целенаправленно. И очень быстро его предположение подтвердилось — девушка потянулась к губам парня, а тот тут же привлек ее к себе, путаясь пальцами в волосах и жадно отвечая на ее прикосновение. Она позволила Денису повалить себя на маты, позволила ему оказаться сверху, оплетая его руками и ногами. Гнулась под его ладонями, подставляла открытое горло под его горячие страстные поцелуи, ласкала в ответ красивое лицо кончиками пальцев. Но когда парень потянулся, чтобы стянуть с нее майку, мягко ненавязчиво остановила его. Денис безропотно подчинился, прикрывая на минуту глаза, будто в попытке успокоить себя и свое взбунтовавшееся тело, а после скатился с девушки, просто обнимая ее. Алиса сказала ему что-то, они о чем-то пошептались пару минут, а после парень поднялся на ноги.

Прощальный мягкий поцелуй в пухлые губы, и Денис направился к двери, возле которой Марка уже не было.

Мужчина проводил внимательным взглядом удаляющуюся спину не заметившего бывшего куратора парня и вернулся в зал.

— Ты поразительно влияешь на всех вокруг, — произнес Марк, направляясь к девушке, которая осталась сидеть на матах, обхватив руками колени, и даже не обернулась в его сторону, когда услышала шаги и голос — она знала, что он здесь.

— Я думала, твои ученики куда лучше обучены, — ответила Алиса. — Их считают лучшими в этой школе.

— Я тоже так думал, — кивнул мужчина, садясь рядом с ней. — И в ком я не сомневался ни капли, так это в Денисе. Но перед тобой сложно устоять.

— Всем, но не тебе, — повернула к нему голову девушка, пристально глядя в глаза.

— Я другое дело, — чуть качнул головой Марк.

— Дениса было несложно обвести вокруг пальца.

— Что для тебя вообще представляет сложность? — хмыкнул мужчина, на что девочка лишь чуть улыбнулась уголками губ.

— Ты, — и снова пронзительный взгляд темных глаз. — Ты самая сложная для меня загадка.

— Именно эта тайна не дает тебе покоя? — вздохнул Марк. — Поэтому ты не находишь успокоения? Потому что не получила ответа на свои вопросы в отношении меня?

Алиса ничего на это не ответила, да он и не ждал.

— Зачем тебе Денис? — перевел тупиковую тему на новую мужчина.

— Тебе не понравится ответ, — сверкнув глазами, произнесла Алиса.

— Об этом я уже догадался, — хмуро ответил Марк.

— Это отец Дениса нашел меня. Он завербовал меня, если так можно сказать.

— У тебя не выйдет этим воспользоваться, — покачал головой мужчина, который интуитивно догадывался о том, о чем Алиса намекнула. — Как ты об этом узнала?

— Андрей научил меня паре примочек, и помог кое в чем. Поэтому я добыла много информации из вашей базы данных. Должна заметить, что она весьма подробная, полная и многофункциональная.

— Доступ к особо секретным данным даже Андрей не сможет взломать. У него попросту не хватит ресурсов, которые он имеет в своем распоряжении.

— Это да, — вздохнула почти с сожалением Алиса. — И ты не будешь ругать и ворчать? — подозрительно покосилась на мужчину девушка.

— А смысл? Когда ты слушала мое ворчание? — хмыкнул Марк.

— Оно весьма забавно иногда, — дернула плечами девочка.

— Прежде этого тебе хватало — забавности — чтобы не скучать.

— Все приедается, — скривила носик Алиса. — Особенно, когда в итоге это ни к чему не приведет.

— Помнится, ты сказала, что во всем можно найти веселье. Из любой ситуации выжать положительные эмоции.

— Это перестало иметь значение, когда мой главный собеседник из раза в раз отказывался в этом участвовать. А одной невозможно веселиться.

— Я не единственное твое развлечение, — вздохнул Марк.

— Но ты самое стойкое, а это всегда добавляет стимула. С остальными не интересно.

Даже Денис сдался через неделю. Илья, Максим...их сотни, и каждый для меня разгадан заранее.

— От чего еще ты можешь получить удовлетворение? Скажи мне, чего ты хочешь, и я это тебе дам, — произнес вдруг Марк, наблюдая, как удивленно распахиваются глаза девушки.

— Я могу попросить, что угодно? — глаза девушки засверкали в то же мгновение, и это уже не было налетом радости и предвкушения.

— В пределах разумного, конечно.

— Увези меня отсюда! Вот прямо сейчас! Я хочу выбраться из этих стен! Хоть на день, хоть на час! — тут же умоляюще заговорила Алиса, подаваясь к нему близко-близко. — Увидеть других людей! Нормальную жизнь! Прошу тебя!

Марк даже оторопел от того, как резко Алиса воспрянула духом, как загорелись ее глаза, даже в голосе появилось воодушевление. Он уже отвык от того, как быстро менялось настроение, слова и речи этой девочки, как быстро она перетекала из одного настроения и состояния в другое: один миг — и перед ним уже не поражающий своей тоской и подавленностью человек, а горящий азартом и предвкушением.

— Хорошо, — улыбнулся Марк, впервые за последнее время искренне и тепло. — Я увезу тебя. Но завтра, — Алиса тут же поникла, — но на все выходные, — и вновь глазки засияли.

А потом она и вовсе кинулась его обнимать, повисла у него на шее, буквально завалив его на спину и придавив своим телом к матам.

— Спасибо! Спасибо-спасибо-спасибо! — быстро-быстро говорила Алиса, улыбаясь ему широко и от всей души.

Марк же со слабой улыбкой смотрел на нее снизу вверх. Прошла минута, а после девушка, сверкнув глазами, наклонилась к нему совсем близко, касаясь кончиком своего носа его. Дыхание обжигало губы друг другу, с которых слетели теплые улыбки. Алиса подалась еще чуть вперед и едва ощутимо коснулась губ мужчины, не отрывая взгляда от его глаз. Марк не пошевелился, не выразил протеста, просто смотрел на нее. Его покорность позволила девушке снова прижаться к его губам своими, на этот раз чуть сильнее настойчивей. И снова глаза в глаза. Кончик ее языка скользнул по едва приоткрытым створкам, чуть проникнув внутрь и снова выскользнув наружу. Ее кулачки сжали его футболку на груди, на которую она опиралась.

— Ну же, ответь, — прошептала Алиса, прикрывая, наконец, глаза и снова касаясь его губ поцелуем, уже не мимолетным, не пробным, а настойчивым, пусть и мягким.

Руки Марка сжались на ее талии, показывая его силу, а губы раскрылись навстречу требованию, выражая слабость. Веки сами собой опустились, а инициатива быстро оказалась в его руках — он не привык быть ведомым даже там, где подавляют его волю. В одно мгновение мужчина сменил их положение, и Алиса снова оказалась прижата к матам мужским телом, только от игры не осталось ни следа, все было по-настоящему, искреннее, желанно. Поцелуй Марка был жестким, властным, немного грубоватым, но от того еще более страстным. Он целовал так, что голова шла кругом, и с куда большим рвением, отдачей, чем в первый раз тогда, на конюшне. Не для игры, не для развлечения, вопреки собственным убеждениям и уверениям, а потому был в сотни раз слаще и горячее.

Они оторвались друг от друга лишь когда не стало хватать дыхания. Смотрели глаза в глаза, тяжело дыша. Большим пальцем руки Марк коснулся нижней влажной губки девушки,

следя за своей лаской, а малышка вобрала его в рот, пронзая своим провокационным взглядом, коснулась подушечки острым кончиком языка.

— Ты несправима, — почти с нежностью прошептал Марк, чуть улыбаясь.

— Я знаю, — ответила Алиса, с пошлым чмоком выпустив изо рта его палец. — Тебе это нравится.

— Нравится, — согласился Марк, снова накрывая ее губы своими, уже без всякой провокации со стороны девушки, а по собственному желанию ласкать и нежить сладкий ротик.

Они не зашли дальше поцелуев, и руки Марк даже не пытался распускать. Но какие это были поцелуи! Глубокие. Горячие. Грубые и нежные. Едва ощутимые, и безжалостно заводящие. Мужчина показал ей всю палитру этой ласки, подарив и нежность, и страсть, и желание не останавливаться. Алиса млела под его телом, задыхалась после каждого поцелуя, льнула к нему, стараясь быть все ближе и ближе, даже всю свою язвительность растеряла, не позволяя скверному характеру вырваться наружу в такой момент. Марк ласкал ее лицо и шею губами, руками, кончиками пальцев, пробовал на вкус светлую кожу, царапал щетиной, прикусывал зубами, не оставляя следов. Голова девушки шла кругом от наслаждения, томности и растущего возбуждения, которое все обостряло. И она ощущала своим телом, что и Марк прекратил себя контролировать, поддаваясь эмоциям, но при этом и не думал переходить грань, наслаждаясь пока лишь этим, в полной мере отдаваясь только губами.

Сейчас мужчина не думал ни о чем: ни о морали, ни о совести, ни о правильности того, что делал. Ему надоело бороться с собой, надоело ни черта не понимать. И он просто ловил кайф от того, что делал, от того, как заводилась под ним Алиса, от того как стонала тихо ему в рот. Она чувственно гнулась под ним, потираясь всем телом, но не требовала большего. А он и хотел бы пойти дальше, но слишком сладким было мгновение, чтобы нарушить его продолжением. И без того все было остро, горячо и насыщено. И пока этого было предостаточно.

— Нам пора уходить, уже поздно, — шептал Марк, но и не думал прекращать выводить узоры своим языком на тонкой шейке Алисы.

— Не хочу, — выдохнула девушка, перебирая пальцами его волосы на затылке и даже не думая открывать глаза.

Ей нравилось все, что сейчас делал мужчина, нравилось чувствовать на себе его мощное сильное тело, которое было слишком тяжелым для ее хрупкой фигуры, но таким нужным. Его сильные руки обвивали ее талию, ласкали узкую спину, горячее дыхание оведало ее теплом и жаром желания. И пусть губы уже горели и кровоточили от нескончаемых поцелуев, все равно казалось слишком мало.

— Завтра тяжелый день. Мне нужно отдохнуть, — отрываясь все-таки от своего занятия, произнес Марк, заглядывая в мутные глаза Алисы. — Если хочешь, можешь остаться у меня.

— Хочу, — улыбнулась довольно девочка, кивая головой.

Марк лишь хмыкнул, коснулся мягко напоследок ее губ и поднялся, разминая затекшее за пару часов тело. И ведь действительно прошло больше двух часов, когда мужчина бросил короткий взгляд на наручный браслет. И все это время они только и делали, что целовались. И все равно было мало.

Школа давно уже спала, когда двое прошлись по ее территории к учительскому корпусу и вошли внутрь. В своей комнате Марк сразу же направился в душ, а когда вернулся, Алиса уже крепко спала в его постели, не дождавшись его, высунув из-под одеяла лишь кончик

носа и фиолетовую макушку. Мужчина забрался к ней, пододвинув тонкое тело под свой бок, обнял ее и уснул почти в то же мгновение, как голова коснулась подушки.

Утром Марк оставил спящую Алису в своей кровати, не став тревожить ее сон, и ушел на занятия. И к своему удивлению обнаружил ее там же, когда вернулся вечером.

— Даже не буду спрашивать, как ты вошла, — хмыкнул Марк, бросив косой взгляд на мигающую зеленым сенсорную панель, которая даже не намекала на взлом.

— Ты просто забыл свою карту, — хмыкнула Алиса, помахав у него перед носом его пропуском и возвращая его на тумбочку, с которой забрала утром, когда уходила. — Ну что поехали?! — тут же нетерпеливо запрыгала на месте девушка.

— Дай хотя бы душ принять, — буркнул Марк, снимая с себя пропахшую потом после целого дня в зале одежду.

Он подошел к шкафу за чистой, а Алиса шагнула следом, встав впритык, и провела ладошками по сильной напряженной спине с выступающими мощными мышцами, что играли под кожей от малейшего движения мужчины. Ее пальчик очертили каждый изгиб и выпуклость, а Марк стоял и не мешал ей забавляться, чуть прикрыв глаза и наслаждаясь невесомой лаской. Он повернул голову и посмотрел в хитрые глаза Алисы над своим плечом.

— Что? — невинно вскинула темные брови девушка, лукаво улыбаясь.

— Ничего, — хмыкнул Марк, забирая, наконец, вещи и скрываясь за дверью в ванную комнату.

— Только быстрее. А то с ума сойду от нетерпения, — попросила вслед ему девушка.

Целый день она не находила себе места, предвкушая выходные, обещанные Марком. Была непривычно воодушевлена и восторженна, что почти удивляло в свете того, каким было ее настроение в последнее время. Но на вопросы друзей на тему того, что случилось, лишь загадочно улыбалась, качая головой и весело смеясь.

И стоило мужчине выйти, как она тут же всучила ему небольшую сумку с вещами на пару дней, и, взяв за руку, потянула из комнаты. Под удивленными взглядами преподавателей, что были в холе, они вышли из корпуса и направились к гаражу, где Марк выбрал одну из машин.

— Можно мне? — пользуясь вседозволенностью, что давал ей сейчас Марк, спросила Алиса.

Тот в ответ в очередной раз хмыкнул и бросил ей ключи. Казалось, что не будет предела счастью в глазах девушки, когда она села за руль, и завела двигатель.

— Охрана не решит, что ты в заложниках? — улыбнулась задорно девочка, когда они подъезжали к КПШ.

— В твоём случае подумают именно так, — не мог не улыбнуться Марк в ответ. — Но я предупредил их о своем отъезде.

— То есть даже ты не можешь просто так покинуть территорию?

— Нет, не могу. Я заперт здесь так же, как и все. За исключением того, что мне все же позволено выйти.

— А как часто студенты покидают школу?

— Лишь когда обучение заканчивается. За исключением редких случаев, — ответил мужчина, тут же вспомнив, как увозил отсюда Лесю пару месяцев назад, отчего улыбка сползла с его лица.

Алиса заметила эту странность, но не стала спрашивать, а завела совсем другую тему, вернув Марку улыбку через несколько минут, как умела лишь она одна.

— Куда ты хочешь? — спросил мужчина, спустя полтора часа, когда перед ними начали вырисовываться огни большого города впереди.

— Не знаю, — легко пожала плечами Алиса, глаза которой сияли ярче, чем огни мегаполиса по мере приближения к пригороду. — Погулять. Сходить в кино, в парк, клуб... что угодно, лишь бы не сидеть на месте.

— Я могу тебе доверять? — серьезно спросил Марк. — Ты не сбежишь?

— Я обещаю, — не менее серьезно посмотрела на него в ответ девушка, на что он лишь кивнул.

— Хорошо. Тогда думаю, в первый вечер ты справишься сама. Я хочу отдохнуть немного. Развлечешь себя сама? — глядя в окно, произнес Марк, заставив Алису удивленно на себя посмотреть и поймав ошарашенный взгляд ее глаз в отражении.

— Ты веришь мне?

— Да, как ни странно, — честно ответил Марк.

Да, он рисковал, отпуская Алису в вольное плавание. Но хотел этого риска. Ему нужно было понять, насколько он верен в своих суждениях о ней. И если он ошибется, и позже ему неслабо влетит за это — он усвоит урок. Но почему-то была уверенность, что свое обещание девушка сдержит. Марк верил ей.

Была еще одна причина — ей нужно было побыть одной, даже без него за спиной, пусть его компания и была ей вполне приятна. Но мужчина хотел бы дать ей в полной мере насладиться временем без всякой опеки и надзора — ведь именно этого она так откровенно желала. И пусть это будет всего пара часов сегодня вечером, пусть это будет лишь одна ночь — он даст ей эту возможность. Именно по этому девушка скучала — по вседозволенности. А оставшееся время они проведут уже вместе.

— Почему? — тихо спросила Алиса, чуть сведя брови и бросая на Марка короткие — она была сосредоточена на дороге — но пристальные взгляды.

— Что почему?

— Почему ты веришь мне так?

— Спроси что полегче, — вздохнул мужчина. — Здесь в центре есть гостиница. Высади меня там. И к утру я буду ждать тебя в номере.

— Я приду, — твердо ответила девушка, поймав его пристальный взгляд.

Как он и попросил, она высадила его в указанном месте. Марк забрал с заднего сиденья их сумку и потянулся к ручке двери.

— Марк?

— М? — он обернулся к девушке за рулем.

А она подалась к нему вперед, сжала руку на его футболке и потянула к себе, прижимаясь губами к его рту.

— Спасибо, — тихо произнесла девушка после легкого поцелуя, глядя в глаза мужчине, которые были так близко.

— Надеюсь, что не пожалею о своей вере тебе, — невесело усмехнулся Марк, прежде чем выйти из машины.

А в номере он устало упал на кровать, даже не раздеваясь, засыпая в несколько минут: вера в то, что Алиса сдержит слово, помогла ему отрешиться от раздумий и не беспокоиться ни о чем.

Алиса пришла незадолго до рассвета, скользнула к нему под бочок и затихла в его руках, умиротворенно сопя ему в плечо. Мужчина лишь глубоко вздохнул и вновь уснул, потревоженный возвращением девушки. А проснулся от того, что она тормозила его, заставляя подняться с постели и пойти, наконец, гулять.

— Ты всю ночь гуляла, — пробормотал в подушку мужчина, пока Алиса прыгала рядом по матрасу.

— Мне мало! Хочу еще! Вставай! — улыбаясь от уха до уха, уговаривала Марка девушка. — Ну же, ты обещал! Ты спал всю ночь, сколько можно!

— Мне бы твою энергию, — промычал Марк, разлепляя все-таки глаза и недовольно глядя на довольную девушку.

Сна не было ни в одном глазу, и не скажешь, что она отсутствовала всю ночь, а проспала от силы пару часов. Зато Марк чувствовал себя разбитым сразу за двоих — в последнее время сна ему катастрофически не хватало. Но спорить с Алисой было еще сложнее, поэтому ему ничего не оставалось, как только подняться с постели и отправиться в душ — просыпаться окончательно. Вернувшись, он застал в комнате уже переодевшуюся девушку, которая пихнула ему в руки одежду и выскочила из номера, сказав, что будет ждать его внизу в кафе.

Алиса на двоих заказала завтрак, и едва дала Марку поесть, выволакивая его за собой на улицу. Было довольно прохладно для поздней весны, но все же погода была замечательной. Несколько часов подопечная таскала мужчину за собой по улицам, без какой-либо определенной цели. Крутила головой по сторонам, улыбалась всем идущим ей навстречу, выражая так весь свой восторг, отчего люди недоуменно провожали взглядами странную девушку и улыбались в ответ, даже не замечая этого. Говорила обо всем, что видела, и что приходило в голову, а Марку только и нужно было, что лишь кивать изредка на ее пламенные, живые разговоры. Он сам с удовольствием смотрел, как буквально на глазах оживает Алиса: вернулся блеск в глаза, с которым она приехала в школу, задор, веселье, расслабленность. Она дышала полной грудью, была непосредственна и легка во всех смыслах этого слова.

— Где ты была ночью?

— Каталась по улицам, — пожалала плечами Алиса, стоя на мосту и глядя на реку под ними, провожая взглядом маленькие лодочки, на которых катались парочки. — Играла.

Марк удивленно посмотрел на нее, а девушка лишь хмыкнула.

— Что ты удивляешься? Думаешь, для меня проблема найти игорное заведение? У меня чуйка на подобные места, и я знаю, где искать. Не думала даже, что так скучала по картам в руках, — призналась с легкой улыбкой она, глядя на чуть улыбающегося и качающего головой Марка.

Когда же он уже перестанет поражаться этой девочке? С ней нечему было удивляться — пора запомнить это раз и навсегда.

— На что ты играла? Ведь нужна начальная ставка.

— Я поставила машину, — спокойно произнесла Алиса, со смешком глядя, как вытянулось лицо мужчины. — Цела твоя тачка — я не проигрываю, — хлопнула его по плечу девушка, призывая расслабиться.

— Ты одна можешь переплюнуть всю школу по выносу мозга, — пробормотал Марк, проведя рукой по лицу.

— Все же нормально, — лишь дернула плечом Алиса, глядя на него со смехом. — И я выиграла кучу денег! — она игриво подвигала бровями. — Так что сейчас пойдём тратить!

Марку пришлось признать, что эта девушка никогда не перестанет его удивлять, когда он смотрел в сумку, что лежала в багажнике авто, в которой действительно была целая куча денег.

— И сколько здесь?

— В рублях? Несколько миллионов. Я не играю по мелочам, — спокойно ответила Алиса.

Ее глаза жадно не блестели при виде денег, она не была впечатлена, привыкнув к еще более крупным выигрышам, да и вообще равнодушно относилась к тому, что имела и получала благодаря своему таланту: главным для нее был процесс, а не результат.

— И куда ты хочешь это потратить? — хмыкнул Марк, захлопывая багажник и с любопытством глядя на девушку.

— Как и любая девушка — на шопинг.

— Не думал, что тебя прельщает подобное времяпрепровождение, — усмехнулся мужчина, садясь за руль.

— Я такая же девушка! — наигранно возмущено надула губы девушка. — Пусть с несколькими отличными от стереотипных взглядами и повадками, но красоту и шмотки я люблю как все.

— Может, этим ты тоже сама займешься? — предложил Марк, для которого хождение по магазинам не было такой прекрасной перспективой, какой сверкали глаза девочки.

— Нет. Ты обещал провести все два дня со мной, — напомнила Алиса, недовольно глядя на него. — Так что не отлынивай.

Марку некуда было деться от ее шкодливых глаз, поэтому он покорно повез ее в указанном направлении — в торговый центр.

Заходя в огромное — просто гигантское — здание, Марк не ждал ничего хорошего. Но даже здесь Алиса развеяла все банальности о девушках, ходящих по магазинам. С ней было весело, смешно, она кривлялась, обезьянничала, подстебывала персонал буквально в каждом магазине и бутике, не могла удержаться от язвительности или поддевок, превращая для продавцов их, в принципе неплохую работу, в каторгу, но ужасно забавляя этим Марка. Он от души смеялся над выходками девочки, когда они покидали очередной отдел, не мог удержаться от веселья, что рвалось изнутри при одном только взгляде на разгуливающую Алису. А сама девушка делала все необходимое, чтобы им обоим было в кайф абсолютно все.

— Сюда, — и как на буксире она потянула Марка в отдел женского белья.

Мужчину не смутило подобное, но все же он предложил оставить ее здесь одну и подождать снаружи.

— Ты сможешь мне выбрать, — хитро сверкнула глазами Алиса. — Я буду в примерочной.

И оставила его посреди магазина в, мягко говоря, шоке. Что ж, подобного он все-таки не

предполагал и можно даже сказать, что растерялся. Но девушка-консультант быстро оказалась рядом, предлагая помощь. Вместе с ней он выбрал несколько вариантов для Алисы, ловя себя на мысли, что никогда ему в голову не приходило такое развитие событий. Но это же Алиса! Одно только это имя уже о многом говорило Марку, и сразу же ассоциировалось с проблемами, играми, язвительностью, но вместе с тем — смехом, улыбкой, расслабленностью, спокойствием и даже умиротворением. Рядом с этой девушкой мужчина чувствовал себя так, как никогда прежде, понимая себя самого, осознавая, что именно этого ему не хватало в его жизни — особенного человека, который разбавлял бы его существование яркими красками. Иногда это было слишком резко, слишком напористо, но в общем именно так, как ему требовалось. Алиса будто интуитивно понимала, что ему нужно, необходимо, боролась с его запретами, разбивала защитную стену, которую он годами выстраивал в своей душе, не умея жить иначе. До него с трудом доходили эти изменения, он рефлекторно боролся с ними, но все равно сдавался под напором своих эмоций и желаний, все равно поддавался изменениям, которые уже неотвратимо управляли им.

Обо всем этом Марк думал, пока ждал девушку после очередной примерки. И ушел в свои мысли так глубоко, что не заметил, как Алиса появилась перед ним в новом образе, а точнее — в белье, что он выбрал для нее.

— Тебе нравится? — отвлек его от размышлений голос девушки, на который он обернулся, да так и застыл на месте, скользя взглядом по ее телу.

И вот вроде видел ее уже полуобнаженной и даже голой, и ничего нового она ему не показала. Но ее поза, когда она стояла, выгнувшись всем телом, подняв руки вверх и опираясь ими о дверь, ее полуулыбка, загадочно сверкающие глаза — все вместе производило совершенно другой эффект. Да и сиреневое кружево больше открывало, нежели прятало, подчеркивая каждую мелочь.

Алиса была довольна тем, как застыло лицо Марка, и как загорелись его глаза. Он не шевельнулся, никак вообще не выразил свой восторг, ни словом, ни жестом. Но его взгляд говорил за себя. Никогда он еще не был так откровенен перед девушкой, не показывал вообще ничего своими глазами, все время прятал себя, свои мысли и чувства. И сейчас она впервые видела неприкрытые эмоции, неконтролируемые им, специально демонстрируемые ей. И даже сама ступевалась от того, что увидела. Замерла, прекратив провоцировать, понимая, что добилась, чего хотела: горящих глаз, ответа в них, реакции тела и лица. На нее очень мощно подействовало все это, девушка даже взгляд опустила, тут же скрываясь за дверью примерочной, подальше от прожигающего мужского взора.

Марк же лишь хмыкнул в закрывшуюся дверь, сразу же беря себя в руки, стирая с лица истинность своей реакции. Вот оказывается как — она умеет смущаться! Кто бы мог подумать! Мужчина усмехнулся этой мысли, решив еще хоть единожды добиться такой реакции от Алисы — уж больно она была интересной: ну не вязалось с образом этой девушки хоть какое-то смущение или неловкость!

Из отдела женского белья они выходили уже без смеха. Но смятение девушки продлилось ровно до следующего магазина. И все поновой. В общем, они провели в торговом центре большую часть дня. Поужинали в одном из кафе там же, а после Алиса отправила Марка в гостиницу, назвав ему адрес клуба, куда хотела пойти сегодня ночью. Выразительный скептический взгляд мужчины на эту идею успешно проигнорировала и отправилась в салон красоты.

В номере Марк сгрузил с себя многочисленные пакеты, что таскал сегодня целый день

за Алисой, поражаясь тому, как прошел их день. Но вместе с тем он был полностью удовлетворен проведенным временем. Он морально отдохнул, расслабился в обществе этой девушки, и в принципе был рад тому, что увез ее из школы, где она чахла, словно нежный цветок. Конечно, мало что изменит пара дней в жизни их обоих, но порой такая передышка нужна как воздух. Он не хотел думать о том, что еще недавно все было иначе, что весь последний месяц они оба терзали себя сомнениями, страхами и упреками. Он не желал вспоминать все свои размышления, что не давали покоя ни днем, ни ночью, что терзали душу и разум. У него еще было время привести в порядок свои мозги, а сейчас он желал просто отдохнуть. Он пойдет в этот клуб, он будет развлекать Алису еще целый день и ночь, не думая ни о чем, кроме нее.

Но как бы Марк себя ни увещевал, сидя в баре ночного клуба и медленно потягивая вино в ожидании Алисы, он все равно думал. И думал, и думал.

Мужчина понимал, что все его терзания, все его попытки закрыться от Алисы, оградить и себя, и ее друг от друга потерпели крах, если вообще когда-то могли бы оказаться успешными, в чем он уже искренне сомневался: Марк поймал себя на мысли, что изначально у него не было шансов против этой девочки. Могло казаться, что все под контролем, что все как прежде, и он полностью регулирует свою жизнь, но сейчас четко понимал, что ни хрена подобного! И то, где и с кем он сейчас был, лишь подводило финальную черту его борьбы за себя и с собой. Он понимал, что назад пути уже не будет, что в школу он вернется с совершенно другим настроением и даже другим человеком в какой-то мере. Он погряз в своих неожиданных чувствах и желаниях, потребностях, невозможности отказаться от того, что так манило: Алисы, с ее нравом, характером, живостью души и жаждой жизни. Поздно было что-то предпринимать и метать в поисках выхода. Да и не теперь, когда он впервые за долгие годы ощущал себя живым, по-настоящему человеком, а не существом, что лишь слепо следовало инстинктам и потребностям. Его больше не мучили мысли о том, что ему нужно и чего не хватает, и пусть он не мог все-таки четко ответить на эти вопросы, сейчас они просто перестали иметь такое важное значение, прекратили его тревожить.

Марк не знал, что будет дальше. Не знал, как продолжать вести свою жизнь. И пусть он четко понимал свое отношение к Алисе, от него никуда не делись ни чувство долга, ни ответственность, ни обещания. В этом плане все было гораздо сложнее. Как ему связать две своих жизни — желанную и ту, что он вел? Как соединить в одно несоединимое? И что, в конце концов, пересилит — его ответственность перед своей совестью или эмоции? Сейчас Марк не мог четко ответить на этот вопрос, и лишь надеялся, что Алиса не заставит его выбирать. А чуть позже он найдет выход из ситуации.

Можно было еще очень долго размышлять об этом, строить предположения и планы, предполагать различные ситуации, но ему не дала продолжить появившаяся за спиной Алиса. Он не видел ее, но сразу узнал ее прикосновение к своему плечу — отличил от нескольких из тех, которыми его наградили за последние полчаса желающие познакомиться девушки.

— Не скучал? — спросила Алиса, наклонившись к его уху, чтобы не кричать в музыку, что била со всех сторон.

— Отдыхал от твоего присутствия, — хмыкнул Марк, не удержавшись от язвинки, и повернул, наконец, голову в ее сторону.

Света ночного клуба явно не хватало для того, чтобы как следует рассмотреть девушку — мигание стробоскопа слишком ослепляло. Но ничто не мешало оценить преобразования во внешности девушки. Фиолетовый цвет волос Алиса сменила на не менее радикальный — синий с голубоватыми кончиками. Завитые кудри так же исчезли, сменившись ровными гладкими волосами, длина которых за счет выпрямления увеличилась до самых локтей. И даже бессменные кожаные вещи сменились вполне милым платьем, а жуткие сапоги

туфлями на каблуках, отчего девушка стала чуть выше и грациозней.

— Нравится? — довольно улыбнулась Алиса, дав Марку время как следует рассмотреть себя.

— Ты сомневаешься? — хмыкнул мужчина, глянув ей в глаза. — Но я не удивлен — следовало ожидать от тебя чего-то подобного.

— Некоторые склонности не меняются — я люблю ярко выглядеть, люблю меняться и совершенствоваться, — пожала плечами Алиса, широко улыбаясь. — Пойдем!

— Куда?

— Танцевать! — как само собой разумеющееся выдала девушка, беря его за руку и сдергивая с барного стула. — Зачем, по-твоему, мы сюда пришли?

— Действительно, — пробормотал мужчина себе под нос, — разве мог я рассчитывать на спокойствие с парой бокалов в руке?

Алиса, само собой, не расслышала его ворчания, затаскивая его в самую гущу толпы. Теснота и жар двигающихся тел тут же окружили Марка. Тут и там его задевали танцующие люди, пока девушка тянула его в самый эпицентр этого музыкального безумия. А он, уже привычно безропотно, следовал за ней. Найдя очевидно, самое привлекательное место, Алиса прекратила пробиваться вперед, расталкивая людей и таща на буксире за собой мужчину. Придвинулась к нему поближе, поворачиваясь лицом, улыбнулась ему и начала танцевать.

Они двигались в унисон, видя лишь друг друга, не замечая людей вокруг, отдаваясь ритму музыки. Тонкие ладошки девушки порхали то тут, то там по телу мужчины, незаметно, но целенаправленно заводя его мимолетными намеками. А его сильные ладони прижимали ее к своему телу куда более явно и настойчиво, защищая от случайных толчков танцующих, и вместе с тем трепетно и чувственно. На каблуках Алиса была лишь немногим ниже самого Марка, отчего их взгляды были буквально прикованы друг к другу.

И само собой Алиса не была бы Алисой без очередной провокации. Повернувшись к мужчине спиной, она тесно прижалась бедрами к его паху, а спиной к груди, скользя по нему своим телом, наслаждаясь заводящим трением, близостью и откровенностью танца. Нельзя было не реагировать на подобное, и Марк реагировал, уже не пытаясь это скрывать и контролировать. Стиснутые на ее талии руки, сбитое отнюдь не танцем дыхание ей на ушко, а она лишь улыбалась всему этому, млея от подобной близости и тесноты.

В очередной раз Алиса поелозила своей попкой по паху Марка, довольно усмехаясь, как он резко стиснул ее руками, прекращая это издевательство над собой, и зашептал ей на ухо предупреждающе:

— Не переусердствуй. В это ведь можно и вдвоем играть.

— Ну так давай, — обернулась на миг к нему всем телом Алиса и ответила шепотом в губы, улыбаясь хитро и довольно, — поиграй со мной, — и вновь повернулась спиной.

Марк хищно усмехнулся, резко стискивая ее тело и прижимая вплотную к своему. Одной рукой он удерживал ее за талию, продолжая двигаться в танце, а другая заскользила по ее телу: прошлась по изгибу бедер, кончиками пальцев зацепив подол короткого платья и потянув его на пару сантиметров вверх; скользнула по боку вверх, а потом вперед, очертив контур груди и так же оттянув край выреза, когда большой палец проник внутрь; сжалась на горле, чувствуя, как бешено бьется пульс под пальцами. Марк чуть запрокинул голову Алисы себе на плечо, касаясь кончиками пальцев ее шейки, обхватывая ее всей пятерней, сжимая периодически, сбивая тем самым дыхание на несколько секунд. Девушка едва могла дышать,

прикрыв глаза, чувствуя, как млеет и гудит тело от такой ласки, на грани опасности. И шепот ей на ухо: горячий, едва слышимый, обещающий все наслаждения мира, все соблазны и порочные грехи, заставляющий в красках представлять все в своем воображении.

Жадно хватая губами воздух, с трудом сохраняя остатки здравости, Алиса, повернулась в руках Марка. Ее пальцы с каким-то отчаянием цеплялись за его футболку, притягивая его ближе и ближе, вжимаясь в него всем изнывающим телом.

— Ты выиграл, — только и смогла выдохнуть Алиса, прежде чем прижалась раскрытыми губами к его рту.

Мужчина тут же перехватил инициативу, стискивая покорное тело в руках, и настойчиво врываясь языком в горячий рот. Грубо и напористо он целовал девушку, сам заведенный до предела и уже не сдерживающий себя ни на грамм. Возбуждение огненной лавой скользило по двум телам, что переплетались в объятьях среди толпы, сжигая их изнутри и требуя разрядки. Алиса конвульсивно стискивала в кулачках одежду Марка, раскрываясь ему навстречу, а он в ответ до боли вжимал ее в себя, запутавшись пальцами в синих волосах. Все грани и рамки давно разлетелись под давлением двух человек, не желавших останавливаться. В эти минуты и речи не шло о благоразумии, принципах, рассудительности и серьезности.

Марк первым взял себя в руки, сжал ладонь Алисы и потянул ее за собой из толпы. Как пьяная, девушка следовала за ним, пытаясь вернуть мозги на место и совладать с безвольным телом. Но одного взгляда в горящие глаза мужчины, на его напряженное тело хватало, чтобы прекратить все попытки прийти в себя. Почти бегом они выскочили из клуба, и мужчина пошел в сторону стоянки, где оставил машину. Пикнула сигнализация, он распахнул заднюю дверь и усадил туда Алису — от греха подальше, а сам сел за руль, моментально срываясь с места с визгом горящих шин. К удивлению Марка всю короткую дорогу до гостиницы, Алиса даже не шевельнулась, лишь изредка он ловил ее затуманенный взгляд в зеркале заднего вида. Девушка была напряжена, сжимала колени и пальцы в кулаки, мелко дрожа всем телом. Он и не подозревал, что она может быть такой в своем желании: нетерпеливой, чувственной, сгорающей в своем возбуждении. И ведь что довело ее до подобного? Всего лишь игра. Все настоящее еще впереди, и у Марка все сжималось внутри от предвкушения того, что будет дальше, с какой еще стороны ему откроется эта девушка.

В считанные минуты они доехали до гостиницы по незагруженным ночным дорогам. Останавливая машину прямо перед входом, не желая тратить время на парковку, Марк открыл заднюю дверь, предлагая Алисе руку. Девушка вложила свои пальчики ему в ладонь, и молча пошла следом, когда он повел ее к входу. Проходя мимо людей и обслуживающего персонала, Марк вообще никак не показал того, что с ним происходит, что он чем-то взволнован и взбудоражен: лицо как маска, а телодвижения собраны и тверды. Зато по Алисе все читалось как по раскрытой книге: столкнувшись впервые с подобным физическим состоянием, когда голова шла кругом, а тело едва слушалось, она выглядела растерянной и сбитой с толку. А ее мутные глаза, рассеянный взгляд и частое дыхание выдавали ее с головой. Благо людей почти не было, а те что проходили мимо обращали больше внимания на необычность внешности девушки, а не ее состояние.

Как только створки лифта закрылись, отрезая их ото всех и всего, девушка оказалась приперта большим сильным телом Марка к зеркальной стене. Его руки оказались по обе стороны ее головы, а взгляд, который она наконец-то решилась встретить своим, прожигал пламенем, готовым вот-вот вырваться наружу. Мужчина ничего не сделал, не сказал, не

прикоснулся и не поцеловал. Но только этот взгляд восполнил все: Алиса затряслась еще больше перед ним, снова лихорадочно стиснула его футболку, не скрывая своей жажды его, спрятала лицо у него на груди, пытаясь выровнять дыхание и хоть чуть прийти в себя. Но запах Марка, жар и сила его тела, нависающего над ней, обжигающее дыхание у виска, отголосок шепота в голове, когда он рассказывал о том, что будет делать с ее телом там, на танцполе — и она продолжала плыть лишь от этого, не нуждаясь в дополнительных стимуляциях своего возбуждения.

Лифт остановился, и Марк медленно отодвинулся от нее, снова беря ее руку в свою и отводя, наконец, прожигающий взгляд от ее лица. Секундная задержка перед дверью, чтобы разблокировать замок, и он втягивает ее внутрь. Темнота номера тут же скрыла их друг от друга, но от этого всё происходящее лишь обострилось. Только ощущение сильного и хрупкого тел, только горячее дыхание на губах, только жадные до прикосновений руки — и все тормоза сорваны.

С тихим стоном Алиса приняла жаркий поцелуй мужчины, оплетая руками его шею, прикикая к нему каждым изгибом своего тела, растворяясь в его близости. Сильные руки заскользили по ее спине, опускаясь все ниже, пока ловкие пальцы не поддели подол ее платья. Она с радостью позволила Марку стянуть его с себя, в ответ раздраженно дергая его футболку, от которой он избавился в ту же минуту. Ее ладонки жадно заскользили по рельефному телу мужчины на пару с губами: по шее, плечам и ключицам, груди и кубикам потрясающего пресса. Она не видела, по буквально ощущала всю эту красоту губами и языком.

Выключатель под пальцами Марка щелкнулся в ту же секунду, как Алиса потянула вниз молнию на его джинсах. Он смотрел на нее сверху вниз, тяжело дыша, а она — задрав голову и предвкушающе облизывая губы, сверкая хитрыми глазами, из которых ушла вся растерянность и смятение, и вернулась уверенность и дерзость. Он не стал ее останавливать, лишь сглотнул и шире распахнул глаза, когда ее рот уверенно накрыл его плоть. Она смотрела на него, не отрываясь от своего занятия, отчего все было лишь острее и горячее. Пухлые губы, обхватывающие и целующие его плоть, острый язычок, скользящий по всей длине — зрелища более завораживающего Марк еще не видел: ни одна не могла сравниться с Алисой даже в этом. И не в умениях дело, не в покорной позе, а в том, кем именно была эта девушка для него. Мужчина наклонился чуть вперед, опираясь ладонями о стену, не в силах оторвать взгляда от того, что вытворяла его девочка, но и не в состоянии спокойно терпеть подобное. Ноги подкашивались, что поражало несвойственным для него состоянием, а перед глазами все мутнело. Но не так он хотел все закончить, а потому отшатнулся от Алисы через мгновение и вздернул ее на ноги, отталкивая к стене и заставляя опереться о нее спиной, чтобы смять влажные губы своими. Его руки настойчиво и быстро избавили девушку от белья, оставляя голой перед собой. Горячим взглядом он медленно окинул ее с ног до головы, после встречаясь с ее глазами. Вызов в них снова чуть угас, а дерзость сменилась сомнениями в своей привлекательности. Что за глупости?!

Руки Марка легли на тонкую талию девушки, обхватывая ее почти целиком, скользнули вниз и сжались на упругих ягодицах. Он легко подхватил ее, заставляя повиснуть на себе и обхватить длинными ножками свою талию, и понес в спальню, где опустил на постель, накрывая своим телом и вновь целуя.

Алиса не зажималась, не смущалась и вообще никак не сопротивлялась Марку, не показывала своего легкого смущения и неловкости. Она не боялась, знала, что делать и как,

но правильно Марк однажды заметил — для нее было важным происходящее, а точнее — важен партнер. И лучшего она не могла бы желать.

Губы мужчины оставили в покое ее рот и стали спускаться вниз по подбородку к шее, которую заласкали до острой чувствительности. Одной рукой он поддерживал Алису за талию, опираясь на нее же всем весом, а вторая мягко поглаживала ее спину, бедра, пропуская самое интересное, не торопясь переходить к горячему и желая выбить из девушки остатки здравомыслия такой малостью, показать, как все может быть невинно и вместе с тем страстно.

Опускаясь все ниже губами по телу Алисы, ласки Марка становились смелее и горячее. Сжимая рукой ее грудь, мужчина тут же накрыл ее губами, лаская жадно, настойчиво и требовательно. Девушка выгнулась ему навстречу, застонав в голос и задрожав всем телом, прикрывая глаза и запрокидывая голову. Это были непередаваемые ощущения, сродни которым она не испытывала еще никогда. Ничьи руки и губы, ласкавшие ее до этой минуты, и на процент не были так горячи и желанны. Все тело дрожало и требовало разрядки, напряжение сковывало каждую мышцу, а потребность в кульминации просто сжигала изнутри.

Губы, язык и руки Марка ни на миг не отрывались от ее тела, даря невероятные в своей остроте ласки и поцелуи. Каждое прикосновение обжигало, каждое сжатие отдавалось еще большей требовательностью ее тела, каждый поцелуй тянул за собой следующий. Алиса металась на разворошенной постели под большим мужским телом, закатывая глаза, хрипло дыша и извиваясь в сильных руках. А самого Марка не меньше сжигало наслаждение и желание большего. Он был напряжен до предела, до боли хотелось дойти до конца как можно скорее. Но он терпеливо осаждал свое тело, которое впервые за многие годы с трудом поддавалось ему, чтобы доставить своей юной любовнице как можно больше удовольствия, чтобы показать ей как может быть желанна и прекрасна первая близость. Он желал не разочаровать ее ожидание, ее доверие к себе, и оправдать это так, чтобы она до конца жизни запомнила этот момент, запомнила его рядом.

Опускаясь губами все ниже, Марк своим телом раздвигал стройные ножки до предела, раскрывая Алису перед собой самым откровенным образом, получая доступ к ее влажной изнывающей плоти для своих губ. Девушка вскрикнула и немислимо выгнулась, запуская пальцы ему в волосы, когда его рот опустился между ног так правильно и жадно. Она стонала без перерыва, не в силах сдерживать свое тело от конвульсивных содроганий — настолько все было сладко и до умопомрачения необходимо. Это было нежно, это было бережно и ласково, но вместе с тем так возбуждающе, что хотелось кричать в голос о своем наслаждении.

Марк оставил ее на самой грани, хныкающую, изнывающую от потребности удовлетворения, требующую продолжения, покрытую испариной с ног до головы, с разметавшимися по постели синими волосам и искусанными губами. Он смотрел на нее, облизывая с губ сладкий аромат, его руки скользили по раскрытому телу, а глаза бешено сверкали, когда он наклонялся к ее запрокинутому личику. Алису всхлипнула ему в рот, до боли сжимая его руки, когда он приник к ее губам очередным поцелуем — глубоким и пошлым, с ее собственным привкусом. Девушка оплела его ногами, заставляя прижаться к себе как можно ближе, сходя с ума от трения плоти о плоть и желая, наконец, заполучить ее в себя, где все требовало и сжималось в ожидании, где болезненно скручивало спазмами внутренности, и не было никакого иного способа избавиться от этой боли, кроме как

ощутить себя наполненной до предела.

И Марк уже сам не мог сдерживаться, не тогда, когда она так просит своими огромными глазами, не тогда, когда ее тело раскрыто перед ним, готово и ждет, когда ногти до крови раздирают кожу на руках. Не отрывая взгляда от мутных глаз, мужчина выпрямился на руках, а через мгновение уже был внутри, войдя резко и безжалостно. Алиса даже не вскрикнула, не воспротивилась первой боли — настолько сильно она желала ее, наконец, почувствовать, ощутить, чтобы быть уверенной, что больше он не станет медлить. Ощущения были непередаваемые. Марк замер в ней на несколько мгновений, давая прочувствовать этот момент, понять свое тело и принять новое удовольствие. Он склонился над тяжело дышащей девушкой, касаясь губами ее лица: щек, прикрытых глаз, подбородка и, наконец, губ — едва ощутимо, нежно, пытаясь отвлечь себя самого от излишней поспешности и желания продолжить сию секунду.

Алиса медленно раскрыла глаза, встречаясь взглядом с его — темными от желания, горящими от сжигающего возбуждения, дикими от похоти. Облизнула вмиг пересохшие губы и подалась к нему всем телом, прижимаясь к его раскрытому рту и впуская его плоть в себя чуть глубже, до самого конца, до предела. И это окончательно сорвало с мужчины все тормоза. С тихим подавленным рыком он сделал первое движение — резкое, сильное и жесткое.

— Прости, не могу больше ждать, — едва смог произнести Марк ей в губы.

— Не хочу нежности, — выстонала Алиса в ответ, цепляясь руками за его плечи. — Покажи мне себя настоящего.

И он показал. В каждом движении, в каждом стоне, в каждом крике, сильном поцелуе и безжалостном сжимании рук Марк отпускал на волю свою сущность, свою живую страстную натуру, свой темперамент и жар желания. Притягивая Алису себе навстречу, сжимая ее в своих руках, управляя ее телом на себе, вырывая стоны и крики из ее горла, он дико ласкал руками, губами все, до чего дотягивался. Наматывая длинные волосы на руку, и выгибая ее под собой до предела, вылизывая запрокинутое горло, впиваясь в него зубами до сладкой боли, он рвал ее тело на части от непереносимого наслаждения. Она уже не могла кричать, лишь хрипло стонала сорванным голосом. Не могла никак контролировать свое тело, которое сотрясалось от наслаждения, от следовавших одного за другим оргазмов. Самого Марка сотрясало не меньше: от ее близости, ее отдачи, раскрепощенности и абсолютного подчинения. Она подавалась навстречу каждому толчку, вздрагивала от каждого прикосновения рук и всем своим существом рвалась к нему, не давая останавливаться и тормозить. Было умопомрачительно хорошо, и все же мало. Она просила «еще» и требовала «сильней». Затуманенное сознание работало лишь в одном направлении — не прекращать этого безумия. И в какой-то момент стало настолько хорошо, что Алиса буквально лишилась чувств в сильных руках мужчины после очередного сокрушительного оргазма, который и его привел к финалу бешеного марафона дикости и страсти.

Опуская безвольное измученное тело девушки на влажные, изодранные и смятые простыни, Марк сам дрожал всем телом от накрывшей слабости и удовольствия. Упал рядом с Алисой, притягивая ее к себе в объятия, и прикрыл глаза, наслаждаясь отголосками экстаза и восстанавливая дыхание.

Марк никогда не предполагал, что близость может быть такой...такой...даже слов не было, чтобы описать всю гамму эмоций и ощущений! У него было достаточно опыта и партнерш, даже подростковый бум всегда казался ему самым совершенством в плане

разнообразия и экспериментов, полноты ощущений и чувств. Но сегодняшняя ночь перечеркнула абсолютно все, заставляя его признать, что и в будущем вряд ли подобное еще когда-либо повторится, будь рядом с ним иная девушка. Это ведь был не просто секс, не просто физическая разрядка. Это была потребность — жгучая, выросшая под напором новых, чуждых ему чувств, которые он признавал с таким трудом, и которые обернулись всем произошедшим, и от которых он уже не сможет когда-либо отказаться. Это было больше, чем горячее соитие: это был финал его борьбы с собой, завершающий штрих, точка.

Сонм чувств обуревал сейчас голову Марка, но едва хватало сил думать о них: он был вымотан, он был доволен и удовлетворен, и ничто сейчас не трогало, даже буря в душе. Волновала сейчас лишь близость Алисы, которая все еще не пришла в себя, дыша загнанно и поверхностно. Мужчина мягко коснулся ее личика, нависнув над девушкой, пытаясь привести ее в чувства, и лишь спустя пару минут она едва смогла раскрыть глаза, томно и пьяно глядя на него, мало что понимая и все еще плавающая в своих новых, и таких ярко появившихся ощущениях невиданного прежде блаженства в теле.

— Что-то болит? — немного нахмурившись, спросил Марк, с тревогой глядя на невменяемую девушку.

— Горло, — едва слышно просипела Алиса. — Пить хочу.

Мужчина хмыкнул, но поднялся с постели, чтобы принести ей воды, хотя понимал, что сорванным голосовым связкам это не поможет. И нужно бы пожалеть Алису, но ее сладкие стоны до сих пор звучали в его ушах музыкой. То, как она просила «еще», как громко кричала под ним и над ним — в голове снова мутнело от воспоминаний, а уставшее тело отзывало вполне определенным образом, и плевать, что было вымотано и обессилено.

С жадностью Алиса приникла к бутылке с водой, блаженно прикрывая глаза, а после вновь упала на спину, отдав последние силы, чтобы сесть, минутой ранее. Она отвела дрожащими пальцами прилипшие к лицу пряди волос и раскинулась на всю кровать, довольно выгибаясь под насмешливым и понимающим взглядом мужчины. Марк скользнул к ней обратно в постель, прижимая к себе ее мягкое тело, которым Алиса тут же взобралась на него целиком, с удобством устраиваясь на нем сверху, утыкаясь носом в его шею и прикрывая глаза. Ему оставалось лишь хмыкнуть, мягко чмокнув ее в макушку перед носом, накрывая их покрывалом, которое спасало остывающие тела от озноба.

Уже поздним утром Марк нежился под теплыми струями воды в душе, когда Алиса проснулась в их постели — помятая, разбитая, взлохмаченная, но удовлетворенная донельзя. Улыбка расплылась по ее личику, которое не портил ни расплывшийся макияж, ни следы пары бессонных ночей. Она, мурлыкая, потянулась всем телом, чувствуя, как изменились все ощущения в нем, как оно отзывалось там, где прежде молчало, как оно чувственно вздрагивало от одних лишь воспоминаний, что промелькнули перед взором девушки. Ей самой показалось, что она покраснела от того, что всплыло в памяти, но через миг довольство окончательно побороло мимолетное смущение и стыд. Ей понравилась каждая минута в объятьях Марка, она не жалела и не стыдилась ничего из того, что они вытворяли ночью. Все произошедшее было прекрасным, чувственным, и никакие запреты и мораль не могли этого обесценить.

Услышав через время шум воды в ванной, Алиса почувствовала острую необходимость присоединиться к любовнику: во-первых, хотелось прижаться к его большому крепкому телу, вновь почувствовать на себе его сильные руки и жадные губы; а во-вторых — была потребность просто привести себя в порядок, смыть следы бурной ночи с лица и тела.

Марк узнал о появлении Алисы задолго до того, как ее ладошки легли на его спину и прошлись по ней сверху вниз — как только бесшумно раскрылась дверь, и она тихонько скользнула в ванную комнату. Улыбаясь чему-то неопределенному, он повернулся к ней лицом, и она тут же оказалась в его руках, подставляя лицо под теплые струи воды. Он мягко смывал пальцами следы косметики с ее личика, ласково вымыл ее волосы, вспенивая шампунь массирующими движениями, смыл с ее тела вместе с гелем для душа испарину, собственные следы с самых укромных уголков. Все это было в тишине, глаза девушки были закрыты, а на ее губах играла легкая улыбка. Она позволяла ухаживать за собой, ласкать, будто давая ему возможность извиниться этой заботой за некоторую ночную грубость, восполняя недостаток нежности. Лишь когда он вынес ее на руках из душа, она раскрыла глаза, мягко улыбаясь ему. Марк улыбнулся в ответ, коснувшись губами ее лба, поставил на пол и закутал в полотенца с ног до головы, снова подхватил на руки под тихий смех, возвращая ее в спальню.

— Только не в кровать. От нее пахнет...

— ...сексом, — закончил ее мысль со смешком Марк. — Она пахнет нашим сексом. Весь номер пропитан этим запахом.

— Горничной придется покраснеть, — хмыкнула Алиса, с удобством устраиваясь на коленях севшего на диван мужчины.

Она обвила руками его шею и прижалась щекой к плечу, умиротворенно закрывая глаза. Но лишь на миг, поскольку в следующее мгновение она уже хитро смотрела на Марка.

— Что? — уже зная этот ее взгляд, протянул он, ожидая очередной каверзы, поддевки или насмешки.

— После сегодняшней ночи ты просто обязан на мне жениться! — серьезно кивая

заявила Алиса, с прищуром глядя на улыбающегося мужчину.

Ее серьезности хватило не надолго, и она тоже прыснула, снова пряча лицо у него на шее.

— Ты моя первая девственница, поэтому тоже кое-что мне должна, — протянул не менее хитро Марк.

— И что же ты хочешь? — подняла на него взгляд девушка.

— Продолжения, — скользнув рукой под ее полотенце, выдохнул ей в губы мужчина, накрывая их своими, следом же укладывая ее на спину и накрывая своим телом.

Нетерпеливо срывая с нее полотенца, что сам же и наматывал, Марк жарко покрывал ее шейку поцелуями, зализывая следы, оставленные им же совсем недавно. Алиса была несколько не против, обхватывая коленями его бока и притягивая к лицу его голову, чтобы снова получить глубокий поцелуй, от которого неизменно закружится голова.

Остаточное безумие прошлой ночи вновь завладело ими, заставив еще на несколько часов окунуться лишь друг в друга, забыв обо все мире за стенами комнаты. Снова стоны, снова хриплое дыхание, снова просьбы и мольбы сорванным голосом, тихие звериные рыки над ухом, влажные переплетенные тела, вжимающиеся друг в друга. И как финал — яркий экстаз, разделенный на двоих.

— Я никогда не устану этим заниматься, — выдохнула удовлетворенно Алиса, снова довольно потягиваясь верхом на Марке, который лишь хмыкнул на ее фразу.

— Все приедается со временем. Даже удовольствие, — высказал он очевидное и доказанное заверение.

— И как быстро я тебе надоем? — заглядывая ему в лицо, спросила девушка без всякой серьезности, изгибая губы в усмешке.

— Ты? А вот это уже вопрос, — обведя пальцами овал ее лица, протянул мужчина, нежно глядя ей в глаза. — Кажется, ты всегда будешь удивлять, интриговать, затягивать в свой омут беззаботности. Вопрос в другом — как быстро тебе надоем я? Или кто-то другой, кто-то еще, третий, десятый. Ты получила что хотела, и как надолго хватит твоего азарта и интереса?

— Ты не игра для меня, — тихо ответила Алиса, без смеха, серьезно глядя ему в глаза.

— Хорошо, если так.

— Не сомневайся.

— Ты сама не уверена в правильности этих слов, в их правдивости, — без всякой обиды возразил Марк, продолжая касаться ее лица, разглаживая пальцами хмурые складки между бровей и на лбу. — Люди, мужчины никогда не имели для тебя значения.

— Ты знаешь, что с тобой это изменилось.

— Я не спорю. Говорю лишь о том, надолго ли, — пожал плечами Марк. — Ты не можешь отрицать, что твой интерес всегда, ко всему и всем, гаснет очень быстро. Лишь карты остаются постоянным элементом. И даже это, кажется, со временем перерастет во что-то другое: еще пара лет и этот азарт так же перестанет тебя привлекать.

— Сомневаюсь, — скривила носик девушка.

Ей вообще не нравилась тема, о чем она тут же сказала. Марк не стал настаивать на продолжении разговора, потому как сам не желал об этом думать и углубляться так сильно. Он будет жить сегодняшним днем, как это умеет делать Алиса, возьмет у нее эту привычку. Размеренность, график и распорядок его собственного существования уже давно перестал его трогать и заботить, перестал удовлетворять. И пусть новый способ все еще казался

глупостью, он пойдет на это. Рискнет попробовать, рискнет испытать на себе все сопутствующее подобному отношению к жизни. Вернуться к контролю никогда не поздно, а вот решиться за безумство — это его первая попытка за все тридцать с лишним лет его жизни. И вряд ли у него еще когда-то хватит смелости, если он отступит сейчас.

— Пойдем гулять, — отвлекла его от раздумий Алиса, поднимаясь на ноги. — Давай дадим горничной возможность позавидовать нам.

— Я попала! — Алиса довольно запрыгала на месте, восторженно глядя на стоящего за спиной Марка, взгляд которого был полон скепсиса и снисхождения. — Вот всегда ты так, — надула губы девушка, когда заметила, что он не разделяет ее удовлетворения. — Хоть бы раз похвалил.

— Ты отвратительно стреляешь, за что я должен тебя хвалить? — хмыкнул мужчина.

— Я же попала в мишень! И потом, ты сам сказал, что для меня и этого довольно. Мог бы просто не делать такой страдальческий вид, — разряжая пистолет, ворчала Алиса. — А в метании я вообще почти ас, а ты все равно недоволен.

— Я не недоволен. Я просто не разделяю твоей радости и воодушевления. Я видел куда лучшие результаты, куда лучших стрелков, и на их фоне ты явно не так хороша, как считаешь, — честно ответил Марк, убирая оружие в сейф.

— Слово «лесть» тебе не знакомо? — пробурчала, стоя за его спиной, Алиса.

— Твоему самолюбию хорошо и без моей лести, — хмыкнул он, бросив на нее хитрый взгляд, на что девочка лишь язык ему показала, недовольно скорчив милое личико.

Она нарочито надула губы, сложила руки на груди, опустил голову и глядя на него исподлобья, опираясь бедрами о край стола рядом с ним. Марк уже давно научился игнорировать старания Алисы вызвать к себе жалость, умиление или еще что-то в этом роде. Ему казалось достаточным того, что эта девушка и без того получает от него куда больше, нежели кто-либо другой: повсеместные похвалы и послабления будут уже лишними. К тому же, она лишь делает вид, что ее задевает его напускное равнодушие, на самом же деле она нисколько не обижена и не огорчена подобным к себе отношением. Вообще, все это скорее делалось по привычке, чтобы его позлить и раздражить. Но Марк прекратил на это вестись окончательно, и порой Алисе не хватало их пикировок, без которых не обходилось ни одно их занятие прежде. А с другой стороны ее вполне устраивала альтернатива — он был ее целиком и полностью: уже не было нужды привлекать внимание, флиртовать, задевать, злить и раздражать — все его внимание и без того принадлежало ей. В один момент девушка вспомнила слова Марка о том, что вскоре ей это надоест, когда она потеряет стимул добиваться его. И не было причин сомневаться в том, что так и будет — Алиса знала себя и свою натуру. Но к собственному же удивлению, интерес к этому мужчине никуда не делся, не сбавился, не притих. И даже наоборот — стал сильнее, нужнее, необходимее. Это было уже постоянство, с которым Алиса никогда не дружила, но радовалась тому, что это изменилось. Марк был дорог ей по-своему, она доверяла ему, как никому и никогда прежде, но даже сама не понимала, почему он вызывает в ней эти чувства. Лишь радовалась, что все так, как есть.

— Массаж? — вопросительно протянула Алиса, когда Марк убрал следы их тренировки в тире.

— Ты давно не нуждаешься в нем.

— Я нуждаюсь в твоих руках на своем теле без всяких условностей, — промурлыкала

Алиса, прижавшись к его спине всем своим телом и оплетая руками его торс.

— Ты хочешь здесь? — повернул к ней лицо мужчина, вопросительно и насмешливо выгибая бровь.

— Да, где угодно кроме твоей спальни, которая мне уже опостылела, — вновь выразила недовольство Алиса, поднырнув под его руку и становясь к нему лицом.

— Я не собираюсь выставлять на обозрение всей школы свою личную жизнь.

— С Евой тебя подобное не останавливало: как я слышала, вас где только ни видели, — язвительно прищурилась девушка.

— Ревнуешь? — хмыкнул Марк, касаясь ее подбородка и заставляя смотреть себе в глаза. — Кто бы мог подумать! И потом, все вокруг изначально считают нас любовника, так зачем демонстрировать это так наглядно? Или тебе снова не хватает острых ощущений?

— Так ты дашь мне их? Или так и будем чесать языками? — наклоня к себе его голову, прошептала Алиса.

Марк только улыбнулся, накрывая ее губы своими, сжимая руками тонкую талию и притискивая к себе хрупкое тело. Он легко поднял девушку и усадил на стол, вставая между ее раздвинутых коленей, делая поцелуй глубже и сильнее. Руки Алисы скользнули под его футболку, проходясь ногтями по напряженному прессу, что так нравилось ему, а после потянулись к пряжке ремня на джинсах.

— Не помешаю? — раздался напряженный голос со стороны.

Марк не спеша оторвался от губ девушки и повернул голову к Денису, встречаясь взглядом с его прищуренными злыми глазами. Он и не подумал сделать вид, что появление парня заставляет его почувствовать себя неловко, поскольку этого и не было. Он лихорадочно не отодвинулся от Алисы, не убрал рук с ее талии и волос, в которых были его пальцы, а спокойно выпустил девушку из объятий, позволяя ей спрыгнуть на пол.

— Я хотел поговорить с тобой, — перевел на нее взгляд Денис, начисто игнорируя присутствие бывшего куратора.

Алиса кивнула на вопросительный взгляд Марка, и только после мужчина направился к двери, оставляя их одних. Проходя мимо студента, поймал его бешеный взгляд, но ничего не сказал, лишь нахмурился, скрывшись за дверью. Ему не нравилось то, что происходило с его бывшим учеником — категорически не нравилось. Месяц назад, когда сразу после возвращения из памятной поездки в город, Алиса прямо послала уже не нужного ей парня, Дениса словно подменили. Марк и не предполагал, что все между этими двумя зашло настолько далеко, что он будет так реагировать. Точнее, лишь он один волнительно отнесся, сама же Алиса поставила все точки над «i» без малейшего сомнения, сожаления или даже мягкости: прямо и четко заявила парню, что он лох, который повелся на ее игру. Больше Денис даже не подходил к девушке, вот только его вид и поведение с потрохами выдавали, как на самом деле ему тяжело и непросто: мало того, что его развели, обыграли, так он еще и влюбился по уши в этот мираж!

Алиса по этому поводу не парилась, не сожалела, и вообще не говорила о парне, игнорирую его тоскливые, злые, а порой откровенно влюбленные взгляды. Марк даже заметил, с каким пренебрежением и даже презрением девушка отвечала на них: она была разочарована в слабости человека. А сам мужчина не только разочарован, но и огорчен. Буквально через пару месяцев этому парню выходить в жизнь, уезжать из школы, увозя с собой свою группу, за которую он несет ответственность, как ее руководитель. А от волевого, сильного, решительного и целеустремленного человека, каким его буквально ковал

Марк, не осталось и следа. Сломанный, слабый и никак не могущий взять себя в руки мальчишка. И ведь сделать мужчина ничего не может: сам отказался от этой группы. Да и не будь это так — вряд ли бы он смог вставить парню мозги, не младенец, чтобы бесконечно учить уму-разуму, тыкать носом в ошибки и требовать исправления. Он не хуже Марка понимает, как важно для него собраться, побороть свои чувства и привязанности. Знает, что подобное его состояние никому не принесет пользы, лишь вред.

Марк не стал дожидаться Алису, давая ей возможность самой привести парня в чувства, а ему понять, наконец, что пора взять себя в руки. В своем кабинете мужчина принялся за бумажную работу, погружаясь в отчеты и планы занятий, изучая дела новичков, которых привозили буквально каждый месяц по паре человек взамен тех, кто уходил из школы. И где только брали всех этих детей? Как находили? Марк даже вникать не хотел в объем работы тех, кто вербовал новых учеников. Прервала его занятие Алиса, гневно влетевшая в кабинет и со всех дури хлопнувшая дверью. Марк только бровь вскинул, глядя на нарезающую круги по помещению злющую девушку. Ее явно так завел разговор с Денисом. Мужчина даже спрашивать не стал, что произошло, зная, что уже через пару минут она сама выльет на него все свои эмоции вместе с рассказом о том, что заставило их выплеснуться через край. Так и произошло.

— Слабак! Хлюпик!словно мальчишка, живущий в облаках!

Чем большими эпитетами Алиса награждала парня, тем сильнее хмурился Марк. Он не думал, что все настолько плохо: по рассказу девушки выходило, что парень просто в отчаянии, что готов на все ради нее. И все бы хорошо, романтично и прекрасно, будь это нормальная жизнь подростка, который впервые влюбился, и девушки, которая с трепетом ждала бы этих чувств. Но это не нормальная жизнь, где всему этому есть место. Здесь это самая унизительная слабость, которая погубит все, чего добивались многие годы ты сам и все вокруг тебя.

— Это тебе урок на будущее — не играть с людьми так жестоко, — только и сказал Марк Алисе, когда та чуть остыла и села, наконец, прекратив мельтешить перед глазами.

— Я не думала, что он такой слабак, — повторилась в своем определении уже раз в десятый девушка, недовольно сведя брови. — Я ничего ему не обещала, ничего не просила, а он губы раскатал! И даже не в этом суть! Он готов унизиться, готов наплевать на все, чего добился ради своих глупых чувств!

— Не думал, что тебя это заботит, — не мог не заметить Марк.

Он действительно не представлял, что для Алисы стало иметь значение то, что здесь прививалось.

— Я просто знаю цену всем его усилиям, вижу это в глазах людей вокруг, в их боли и столах. А он так легко наплевал на годы своего труда! И как это должно его характеризовать? По твоим же словам он был лучшим, и во что превратил себя? Не надо винить меня, — сказала девушка, когда Марк уже открыл рот, — я лишь слабое испытание, которое он не прошел. Не настолько он был мне нужен, чтобы я стала ломать его вот так.

С этим Марк не стал спорить, снова задумавшись на тему того, где и как ошибся с этим парнем. Возможно, дело было в том, что ему нужен был подобный выплеск? Как той же Лесе? Возможно, он просто не выдержал этого давления окружающих, семьи, преподавателей, собственных убеждений в том, что поступает и живет правильно?

— Не хочу о нем говорить, — проворчала Алиса, перемещаясь к Марку на колени и его отвлекая от раздумий. — На чем мы остановились? — она хитро подмигнула ему,

наклоняясь к его губам.

Но не успела даже притронуться, как за дверью раздались шаги.

— Ну что за день сегодня! — страдальчески протянула Алиса, закатывая глаза и слезая с его коленей, чтобы не ставить Марка в очередную неловкую ситуацию.

И хоть она сама не особо стремилась к конфиденциальности их отношений, его она понимала: ему не нужны сплетки, не нужны шепотки, не нужны разговоры ни студентов, ни преподавателей за спиной. Понимала, что он также не хочет выставлять на обозрение свои истинные чувства, которые рядом с ней просто были неподконтрольны ему, стараясь для всех вокруг оставаться таким же непробиваемым, сильным и безжалостным. И в какой-то степени это нравилось Алисе: лишь с ней он был настоящим, лишь она видела его таким. Это льстило, плюс было очень ценно, и разбазаривать эту ценность она не желала.

Когда Тимур вошел в кабинет друга, ничто не выдавало того, что могло бы здесь случиться минутой ранее. Он лишь вновь понимающе посмотрел на Алису, что в последнее время неотрывно была при Марке.

— Нужно поговорить, — произнес Тим.

— Я пойду, — тут же понимающе поднялась с места девушка, кивнув на прощание Марку.

— Что ты хотел?

— Твоя группа.

Марк только хмыкнул, поражаясь совпадению своих размышлений и теме разговора от Тимура. Явно не просто так — проблема назрела.

— В чем дело? — вздохнул мужчина.

— От тебя требуется составить подробные характеристики на каждого в отдельности и на группу в целом. Здесь, — он отдал ему папку, что принес с собой, — краткие от всех преподавателей, с которыми они занимались. Твое дело обобщить и связать в одно. Пары недель хватит?

— Думаю, да, — кивнул Марк. — Скажи, — задумчиво начал он, — как быстро группа начнет работать?

— По-разному. А в чем дело? Волнуешься?

— Вроде того, — не стал называть причин своей тревоги мужчина, раскрывая первую папку сверху, на которой было имя Дениса.

Тимур отдал еще несколько распоряжений и ушел, оставляя друга в размышлениях. Вернулись мысли, которые прервала Алиса, и все это вместе Марку предстояло переварить и сделать вывод.

— Резче. Сильней, — комментировал Марк каждый удар Алисы по груше, что она наносила, пыхтя и скрепя зубами.

Стадию ворчания и причитания на тему «я-уже-умею-и-какой-ты-зануда» они уже прошли, и сейчас девушка в поте лица тренировалась, бросая на Марка недовольные — впрочем, как всегда в такие моменты — взгляды, непрерывно ворча себе под нос что-то.

— Все! Не могу, — выдохнула Алиса, опуская безвольно руки, перчатки на которых сейчас казались чугунными, а не кожаными.

— Слабо, — сделал очередной неутешительный вывод Марк.

Алиса только глаза закатила. Конечно, слабо! Она ведь не боец! И он знает это, но все равно каждый раз тыкает носом в очевидное. Девушка просто стала списывать это на его привычку оценивать каждого своего ученика на своих занятиях, и прекратила обижаться на это.

Алиса устало присела на маты, стянула перчатки и приняла из рук мужчины бутылку с водой, жадно отпивая. Марк сел рядом, помогая разматывать на ее ладонях защиту под перчатки.

— Ты когда-нибудь перестанешь меня гонять в этом чертовом зале? — спросила девушка, следя за тем, как он ловко и быстро освобождает ее ладошки, которые слегка трусились от перенапряжения.

— Нет, — хмыкнул Марк. — Тебе нужно куда-то девать свою энергию.

— Я знаю место и действие куда приятней, — с намеком протянула Алиса, под укоризненное качание головой мужчины.

— Твоя воля, ты бы не вылезала из моей кровати.

— Да, мне там нравится, — непосредственно согласилась девочка, тут же рассмеявшись.

Но быстро стерла с лица улыбку, когда дверь в зал открылась, и внутрь буквально ворвался, или даже влетел, Денис. А за ним и остальные из бывшей группы Марка, который более нерешительно замерли поодаль.

Мужчина с девушкой поднялись на ноги. Он тут же нахмурился, догадываясь о причине появления парня, а Алиса лишь вопросительно смотрела то на одного, то на другого, которые стояли напротив и сверлили взглядами оппонента — гневно и абсолютно спокойно.

— Что это? — процедил сквозь зубы Денис, впихивая Марку в руки листы бумаги, что сжимал в кулаке.

— Твоя характеристика, — ответил мужчина, даже не глянув на них.

— Что это значит? — все так же буквально вибрируя от гнева и ярости, шипел мальчишка, практически с ненавистью глядя на бывшего куратора.

Никогда раньше он не позволял себе подобных взглядов в сторону преподавателя, да собственно и поводов не было. А сейчас целых два — Алиса за спиной Марка, и то, что было в этих бумагах. И если первое все старались игнорировать, то второе просто не могло

остаться незамеченным.

— Я вполне ясно высказал свои мысли, что именно тебе не понятно? — все так же спокойно ответил Марк.

— Ты отстранил меня от моей группы?!

— На это есть причины.

— Мы и пришли их узнать, — шагнула вперед Арина, положив в успокаивающем жесте ладонь на плечо парня. — Объясни, в чем дело? Мы не понимаем.

— Группа не может лишиться меня! — продолжал рычать Денис, сжимая кулаки, не смотря на попытку Арины немного сгладить накаляющуюся обстановку. — Я — ее шанс на лучший успех за стенами школы! Благодаря мне они все, — он кивнул головой за спину, — получают шанс на нормальную работу, нормальную жизнь!

Марк прищурился, возвращая себе привычный им облик безжалостного учителя, который почти два года был для них царем и богом, которого слушались после одного подобного взгляда, не смея спорить и противиться.

— Это не группа потеряла тебя. Это ты потерял группу! — холодным, резким тоном начал Марк, отчего Алиса за его спиной даже поежилась — ни разу не достаивалась «чести» терпеть на себе подобную резкость. — Группу, которая подходила тебе на сто процентов! И из-за чего? Из-за собственной слабости! Ты расклеился! Размяк! И такой ты им не нужен. Лишь помеха, брешь в их защите своих жизней!

— А ты не расклеился? Не размяк? — прошипел Денис, бросив взгляд на синеволосую девочку за ним.

Его злость была обоснована всеми чувствами, что не давали ему покоя последнее время: обидой за то, что Марк отказался от них; обидой на Алису за ее игры с ним; ревностью к ним обоим вместе взятым. И характеристика Марка оказалась последней каплей — он не выдержал.

— Я свое отвоевал, — казалось, что еще холодней тон голоса человека быть просто не может, но мужчина доказал обратное. — И мои слабости уже ни для кого не преграда и не уязвимость. А вот ты — да. Ты нес ответственность за свою группу как ее руководитель, теперь же тебе не до этого. Ты погряз в своих эмоциях, своих переживаниях и своей боли. Позволил завладеть всему этому твоим холодным разумом. И никто из них, — он кивнул на ребят за спиной парня, — больше не может на тебя полагаться и рассчитывать. Именно во избежание вреда им ты отстранен от своей группы. Возьмись за ум, и возможно тогда получишь шанс вернуть свою команду, которая именно твоя, которая готовилась для тебя и под тебя, где каждый подобран идеально. А нет — ты потеряешь их, тех, кто стал твоей самой сильной стороной, опорой, защитой и поддержкой. Таких, как они, ты больше не встретишь никогда — ни по отдельности, ни вместе. Ты лишил себя лучшего, что я сделал для тебя. И в этом нет моей вины. Можешь поехать домой, как только выйдешь за эти стены, прижаться к мамочке под бок и выплакаться, как следует. А можешь взять себя в руки и добиться опровержения моих слов. Если успеешь, — зловеще шипел Марк в конце. — Потому что у тебя будет всего пара недель после отъезда, чтобы вернуть доверие своих людей. А нет — и ты никогда больше не увидишь их — лучших из лучших. И будешь прозябать на задворках, где-нибудь в офисе в окружении таких же болванов, как ты сам. Но ведь не этого ты хотел, придя в эту школу? Ты хотел настоящей жизни, опасности в крови, спасать людей. Но никто не даст тебе всего этого, глядя на тебя вот такого, — он пренебрежительно окинул его взглядом с ног до головы. — И не во мне дело. Не на меня

будут смотреть. И если я промолчу, люди увидят сами. Но я несу ответственность за всех вас, и за тех, кто сейчас за твоей спиной. И мое молчание может дорого им стоить. И если ты опустил руки, то за них я еще поборюсь. Тебе легко найти замену, а вот таким как они — нет. Ты один из сотен семей-военных, кто так же рвется защищать свою страну во имя долга, чести семьи, наследственности. А они уникальны каждый по-своему. И эту уникальность уплывет из твоих рук по твоей же вине.

Тишина после слов Марка была оглушительной. Алиса оторопело смотрела на каждого, кто был сейчас в зале. Арина задумчиво кусала губы, явно соглашаясь и принимая каждое слово куратора. Андрей растерянно чесал затылок, явно сбитый с толку такой горячностью и защитой: он вообще мало видел, занятый своими «железками». Ему было все равно кто рядом. Костя проявил всю свою редкую для него серьезность, с которой смотрел то на Марка, то на Дениса. А Леся единственная, кто поняла все изначально и прекрасн оценивала поведение и своего одноклассника, и своего куратора. Она была согласна с каждым словом мужчины, понимала их правоту и справедливость. Сам Денис был все так же рассержен и, бросив на преподавателя еще один гневный взгляд, быстро вышел из зала. Марк лишь холодно смотрел ему в след.

— Что будет с нами? — нарушила тишину Арина, посмотрев на Марка.

— Не знаю, — честно ответил тот уже более спокойно. — Без него вы неполноценны, хоть и хороши по-своему как универсалы. Потребуется время, чтобы найти — или вернуть — добавочный элемент. Либо вас, как группы, просто не станет. Каждому найдут применение, вопрос лишь в том, что лучше всего ваши умы использовать вместе — я готовил вас друг для друга. Но это решать уже не мне.

— Ты не можешь повлиять на него? — спросила Леся, нахмутив брови.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Если до него не дойдут мои слова, то и держаться вам за него нет смысла — он не оправдает вашего доверия. Если же возьмется за ум...

— В тебе причина, — скрипнув зубами, произнесла Леся, переведя взгляд на Алису и обращаясь к ней же. — Ты сделала его таким.

— Грош цена ему, если он поддался всего лишь мне, — недовольно ответила девушка. — Я не последняя, кто будет пытаться выбить его из колеи. И не моя вина, что он не в состоянии вернуть себе здравость ума.

— Она права, — тихо ответила Арина. — Вина его — целиком и полностью. И ему же с этим справляться. Нам остается лишь ждать.

Марк кивнул на слова девочки, и ребята двинулись к выходу.

— Я уж думала, из меня козла отпущения сделают, — тихо пробормотала Алиса, когда за гостями закрылась дверь.

— Я не виню его за то, что он не устоял перед тобой. Сам такой же.

— Ты правильно сказал — для тебя это не проблема. Для него — его слабость стоит жизни. Он не сам по себе, у него есть ответственность. Он об этом забыл. Ты напомнил. Он возьмет себя в руки, — почему-то с уверенностью закончила Алиса.

— Посмотрим, — только и сказал мужчина.

Марк уже несколько часов не мог закрыть глаза и оторвать взгляд от Алисы, что безмятежно спала рядом, сжавшись, как всегда, в комочек, если не оплетала его всей собой. Ему до ее спокойствия было слишком далеко, чтобы он мог вот так же умиротворенно спать, зная, что уже завтра вечером они попрощаются.

Когда Алиса только приехала сюда и достала его в первые же пару часов знакомства, казалось, что полгода, что она проведет в этой школе, не закончатся никогда. Но на деле это время утекло как вода. И впервые расставаясь с кем-то из учеников, Марк чувствовал себя таким опустошенным. Даже уехавшие пару дней назад Леся, Арина, Костя, Андрей и Денис не заставили его ощущать себя таким потерянным. Глядя им в спины, он лишь чувствовал смутную тоску, да тревогу за то, что с ними будет дальше. Но даже это затмилось осознанием того, что очень скоро настанет черед вот так же смотреть в след Алисе.

Пожалуй, всю силу своей привязанности, своих чувств к этой девочке Марк оценил лишь сейчас, когда взгляд не мог отвести от нее, когда старался запомнить каждую черточку на ее лице, каждую родинку на теле, и узор татуировок. Но дать определение этой самой привязанности так и не мог. Или просто не знал, как назвать это чувство всепоглощающего спокойствия рядом с ней, гармонии в душе, ощущения легкости, которая давала дышать свободно, желания взять за руку и не отпускать никогда, не прекращать смотреть в задорные глаза, в которых черти плясали всегда и постоянно, слышать смех и видеть улыбку на губах. Черт, даже эти синие волосы и пирсинг сейчас казались пределом совершенства, нормой, к которой он привык и не желал прощаться! Банальностью было бы назвать это любовью. Это было куда больше, сильнее, непостижимей, чем просто «любовь». Это было в доверии, во взглядах, в прикосновениях, тихом шепоте на ухо, сверкающих глазах и улыбке. И этого было так много, что в голове все путалось, мешая понять. Да и нужно ли что-то понимать, когда это уже принято твоим сердцем и разумом? Когда уже не имеет смысл, что конкретно прячется под сумбуром чувств, главное, что оно есть?

Алиса зашевелилась и сонно раскрыла глаза, будто Марка мешал ей спать своим взглядом.

— В чем дело? — сонно пробормотала девушка, заползая на мужчину всем телом и укладывая голову ему на плечо.

— Спи, — только и сказал тихо Марк в ответ, успокаивающе поглаживая ее макушку, а пальцами другой руки перебирая локоны на ее спине.

Алиса послушно затихла в его руках, а он так и не уснул до самого утра, не прекращая вдыхать сладкий запах, ощупывать кончиками пальцев все ее тело, запоминать, как четко и гармонично оно сливается с его собственным.

Лишь поздним утром девушка проснулась. Зашевелилась в руках Марка, тыкаясь сонно носом ему в плечо, ощупывая его руками, будто проверяя, не снится ли он ей, и лишь после этого открывая глаза, встречаясь с ним взглядами. Медленно улыбка расплзлась по ее нежному, слегка помятому, но оттого еще более милому, лицу, и она снова мурлыкала,

довольно потягиваясь, напоминая мужчине в такие моменты кошечку, сытую и довольную жизнью.

— Чего такой кислый? — положив ладошки ему на грудь и опираясь в них подбородком, глядя ему в лицо, спросила Алиса.

Марк только усмехнулся, коснувшись кончиками пальцев ее высокой скулы, давая ей возможность проснуться окончательно и самой вспомнить повод для грусти. А возможно, это лишь для него был повод, ей же все могло быть по боку? Но Марк все же в этом сомневался: как бы ни была Алиса смела на слова, он видел ее ответную привязанность к себе, не сомневался в ее доверии, в ее отношении в целом. Она могла играть для всех и со всеми, но с ним всегда была честна, пусть с долей хитрости, замалчивания, но тем не менее. И подтверждение этому появилось, как только в глазах Алисы зажглось понимание, вспомнилась причина, которая со сна, в его объятьях, на миг показалась лишь призрачной.

— Не думай, — подалась девушка чуть вперед, касаясь его губ своими, найдя в этом способ забыться еще на несколько часов.

Марк обхватил ладонями ее личико, отвечая на поцелуй, углубляя его и прикрывая глаза, готовый убежать от реальности вместе с ней, пусть это и было для него непривычно. Но с Алисой все его привычки, принципы и устои давно потеряли свою значимость, силу и смысл. Перекатываясь и поднимая под себя покорное тело, он лишь сильнее приник к ее сладким губам, что имели вкус вареной сгущенки, целую банку которой она съела перед сном, сидя на его кровати и смотря в телевизор, в то время как он не отрывал своего взгляда от нее. Обнаженные тела тут же переплелись в привычной тесноте, руки заскользили по коже, а дыхание стало учащаться.

Но как бы ни была приятна эта близость, как бы ни была горяча и страстна, мысли все равно не покидали разумов. И оттого все ласки были сильнее, поцелуи жестче, касания жадней, а движения отчаянней. Будто не хватало всего и сразу, будто было мало, недостаточно, неполноценно. Алиса беспрестанно никла к нему, шепча его имя в бреду удовольствия, а Марк был не в силах разжать руки, отпустить ее хоть на миг. И даже когда все закончилось, так и не выпустил ее, удерживая у себя на коленях, лицом к лицу, чтобы обнимать, касаться губами, руками обвивать крепко нежный стан, вдыхать сладкий запах их близости и ее собственный.

Ни разу за все время, как они стали любовниками, Алиса не воспользовалась этим своим преимуществом. Не попыталась найти выгоду в его привязанности к ней, не попыталась воспользоваться им. Ей даже в голову не пришло просить его о чем-то, что могло бы выходить за рамки их искреннего доверия, что подорвало бы его. Она была с этим мужчиной, открылась ему не из выгоды, не по причине возможности воспользоваться им в корыстных целях, а лишь потому, что желала этого всем сердцем. А Марк ждал от нее этого. Не сомневался в ее чувствах к нему, в честности, но ждал: она слишком сильно желала помощи в обретении свободы, что вполне могла бы позволить себе попросить об этом. Это — свобода — было самым желанным в ее жизни, и это всегда останется неизменным. Могут поменяться привычки, вкусы, но не стремление убежать от всего и всех, чувствовать себя хозяйкой жизни, нести ответственность лишь за себя, никому не подчиняться, никого не просить. Марк не понимал этого, подчиняясь всю свою сознательную жизнь и подчиня себе других. Его жизнь была полностью противоположна той, что жила девушка. Для него нормой было жить по правилам, нормой было выполнять приказы, и он никогда не стремился изменить свое положение, свой статус — это удовлетворяло его многие годы. Но

Алиса дала ему возможность увидеть разницу между тем, как они жили. И за слишком короткое время он пристрастился к этому вкусу свободы, безответственности и легкости бытия. Это удивляло его самого, заставляло недоуменно качать головой, ловя себя на подобных мыслях и открытиях. Но это пришло так легко, что он даже не пытался это побороть, к тому же приносило слишком много радости и удовольствия, заставляло по-новому, иначе смотреть на все вокруг, чего-то желать, к чему-то стремиться и что-то менять. Еще пару месяцев назад он рассмеялся бы в лицо тому, кто усомнился в его принципах, в его образе мышления и жизни, в его твердокаменности и неуступчивости, излишней правильности. Сейчас хотелось смеяться лишь над самим собой.

— Почему ты не просишь? — тихо произнес Марк, зарываясь лицом в ароматные влажные локоны девушки на ее плечах.

— Не прошу о чем? — перебирая пальцами его волосы, спросила Алиса.

— Помочь тебе. Вытащить, освободить, дать убежать, — заглядывая ей в глаза, уточнил Марк.

Девушка лишь коротко и невесело усмехнулась, опуская взгляд.

— Потому что я не имею на это права. Это — система — твоя жизнь, уже много лет. Пойти против нее ты не сможешь, просто не сумеешь побороть свой долг, свою ответственность, свое предназначение. И я понимаю это и принимаю. Я никогда не попрошу тебя оставить то, из чего состоит твоя жизнь. Никогда не попрошу уйти из-за собственной прихоти. Я знаю, как это важно для тебя, знаю, как ответственно и серьезно ты относишься к тому, как живешь. Это — твоя суть. Я не имею права просить тебя выбирать.

Марк коротко кивнул, но на губах появилась ухмылка, которой девушка не видела, глядя в сторону и задумчиво сведя брови. Мужчина и не думал, что Алиса может так серьезно и правильно относиться к тому, что важно для него. Она была эгоисткой, что уж тут скрывать, всегда жила лишь по своим правилам, плевать хотел на общество и каждого человека в частности, тем более, когда могла с такой легкостью добиваться их расположения даже в самой неподходящей ситуации и с самой удивительной личностью. И все-таки она не ставила его перед выбором, понимая и не пытаясь все вывернуть в свою сторону. И сейчас Марк поймал себя на мысли, что разочарован этим, что хотел бы, чтобы она попросила, чтобы хотя бы так обосновать собственную обескураженность и хаотичные мысли, что не давали покоя уже несколько дней, ища иной выход из сложившейся ситуации.

— А ты попроси, — мягко, но твердо произнес Марк, когда Алиса вновь посмотрела на него. — Попроси — и я сделаю. Найду. Вытащу. Заберу. Землю перерою, если ты захочешь.

Он обхватил ладонями ее лицо, серьезно глядя ей в глаза, прислонившись лбом к ее лбу, шепча эти слова ей в губы тихо-тихо, без горячности, присущей ситуации драмы и страстности, без нервно дрожащих рук и губ. Но так открыто, так спокойно и решительно, что не возникало сомнения в искренности его побуждений.

Глаза девушки поначалу широко распахнулись, неверяще и шокировано. А потом на губы медленно выползла улыбка — довольная, хитрая и счастливая. Глаза засияли, а тишину комнаты нарушил веселый задорный смех. Алиса уложила Марка на спину, улыбаясь ему, взяла его ладонь на своем лице в руку и мягко коснулась губами центра, нежно глядя ему в глаза.

— И ты выполнишь свое обещание? — продолжая улыбаться, спросила девушка, глядя ему в глаза.

— Выполню, ты знаешь.

— Тогда пообещай, что найдешь меня! — горячо зашептала Алиса ему в губы, проникновенно и умоляюще глядя ему в глаза. — Пообещай, что вытацишь, что поможешь уйти и сбежать! Что не оставишь, что придешь за мной, где бы я ни была!

— Обещаю, — ответил Марк, крепко-крепко прижимая ее к своей груди, пряча в своих руках от всего мира на несколько минут, еще принадлежавших только им.

А через несколько часов он смотрел вслед уезжающей машине, за рулем которой был Тимур, увозя из школы Алису. Перед тем как сесть внутрь, друг бросил на него сожалеющий взгляд и, как показалось Марку, немного стыдливый: за то, что именно он забирает у него его вздорную малышку, что именно он подтолкнул его к ней однажды, а теперь сам же разлучает. Сама девушка не смотрела на него, не сказала ни слова — все осталось в его комнате: и слова, и взгляды, и прикосновения.

И пусть Марк знал, что еще увидит Алису, найдет ее, как обещал, все равно чувствовал себя потерянным и опустошенным. Душа рвалась за ней, а тело приходилось сдерживать, чтобы оно невольно не потянулось вслед, показывая всем вокруг как же ему тяжело сейчас стоять и равнодушно смотреть на скрывающуюся за поворотом машину. Маска на лице как обычно прятала все его чувства и эмоции, даже глаза были привычно холодные, и никто из тех, кто был сейчас рядом и мог увидеть его, не сказал бы, что его трогает отъезд любимицы.

— Я тоже однажды потеряла дорого мне человека, — раздался неожиданно голос Евы позади Марка, приближение которой она как всегда не заметил. — Именно поэтому стала такой.

— Я не потерял, — только и ответил мужчина, медленно переведя на нее холодный равнодушный взгляд. — И не опустил рук, как это сделала ты. Не дал горю завладеть моей душой, не дал сделать из себя пустышку.

— Вот какой ты считаешь меня? — невесело хмыкнула Ева, глядя ему в глаза.

Они впервые разговаривали друг с другом на последние месяцы. С тех пор, как Марк сблизился с Алисой, Ева ушла в тень, интуитивно ощущая, что ее время рядом с этим мужчиной подошло к концу. Не было сожалений, ревности, обиды и разочарования — в конце концов, он ничего ей не обещал. Она просто приняла как данность, что вновь осталась без спасительного круга. А теперь Марк говорит ей о том, что думает о ней. И даже это не было обидно, потому что было правдой.

— Ты знаешь это не хуже меня. Ты еще очень молода, чтобы начать все заново.

— Так вот чему научила тебя эта девочка? Начать все заново? — задумчиво протянула молодая женщина.

— В том числе, — скупно кивнул Марк и ушел.

Он шел, думая о том, как много еще впереди дел, отстраняя от себя мысли, что сейчас были не к месту. Он уже почувствовал опустошение, тоску и грусть, и пока этого хватит. Пора было брать себя в руки и идти дальше, действовать, чтобы выполнить свое обещание. Он не собирался раскисать, не собирался предаваться унынию — на это не было времени. Да и зачем? Нужно сосредоточиться на том, что предстоит сделать, а не том, что бушует внутри и лишь мешает рационально думать. Пусть Алиса и научила его принимать чувства, не отгораживаться от эмоций и желаний, здравость и рассудительность никуда не делись, по-прежнему продолжая служить ему, как и острый ум, опыт и знания, которые и приведут его к новой цели.

Четко чеканя шаг, уверенно глядя вперед, каждым своим жестом выражая свою силу и власть, Марк шел к школе. Здесь его время подходило к концу. Здесь вообще вся его

прежняя жизнь подошла к концу. Проклиная это место за его грязь, за его пошлость и низость, он и не думал, что однажды оно станет началом его новой жизни во всех смыслах этого слова. Не подозревал, что сломанные души тех, кто окружал его, станут отправной точкой его нового пути, что дадут понять ему новые истины, что станут началом конца его привычного и такого пустого существования. Он не ощущал в себе грандиозных изменений, ничто на первый взгляд не поменялось. Но в то же время, глубоко в душе, где никто не видит, все встало вверх тормашками, все, прежде значимое, перестало иметь вес. Все благие помыслы, которыми он увещевал себя, чтобы оставаться здесь и делать свою работу, смылись чистым звонким смехом и хитрой улыбкой, правдой в лицо и язвительностью в ответ. Уже не казалось правильным вообще находиться здесь и прикладывать руку к тому, что творилось в этих стенах. Резко пришло понимание, что, действительно, он слишком завяз в системе, раз подобное стало казаться нормальным. Кто в здравом уме похвалит его за его работу? Кто скажет, что он делает все правильно? Только психи, такие же, каким едва не стал он. Он не будет винить и осуждать тех, кто все это время стоял рядом с ним, потому что сам такой же. Сам ломал, заставлял, гробил и уничтожал. Но вопрос в том, что ему надоело, что он понял, что больше не может и не хочет, что готов попробовать бороться с тем, что всегда казалось незыблемым и вечным. Зерно сомнения, капля чувств — и он уже решительно настроен выйти отсюда как можно скорее, оставить за спиной все, что прежде казалось правильным и нужным, необходимым. Марк оправдывал себя годами, находясь здесь: что не он, так кто-то другой, что он один ничего не именит, что ему не противостоять в одиночку против всей системы. И лишь недавно осознал, что этого и не требуется. Не нужно бороться за всех и сразу, за справедливость, за права и обязанности, за законы и порядки. Нужно бороться лишь за самого себя: свое счастье, свою жизнь и свою свободу. Не стоит замахиваться на грандиозность и широкомасштабность своих действий — достаточно лишь малости, которая и составит смысл твоей жизни и счастья.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ!

Больше книг на сайте - Knigolub.net